Сергей БЕЛОВ

Жена писателя

Сергей БЕЛОВ

ЖЕНА ПИСАТЕЛЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Москва
«Советская Россия»
1986

8Р1
Б43

Рецензент
доктор филологических наук
Н. Н. Скатов

Художник
Г. В. Дмитриев

Белов С. В.

Б43 Жена писателя: Последняя любовь Ф. М. Достоевского. — М.: Сов. Россия, 1986.—208 с., 8 л. ил.

Книга расскажет о жизни и деятельности Анны Григорьевны Достоевской — жены и помощницы писателя, сыгравшей выдающуюся роль в истории русской литературы и культуры.

Перу А. Г. Достоевской принадлежит уникальный библиографический указатель произведений Достоевского и литературы о нем; она семь раз издавала собрания сочинений писателя, сохранила его «Письма»; организовала книжный магазин по продаже его сочинений; открыла в Старой Руссе специальную школу имени Достоевского; подготовила к печати свои «Воспоминания» и «Дневник».

В книге использованы новые архивные материалы и фотографии.

Б $\frac{4603010202-085}{М-105(03)86}$ 79—87 8Р1

Работа известного ленинградского литературоведа и книговеда С. В. Белова «Жена писателя. Последняя любовь Ф. М. Достоевского» посвящена Анне Григорьевне Достоевской. Это первая у нас книга, рассказывающая о жизненном пути этой замечательной русской женщины.

Много лет отдал С. В. Белов поиску материалов об А. Г. Достоевской, действительно совершившей подвиг во славу Достоевского, во славу русской литературы.

Огромны заслуги ее перед русской культурой. Как беззаветно надо было любить Достоевского и каким надо было обладать духовным потенциалом, чтобы посвятить всю свою жизнь этому великому имени!

И можно только приветствовать появление талантливой и интересной книги о жизни и деятельности А. Г. Достоевской, навек вошедшей в историю русской культуры.

Академик Д. С. Лихачев

Посвящается Кате

Автор

Этой отваги и верности
Перевелось ремесло...
Больше российской словесности
Так никогда не везло.

Вл. Корнилов. Жена Достоевского

Сам я не пережил блокады, но в 1944 году, когда поступил в 1-й класс 161-й ленинградской школы, узнал, что у нас есть еще один ученик, но он будет заниматься дома, так как ему тяжело ходить, он болен после блокады. Этот мальчик жил со мной на одной лестничной клетке в доме № 9 по 5-й Советской улице. Я часто навещал Игоря Денисьева — так звали его. Он был удивительно способный и начитанный, очень любил книги, уверен, что он мог бы стать замечательным книжником. Но судьба распорядилась иначе. Игорь проучился недолго. Через семь месяцев он умер. Мне никогда не забыть, как после смерти восьмилетний мальчик стал похож на восьмидесятилетнего старика. Через 12 лет я впервые прочел «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и пронзительно остро почувствовал и смерть Илюшечки Снегирева, и слова Ивана Карамазова об одной слезинке безвинно погибшего ребенка...

В школе мы Достоевского не проходили, и своему увлечению я во многом обязан крупнейшему советскому исследователю жизни и творчества писателя профессору Аркадию Семеновичу Долинину, чьи лекции по русской литературе XIX века я слушал в конце 1950-х годов в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена.

Однако решающую роль в моей судьбе сыграла, очевидно, встреча с Андреем Федоровичем Достоевским. Осенью 1960 года А. С. Долинин направил меня к внуку писателя.

Как сейчас, помню тот день, когда я первый раз поехал на Наличную улицу в Ленинграде. Страшно волновался: к многочисленным потомкам Пушкина и Толстого мы как-то привыкли, а тут единственный внук Достоевского. Но волновался я зря. Андрей Федорович оказался приветлив и доб-

рожелателен ко всем, кто интересуется писателем. Много было в нем черт, унаследованных от деда: и бескорыстие, и какая-то стремительность во всем, и чувство долга.

Я стал бывать у него почти каждый день, мы очень сблизились, я старался записывать все, что он мне рассказывал о своем роде. От Андрея Федоровича я впервые услышал имя его замечательной бабки Анны Григорьевны Достоевской.

В 1986 году исполнилось 140 лет со дня ее рождения, а 15 февраля 1987 года — 120 лет с того памятного дня, когда она стала женой великого русского писателя.

ИСТОКИ

Анна Григорьевна родилась 30 августа 1846 года в семье мелкого чиновника Григория Ивановича Сниткина (1799—1866) в Петербурге, в квартире, окна которой выходили на площадь перед Александро-Невской лаврой.

В своих мемуарах Анна Григорьевна пишет: «С Александро-Невской лаврой в Петербурге соединены многие важные для меня воспоминания: так, в единственной приходской церкви (ныне монастырской) Лавры, находящейся под главными входными вратами, были обвенчаны мои родители. Сама я родилась 30 августа, в день чествования св. Александра Невского, в доме, принадлежащем Лавре, и давал мне молитву и меня крестил лаврский приходской священник. На Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры погребен мой незабвенный муж, и, если будет угодно судьбе, найду и я, рядом с ним, место своего вечного успокоения. Как будто все соединилось для того, чтобы сделать Александро-Невскую лавру самым дорогим для меня местом во всем мире»[1].

Украинские предки отца Анны Григорьевны, Г. И. Сниткина, носившие фамилию Снитко, продав имение в Полтавской губернии, переехали в Петербург, где обрусели и стали уже называться Сниткиными.

В 1920 году дочь писателя Любовь Федоровна Достоевская (1869—1926), находясь за границей, выпускает в Мюнхене на немецком языке книгу о своем отце под заглавием «Dostojewski, geschildert von seiner Tochter». В 1922 году у нас выходит в сильно сокращенном виде перевод этой книги — «Достоевский в изображении его дочери». Однако когда я стал сравнивать русский перевод с

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания/Вступ. ст., подготовка текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова.— М., 1981.— С. 40.

немецким изданием, то убедился, что в русском переводе исчезли многие важные страницы, в частности рассказ об отце Анны Григорьевны, Григории Ивановиче Сниткине.

«...Мой дедушка в молодости проводил все вечера в театре, где выступала актриса Асенкова, и знал ее монологи наизусть, — пишет Л. Ф. Достоевская в немецком издании своей книги. — Руководство императорских театров разрешало тогда почитателям актеров приветствовать их на сцене. Юношеская робкая и благоговейная любовь моего дедушки очень нравилась Асенковой, и она была благосклонна к нему. Так она доверяла моему дедушке свою шаль и цветы, когда шла на сцену читать прекрасные стихи Расина и Корнеля; на его руку она опиралась, возвращаясь дрожащая и обессиленная в свою ложу, тогда как восхищенные зрители бурно аплодировали обожаемой актрисе. Остальные поклонники Асенковой ревновали ее к моему дедушке и требовали в свою очередь теперь права нести ее шаль и сопровождать ее в ложу. «Нет! — сказала Асенкова ревнивцам, — нет, это право принадлежит Григорию Ивановичу. Я так хорошо себя чувствую, опираясь на его руку!»

Бедная Асенкова была очень хрупкой, очень болезненной; она страдала чахоткой и умерла молодой. Отчаяние моего дедушки было необычайным; в течение многих лет у него не хватало мужества пойти в театр, который он так любил. Он никогда не забывал великую трагическую актрису и часто молился на ее могиле. Моя мать рассказывала, что ее отец однажды, когда она была еще совсем маленькая, взял ее, ее брата и старшую сестру на кладбище, заставил их преклонить колени перед надгробием Асенковой и сказал им: «Дети, молите бога об упокоении души великой актрисы нашего столетия!»[1]

Григорий Иванович Сниткин обладал легким и жизне-

---

[1] Dostojewskaja L. F. Dostojewski, geschildert von seiner Tochter.— München, 1920.— S. 139.

радостным правом, увлекался не только театром, но и литературой, прекрасно знал ее и был большим почитателем таланта Достоевского. Именно от своего отца Анна Григорьевна впервые услышала это имя и уже в шестнадцать лет она зачитывалась «Неточкой Незвановой» (в семье и в гимназии ее даже в шутку звали Неточкой), проливала горькие слезы над страницами «Записок из Мертвого дома», а скромного и благородного рассказчика Ивана Петровича из романа «Униженные и оскорбленные» невольно отождествляла с самим автором этого произведения. Благодаря своему отцу Анна Григорьевна полюбила творчество Достоевского еще в ранней юности.

Но от отца к Анне Григорьевне перешла не только любовь к литературе и к творчеству Достоевского, но, вероятно, и тот литературный дар, который проявится позднее, когда она станет писать свои воспоминания.

Мать Анны Григорьевны — Анна Николаевна Сниткина (урожденная Мильтопеус) (1812—1893) — обруселая шведка финского происхождения. «Жили прадеды в Або и погребены в стенах тамошнего знаменитого собора, — вспоминала через много лет Анна Григорьевна.— Посетив однажды Або, проездом в Швецию, я попыталась было найти в соборе могилы предков, но так как не знала ни финского, ни шведского языка, то не могла от сторожа добиться никаких сведений»[1].

Мне повезло больше. Когда я в 1966 году приехал в Финляндию, в Турку (Або), то с помощью потомка русского поэта и критика Аполлона Григорьева А. В. Эйхвальда, жившего в Турку, и финского журналиста Ганса Отмана, страстного почитателя Достоевского, нашел в местном соборе могилу шведско-финских предков Анны Григорьевны по материнской линии, точнее, могилу ее прапрадеда, профессора и ректора Духовной академии в Або Мартина Мильтопеуса (1631—1679).

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 43.

По моей просьбе Ганс Отман составил родословную этой ветви Анны Григорьевны. Оказалось, что в ее роду было много видных шведских и финских ученых. (Кстати, потомки сестры Мартина Мильтопеуса до сих пор живут в Турку.)

Возможно, что от материнских предков Анна Григорьевна и унаследовала те черты — аккуратность, собранность, стремление к порядку, целеустремленность,— которые позволили ей сделать так много для пропаганды творчества Достоевского, в частности составить грандиозный библиографический указатель его произведений и литературы о нем за полвека, с 1846 по 1903 год.

Яркую характеристику Анне (Марии-Анне) Николаевне Сниткиной дает Л. Ф. Достоевская в немецком издании своей книги «Dostojewski, geschildert von seiner Tochter». «Моя бабушка потеряла своих родителей очень рано, и ее воспитывали тетки, не давшие ей счастливой юности, — пишет Л. Ф. Достоевская. — Когда Мария-Анна выросла, то стала очень хороша. Высокая, стройная, с классически правильными чертами лица, с великолепным цветом лица, голубыми глазами, роскошными золотистыми волосами, она вызывала всеобщее восхищение. У Марии-Анны был великолепный голос, и подруги называли ее «второй Кристиной Нильсон»[1]. Это восхищение вскружило моей бабушке голову, и она решила стать певицей. Она отправилась в Петербург, где ее братья служили офицерами в императорском гвардейском полку, и сообщила им о своем плане. «Ты сошла с ума, — сказали ее испуганные братья. — Ты будешь виновата, если мы будем выгнаны из полка! Товарищи не позволят нам остаться, если ты станешь артисткой».

В России всегда было довольно строго в этом отношении; офицер, чтобы жениться на актрисе, должен был выйти в отставку. Вероятно, в то время, когда моя бабушка

[1] Шведская певица (1843—1921).

была молода, русские офицеры также не могли иметь родственников на сцене. Мария-Анна должна была пожертвовать актерским честолюбием военной карьере своих братьев. Она сделала это с тем большей готовностью, что вскоре после пребытия в Петербург она влюбилась в одного из их товарищей, молодого офицера-шведа. Любящие обменялись клятвой верности и хотели пожениться, когда разразилась война; офицер был отправлен на фронт и убит там одним из первых.

Мария-Анна была слишком горда, чтобы плакать, но ее сердце было разбито. Она и далее жила у своих братьев, но не обращала больше никакого внимания на мужчин; они больше для нее не существовали. Ее невестки находили очень неудобной для себя красивую девушку с властным характером, которая у всех оспаривала первенство. В те времена девушка из хорошей семьи не могла жить одна; она должна была жить или в доме супруга, или родных. Следовательно, ей нужно было выйти замуж, чтобы освободиться. Ее невестки взялись за дело, устраивали вечера и приглашали молодых людей. Прекрасная шведка, певшая страстным голосом, очень нравилась. Мария-Анна получила много предложений, но отклонила все. «Мое сердце разбито, — сказала она своим родным, — я никого не могу любить». Невестки рассердились, услышав эти слова, казавшиеся им бессмысленными, и попытались вразумить свою эксцентричную родственницу. Однажды, когда ее заставляли принять представлявшуюся ей выгодную партию, Мария-Анна сказала с раздражением: «Слушайте, ваш протеже мне настолько противен, что, если уж я во что бы то ни стало должна выйти замуж, лучше я выйду за доброго старого Сниткина; он, по крайней мере, симпатичен».

У Марии-Анны вырвались эти неосторожные слова, которым она не придала значения. Но ее невестки тотчас же ухватились за них. Они послали преданных подруг к моему дедушке, чтобы те с большой деликатностью рассказали ему о пылкой страсти, которую воспламенили в серд-

не девицы Мильтопеус его достоинства. Мой дедушка был очень удивлен. Конечно, он восхищался прекрасной шведкой и с удовольствием слушал оперные арии в ее исполнении, но ему никогда не приходила в голову мысль, что он может понравиться этой красивой девушке. Она никогда не обращала на него никакого внимания, рассеянно улыбалась, проходя мимо, и редко когда обращалась к нему с какими-нибудь словами. Но если она действительно так его любила, то он был, конечно, готов просить ее руки.

Невестки Марии-Анны, ликуя, передали ей предложение моего дедушки. Бедная девушка очень испугалась. «Но я не хочу выходить замуж за этого старого господина,— сказала она своим невесткам.— Я говорила о нем для сравнения, чтобы вы поняли, до какой степени был мне противен другой претендент». Это объяснение запоздало. Родственники Марии-Анны сказали ей строго, что хорошо воспитанная молодая девушка никогда не может произносить неосторожные слова; что, конечно, можно отказать жениху, который является, не зная, как будет принято его предложение; но отклонить предложение, самой спровоцированное, это значило бы оскорбить порядочного человека, не заслужившего, конечно, такой обиды; к тому же Марии-Анне уже двадцать семь лет, и она не может неизвестно до каких пор оставаться у своих братьев, и сейчас для нее самое время задуматься наконец всерьез о своем будущем. Бабушка моя увидела, что невестки подстроили ей ловушку, и покорилась неизбежному. К счастью, этот «добрый старый Сниткин» был ей симпатичен.

Брак этих двух мечтателей оказался неплохим. Мой дедушка никогда не забывал знаменитую Асенкову, моя бабушка всегда думала о своем любимом женихе, бедном офицере-блондине, павшем на поле битвы; это, однако, не помешало им иметь нескольких детей. Их характеры дополняли друг друга; моя бабушка была властной, ее супруг робким; она приказывала, он повиновался. Однако мой дед всегда умел настоять на своем, когда речь шла о ве-

щах, за которые он болел душой. Он хотел, чтобы его жена сменила религию, и объяснил ей, что дети не могут быть хорошими христианами, если их родители принадлежат к разным вероисповеданиям. Моя бабушка стала православной...»[1]

«Я вспоминаю мое детство и юность с самым отрадным чувством, — писала впоследствии Анна Григорьевна,— отец и мать нас всех очень любили и никогда не наказывали понапрасну»[2].

Веселый и открытый характер отца, сдержанный, ровный — матери создавали на редкость спокойную и радостную обстановку в семье, и детство и юность Неточки Сниткиной протекали вполне безмятежно.

От матери она унаследовала волевой характер, чувство собственного достоинства и ту практичность в хорощем смысле этого слова, которая в конце концов создаст Достоевскому относительное материальное благополучие.

И все же главным, решающим фактором, предопределившим жизненный подвиг Анны Григорьевны, явился живительный воздух конца 1850-х— начала 1860-х годов в России, когда по всей стране прокатилась бурная волна свободолюбивых стремлений, когда молодежь мечтала получить образование и добиться материальной независимости.

Два двоюродных брата Анны Григорьевны — Михаил Николаевич Сниткин (1837—?) и Александр Николаевич (1842—?) становятся врачами, родной брат Иван Григорьевич Сниткин (1849—1887) — агрономом, а сама она вместе со старшей сестрой Марией Григорьевной (1841—1872) принадлежали к первому поколению русских женщин, получивших гимназическое образование.

В 1855 году Неточка Сниткина поступает в училище святой Анны («Anna Schule») на Кирочной улице в Петер-

---

[1] Dostojewskaja L. F. Dostojewski, geschildert von seiner Tochter.— S. 140—144.

[2] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 46.

бурге (сейчас в этом здании по улице Салтыкова-Щедрина, д. 8 находится 239-я средняя школа Ленинграда). Преподавание всех предметов здесь велось на немецком языке. Знание этого языка пригодилось Анне Григорьевне, когда в 1867 году она оказалась вместе с Достоевским в Германии и смогла, записывая свои ежедневные впечатления, оставить потомкам замечательный «Дневник 1867 года» — подробный рассказ о пребывании Достоевского за границей.

Весной 1858 года Неточка Сниткина успешно оканчивает училище святой Анны, а осенью поступает во второй класс Мариинской гимназии — первой женской гимназии в Петербурге.

Русский язык и литературу в этом учебном заведении преподавал крупный русский педагог, основоположник методики преподавания словесности Владимир Яковлевич Стоюнин (1826—1888). Он высоко ценил талант Достоевского и, несомненно, сумел привить свою любовь к писателю и ученицам Мариинской гимназии. Под редакцией В. Я. Стоюнина в 1887 году вышел сборник «Выбор из сочинений Ф. М. Достоевского для учащихся среднего возраста (от 14 лет)». Книга выдержала два издания и была одобрена самой Анной Григорьевной Достоевской.

Его жена, известная общественная деятельница, много сил отдавшая развитию женского образования в России, Мария Николаевна Стоюнина (1846—1940), подруга Анны Григорьевны по Мариинской женской гимназии, вспоминает, что уже в гимназии Неточка Сниткина «привлекала к себе сердца своей правдивостью, искренностью», «она из тех пламенных натур, у кого трепещущее сердце, не знающее ровного, спокойного биения»[1].

М. Н. Стоюнина рассказывала об Анне Григорьевне, как о начитанной, общительной и живой девушке, обладав-

[1] Из воспоминаний М. Н. Стоюниной об А. Г. Достоевской// Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы.— Сб. 2.— Л.; М., 1924.— С. 578, 579.

шей «даром картинного воспроизведения всего того, что видела и наблюдала в окружающей жизни». «Стоит ей выйти на улицу, на рынок, с самой будничной целью, — свидетельствует М. Н. Стоюнина,— как она все подметит, не только крупное событие, яркую сцену, но и мелкие, но важные, характерные подробности. Возвратясь домой, она все изобразит картинно, сценично, в лицах, — в ней несомненно таился огонек артистки»[1].

Окончив гимназию с серебряной медалью, А. Г. Сниткина поступила на Педагогические курсы, открытые в 1863 году магистром русской словесности Николаем Александровичем Вышнеградским (1824—1872). Со свойственной ей непосредственностью она вспоминала потом о неудачной учебе на этих курсах: «В то время в обществе существовало увлечение естественными науками; я поддалась течению: физика, химия, зоология представлялись мне каким-то «откровением», и я поступила на физико-математическое отделение курсов. Вскоре, однако, я убедилась, что выбрала не то, что соответствовало моим наклонностям, и что мои занятия имеют лишь печальный результат: при опытах кристаллизации солей, например, я больше занималась чтением романов, чем наблюдением за колбами и ретортами, и они жестоко страдали; пока читались лекции по зоологии, я ими интересовалась, но когда перешли к практическим занятиям и при мне стали препарировать мертвую кошку, я, к большому моему конфузу, от отвращения упала в обморок»[2].

Лишь талантливые лекции по русской литературе профессора Владимира Васильевича Никольского (1836—1883) и самого Н. А. Вышнеградского запомнились Неточке Сниткиной. В ее архиве сохранился редкий документ — отрывок из ее литературного сочинения о Вальтере Скотте

---

[1] Из воспоминаний М. Н. Стоюниной об А. Г. Достоевской.— С. 579.

[2] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 47.

на Педагогических курсах с исправлениями Н. А. Вышнеградского.

«...Вальтер Скотт есть писатель преимущественно объективный,— писала Анна Григорьевна,— т. е. он рассказывает события с необыкновенным спокойствием, не высказывая своих чувств. Вследствие этого спокойствия описания его очень подробны и так наглядны, что легко их можем себе представить...»[1] Н. А. Вышнеградский исправляет последнюю фразу: «что легко и совершенно ясно можем себе представить описываемые предметы».

Анна Григорьевна часто называла себя «девушкой шестидесятых годов», отмечала, что она принадлежала к либеральному поколению 60-х годов и отрицала многие старые обычаи, в том числе «сватовство». Конечно, в полном смысле Анна Григорьевна «шестидесятницей» не была. От отца она унаследовала религиозность (в 1859 году чуть было не поступила в монастырь, когда отдыхала у своей родственницы в Пскове), а от матери — консерватизм (и в том, и в другом сходилась, кстати, с Достоевским).

Однако Анна Григорьевна не случайно считала себя «девушкой шестидесятых годов». Во всем, что касалось женского равноправия, образования и материальной независимости, она горячо поддерживала представителей радикальной молодежи. Она сочувствовала и общему протесту своего поколения против условностей и светских предрассудков.

Неизданные до сих пор части дневника А. Г. Достоевской, содержащие воспоминания юности и расшифрованные 15 лет назад замечательной ленинградской стенографисткой Ц. М. Пошеманской[2], показывают, что той средой, где формировалась Неточка Сниткина как «шестидесятница», был дом ее двоюродных братьев-врачей. Именно здесь со-

---

[1] Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (далее ГБЛ), ф. 93, раздел III, карт. 4, ед. хр. 6.

[2] Хранятся в ГБЛ, ф. 93, раздел III, карт. 5, ед. хр. 15.

биралась та самая студенческая молодежь, которая с беспримерной отвагой отказывалась подчиниться старым догмам и домостроевским канонам и проповедовала этику «мыслящего пролетариата». Непреклонность и смелость, которые проявит впоследствии Анна Григорьевна, решившись на брак с Достоевским, характерны именно для молодого поколения тех лет.

И решение Анны Григорьевны поступить на Педагогические курсы, и выход замуж за человека старше ее на 25 лет, в недавнем прошлом «государственного преступника», и ее жизнь-подвиг с Достоевским и такая же жизнь-подвиг после его смерти,— все это корнями уходит в 60-е годы, в то незабываемое время в истории России, когда молодежь училась бескомпромиссности у великих революционных демократов Чернышевского, Добролюбова, Писарева.

К сожалению, Анне Григорьевне не удалось окончить Педагогические курсы. В связи с тяжелой болезнью отца она вынуждена была целые дни проводить у его постели. Однако отец настоял, чтобы Анна Григорьевна хотя бы вечерами, когда он уже засыпает, посещала стенографические курсы.

Эти бесплатные курсы русской стенографии организовал в Петербурге в начале 1866 года Павел Матвеевич Ольхин (1830—1915). Он окончил Медико-хирургическую академию и, проработав несколько лет врачом, занялся литературным и переводческим трудом, выпустив ряд книг. С 1861 года он стал редактировать основанный им журнал «Вокруг света», а вечерами читал лекции на курсах стенографии. Преподавал он на этих курсах, посещаемых в основном девушками, созданную им наиболее совершенную для того времени систему русской стенографии.

П. М. Ольхин был широко образованным человеком, страстно любил русскую литературу и особенно преклонялся перед талантом Достоевского, с которым познакомился еще во второй половине 1840-х годов в книжном мага-

зине своего отца М. Д. Ольхина — крупного петербургского книгопродавца. Павел Матвеевич очень тяжело переживал каторгу и ссылку Достоевского и был страшно рад, когда тот возобновил литературную деятельность...

Сначала стенографические знаки никак не давались Неточке Сниткиной, и она решила, что ей ни за что их не осилить. Но она дала слово отцу, что будет продолжать занятия (как будто отец предчувствовал судьбу своей дочери). И Анна Григорьевна не только ходит на стенографические курсы, но и становится их лучшей ученицей.

Отец умер 28 апреля 1866 года. Это было первое горе в жизни Анны Григорьевны. Она безутешно плачет на могиле отца на Большеохтинском кладбище и не знает еще, что судьба распорядится так, что через двенадцать лет она будет здесь же плакать на могиле своего последнего ребенка, трехлетнего Алеши Достоевского.

После смерти отца материальное положение семьи Сниткиных ухудшилось, и вот тогда-то пришлось Анне Григорьевне применить на практике свои стенографические знания...

Хороший знакомый Достоевского, педагог и литератор Александр Петрович Милюков (1817—1897), автор широко известной книги «Очерки по истории русской поэзии», по поводу которой Н. А. Добролюбов написал одну из своих замечательных статей «О степени участия народности в развитии русской литературы», вспоминает о своем визите к Достоевскому 1 октября 1866 года: «Он быстро ходил по комнате с папиросой и, видимо, был чем-то очень встревожен.

— Что вы такой мрачный? — спросил Милюков. В ответ Достоевский рассказал о заключенном им с петербургским издателем Федором Тимофеевичем Стелловским (1826—1875) кабальном договоре, по которому он должен представить ему к 1 ноября 1866 года новый роман, объ-

емом в 10 печатных листов. Если бы он не представил этот роман к указанному сроку, то Стелловский приобретал право на безвозмездное издание всех новых произведений Достоевского на девять лет. До срока оставался ровно месяц, а роман для Стелловского еще не был начат, так как Достоевский усиленно работал над другим романом «Преступление и наказание».

Милюков предложил каждому из их приятелей дать возможность написать по главе, а Достоевский потом соединит эти главы в одно произведение. Но писатель наотрез отказался поставить свое имя под чужим романом.

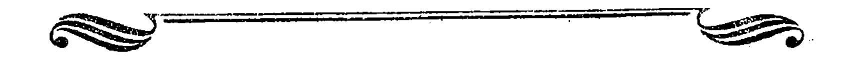
Тогда Милюков предложил для быстроты взять стенографа.

— Это другое дело, — согласился Достоевский, — я никогда еще не диктовал своих сочинений, но попробовать можно... Спасибо вам, необходимо это сделать, хоть и не знаю, сумею ли. Но где стенографиста взять? Есть у вас знакомый?»[1]

Милюков слышал про стенографические курсы П. М. Ольхина и решил к нему обратиться за помощью...

---

[1] См.: Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства.— Спб., 1890.— С. 231.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

В ясное, по-петербургски холодное утро 4 октября 1866 года девушка, скромно одетая, невысокая, худощавая, с овальным лицом и очень хорошими проницательными и глубокими серыми глазами, открытым лбом, чуть-чуть выступающим волевым подбородком, красивыми зубами и пепельными волосами, подошла к дому купца Алонкина на углу Малой Мещанской улицы и Столярного переулка (теперь это дом № 7 по Казначейской улице в Ленинграде). Вчера, во время занятий на курсах стенографии, преподаватель Павел Матвеевич Ольхин предложил ей срочную работу у литератора Достоевского.

Через семнадцать лет Анна Григорьевна вспоминала об этом разговоре с Ольхиным: «А не хотите ли вы получить стенографическую работу? Вы, верно, слыхали о писателе Достоевском. У него есть очень спешная работа, и он нуждается в стенографе». Я отвечала, что не только слыхала о Достоевском, но очень люблю его произведения и что получить у него работу для меня большая честь. Но тут же прибавила, что боюсь, справлюсь ли я с этим делом, что, может быть, он найдет лучшим поручить эту работу лицу более меня опытному. «Я знаю, что вы отлично сумеете исполнить это дело, — сказал он, — боюсь одного, что вы не сойдетесь с Достоевским, он какой-то ужасно странный человек!» На это я рассмеялась и сказала, что мне и сходиться-то с ним вовсе незачем, я постараюсь аккуратно и точно записывать, вовремя приносить переписанное, а что до его характера мне решительно нет ни малейшего дела. «Ну, так если вы согласны, то вот адрес Достоевского: на углу Столярного переулка и Малой Мещанской, дом Алонкина. Он просил вас прийти завтра к половине две-

надцатого, «не раньше, не позже», как он выразился. Постарайтесь быть у него к назначенному времени»[1].

Получив от П. М. Ольхина адрес Достоевского, Неточка Сниткина плохо спала всю ночь. Конечно, она бесконечно счастлива, что будет работать у своего любимого писателя. Правда, ее пугало, что завтра придется разговаривать с таким ученым и умным человеком: а вдруг он заговорит с ней о литературе, о своих произведениях, спросит ее мнение о них?

Впоследствии она признавалась, что ни с чем нельзя было сравнить то волнение, которое она испытывала, идя к своему кумиру. Надо сказать, что все писатели представлялись стенографистке какими-то неземными, высшими существами, а автор «Преступления и наказания» и подавно. Натура ее всегда требовала поклонения чему-то высокому и святому (отсюда ее попытка в тринадцатилетнем возрасте поступить в псковский монастырь), и еще до 4 октября 1866 года таким высоким и святым для нее стал Достоевский. За несколько месяцев до смерти она призналась, что любила Достоевского еще до встречи с ним...[2]

Неточка Сниткина медленно шла по Столярному переулку и в двадцать пять минут двенадцатого подошла к дому купца Алонкина. Это было большое пятиэтажное строение, населенное в основном купцами и ремесленниками. Совсем недавно Анна Григорьевна начала читать в журнале «Русский вестник» роман «Преступление и наказание», и дом Алонкина сразу напомнил ей тот дом, в котором проживал герой романа Раскольников.

Хозяин, купец Иван Максимович Алонкин (?—1875), старообразный и медлительный старик, очень уважал своего жильца, отставного подпоручика Достоевского (так он всегда подписывался). Алонкин видел у него в окнах свет

---

[1] Достоевская А. Г. Первая встреча/Публикация С. В. Белова//Неделя.— 1971.— 13—19 сент.— № 38.

[2] См.: Ковригина З. С. Последние месяцы жизни А. Г. Достоевской// Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы.— Сб. 2.— С. 584.

по ночам и говорил: «То — великий трудолюбец!» Возможно, что Алонкин послужил прототипом купца, покровителя Грушеньки, в «Братьях Карамазовых».

Дворник объяснил девушке, что Достоевский живет в квартире № 13, и показал под воротами вход на лестницу на второй этаж (конечно, если уж Достоевский, то непременно № 13, и она почему-то подумала о тех тринадцати ступенях, по которым каждый раз спускается из своей чердачной каморки Раскольников).

Поднявшись по невзрачной лестнице, Неточка Сниткина робко позвонила в квартиру № 13. Дверь открыла пожилая служанка в драдедамовом платке — не в том ли самом «семейном» драдедамовом платке, в который кутала Соня Мармеладова свое опозоренное тело? — невольно подумала стенографистка.

Достоевский жил вместе со своим пасынком Пашей Исаевым и преданной прислугой Федосьей. Обстановка квартиры была скромная, даже бедная. В скудно меблированном (диван, зеркало и письменный стол) кабинете висел портрет сухощавой дамы в черном платье: то была Мария Дмитриевна Исаева — первая жена писателя, умершая два года назад.

Странным показался скромной стенографистке знаменитый хозяин квартиры. Измученное, болезненное лицо, щедро напомаженные, светло-каштановые, слегка даже рыжеватые волосы, совершенно разные глаза (во время приступа эпилепсии Достоевский, падая, наткнулся на острый предмет и сильно поранил правый глаз).

Выглядел Федор Михайлович гораздо моложе, чем она предполагала. И все же с первого взгляда работодатель произвел на Неточку Сниткину тяжелое впечатление. Вдруг сразу же заговорил о том, что у него эпилепсия и недавно был очередной припадок, — причем заговорил об этом за стаканом необыкновенно крепкого, почти черного чая, беспрерывно куря (чай и табак всегда сопутствовали его творческим часам).

Раздражительный, часто спрашивал свою гостью, как ее зовут, и сейчас же забывал, как забывал он и о самом присутствии ее в комнате, особенно когда начал диктовать пробный текст. Просматривая расшифрованную стенографическую запись, Достоевский стал резко выговаривать переписчице за каждую пропущенную точку.

Какие-то тревожные тени ложились от него на душу. Его непонятное беспокойство и нетерпеливость мешали ей сосредоточиться, но как-то успокаивает и все больше и больше умиротворяет Достоевского эта светло-русая девушка. В конце концов Достоевский предложил ей прийти еще раз, сегодня же вечером. А на прощанье решил даже пошутить, сказав, что очень рад именно девице-стенографу, так как мужчина запил бы, а она не запьет, как он надеется.

«Ни один человек в мире, ни прежде, ни после, не производил на меня такого тяжелого, поистине удручающего впечатления, какое произвел на меня Федор Михайлович в первое наше свидание, — вспоминала Анна Григорьевна в 1883 году. — Я видела пред собою человека страшно несчастного, убитого, замученного. Он имел вид человека, у которого сегодня — вчера умер кто-либо из близких сердцу; человека, которого поразила какая-нибудь страшная беда. Мне было бесконечно жаль его.

Когда я вышла от Федора Михайловича, мое розовое, счастливое настроение разлетелось как дым. Я увидела, что ни одной из моих надежд не сбыться; что работа у нас не пойдет и помощь моя ему не нужна вовсе. Мои радужные мечты разрушились, и я, очень печальная, подавленная чем-то, шла по улицам. Да и все в сравнении с давешним потемнело и потускнело в моих глазах»[1].

Когда молоденькая стенографистка в 8 часов вечера вновь появилась в квартире № 13, она была очень смущена и полна сомнений насчет дальнейшей работы у До-

---

[1] Достоевская А. Г. Первая встреча.

стоевского. Она бы крайне возмутилась, замечает по этому поводу ее дочь Любовь Федоровна, если бы кто-нибудь предсказал ей в тот день, что она еще будет в течение четырнадцати лет стенографировать произведения Достоевского[1].

Стенографистку направили помогать писателю в особо трагичный момент его жизни. Только сейчас Достоевский понял, что самое страшное в договоре со Стелловским — это потеря авторских прав на все свои новые произведения. Достоевский был профессиональным литератором, у него не было других источников дохода, он жил только на то, что зарабатывал собственным пером, литература стала его судьбой, его жизнью, вне литературы он не мыслил своего существования.

Хитрый Стелловский всегда подстерегал русских писателей и музыкантов в особо тяжелые минуты их жизни — так он «подловил» А. Ф. Писемского, В. В. Крестовского и всего за 25 рублей купил права на издание сочинений М. И. Глинки.

Стелловский выяснил, что Достоевский кругом в долгах. Добровольно принятые им на себя обязательства — рассчитаться с долгами неожиданно умершего в июле 1864 года любимого старшего брата по издаваемым им журналам «Время» и «Эпоха» (долгов было 33 000 рублей — сумма огромная по тем временам) и помогать его большой семье — оказались очень тяжелой ношей. Да и пасынок, Паша Исаев, требовал все больше денег, ибо был не очень трудолюбив по характеру и вряд ли можно было рассчитывать на то, что он скоро начнет сам зарабатывать себе на жизнь. Отныне и практически до конца своих дней Достоевский был всегда озабочен думами о насущном хлебе, о средствах к существованию (лишь за год-полтора до смерти, исключительно благодаря стараниям Анны Гри-

---

[1] См.: Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении его дочери.— М.; Пг., 1922.— С. 52.

горьевны, Достоевский смог рассчитаться с долгами брата).

Поразительно читать сейчас пять великих романов Достоевского — «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы». Кажется, все они написаны на одном дыхании, в них нет ничего лишнего, все они, замечательные творения, созданы неповторимой рукой гениального мастера. Но как работал над своими великими романами Достоевский? Анна Григорьевна, единственный очевидец его творческой работы, с горечью пишет: «Сколько раз случалось, что первые три главы романа были уже напечатаны, четвертая набиралась в типографии, следующая шла по почте в редакцию, а остальные были еще не написаны, а только задуманы. И как часто Федор Михайлович, прочтя напечатанную главу своего романа, вдруг ясно видел свою ошибку и приходил в отчаяние, сознавая, что испортил задуманную вещь...

И это была истинная скорбь художника, увидевшего, в чем он ошибался, и не имеющего возможности исправить ошибки! Да, к несчастью, никогда не представлялось ему такой возможности: нужны были деньги для жизни, для уплаты долгов, а потому приходилось, несмотря на болезнь, иногда на другой день после приступа эпилепсии, с отуманенной головой, садиться за работу, спешить, еле просматривать рукопись, только бы она была послана к сроку и можно было бы получить за нее гонорар...»[1]

Но все же главную ставку расчетливый Стелловский делал не на болезнь Достоевского и не на его долговые обязательства, хотя они и были очень тяжелые. (Писателю грозил «Тарасов дом», как среди петербуржцев называли дом купца Тарасова в 7-й роте Измайловского полка, который предприимчивый купец превратил в долговую тюрьму. Любой кредитор мог засадить туда своего должника,

---

[1] Достоевская А. Г. 1881 г. Первое полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского/Публикация С. В. Белова//Книга. Исслед. и материалы.— Сб. 23.— М., 1972.— С. 200.

он обязан был там его кормить, но позор-то какой на всю Россию — Достоевский в долговой тюрьме!) Прежде чем подписать с Достоевским контракт, Стелловский успел через своих агентов выяснить, что он уже работает над романом «Преступление и наказание» для журнала «Русский вестник» и писать одновременно другой роман, да еще объемом в 10 печатных листов, явно не сможет. Таких примеров, чтобы создавать сразу два больших произведения, еще не было в истории русской и мировой литературы!

Аванс, полученный Достоевским от Стелловского после заключения контракта, был немедленно истрачен, причем значительная часть его пошла на уплату самых неотложных векселей, предварительно скупленных за бесценок у кредиторов все тем же Стелловским. И только когда исчез последний рубль, Достоевский понял, какую петлю он надел себе на шею, подписав кабальный договор.

Стелловский рассчитал все правильно. Он только не предвидел одного, а точнее, просто не понял, что имеет дело с писателем, обладающим гигантскими, нечеловеческими возможностями. Чтобы избавиться от грозившей ему долговой тюрьмы и нищеты, Федор Михайлович решается на невероятный шаг. «Я хочу сделать небывалую и эксцентрическую вещь, — сообщал он в это время своей хорошей знакомой, — написать в четыре месяца 30 печатных листов в двух разных романах, из которых один буду писать утром, а другой вечером, и кончить к сроку. Знаете ли... что до сих пор мне вот этакие эксцентрические и чрезвычайные вещи даже нравятся. Не гожусь я в разряд солидно живущих людей. Простите, похвастался! Я убежден, что ни единый из литераторов наших, бывших и живущих, не писал под такими условиями, под которыми я *постоянно* пишу. Тургенев умер бы от одной мысли»[1].

Всю вторую половину 1865 года и первые девять месяцев 1866 года Достоевский усиленно работал над «Прес-

---

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 1.— М.; Л., 1928.— С. 438.

туплением и наказанием». И дело не только в том, что он честно выполнял свои обязательства перед редакцией «Русского вестника». Достоевский понимал: ничего из того, что он написал прежде, не может идти ни в какое сравнение с этим произведением. Вот почему он с таким вдохновением работал над «Преступлением и наказанием», забывая порой, что приближается срок сдачи нового романа Стелловскому.

В тот день, когда молоденькая стенографистка пришла помогать Достоевскому, до срока сдачи «Игрока» оставалось всего двадцать шесть дней, а роман этот существовал лишь в черновых заметках и планах. Это была катастрофа...

Вся надежда теперь только на Анну Григорьевну. Достоевский никогда не пользовался помощью стенографистки, но другого выхода не было. Достоевский временно отложил «Преступление и наказание», предупредив редакцию «Русского вестника», что весь октябрь будет работать над другим произведением.

Тяжелое впечатление, вынесенное Неточкой Сниткиной от первой встречи с Достоевским, рассеялось, когда она пришла к нему во второй раз, вечером. Подали чай, он сказал, что ему понравилось, как она себя держала утром — серьезно, почти сурово, не курила и вообще не походила на тех развязных и самонадеянных стриженых нигилисток, поведение которых его возмущало. Больше всего ему понравилось в стенографистке сочетание женственности, скромности и обаяния с чувством собственного достоинства.

Достоевский просит Анну Григорьевну рассказать обо всех подробностях ее быта, о том, почему она перестала заниматься естественными науками, интересуется ее пристрастиями и увлечениями. Стенографистка просто и серьезно отвечает на дотошные расспросы своего великого собеседника.

Анна Григорьевна сама не заметила, как ей стало с

Достоевским легко и приятно. Показалось вдруг, что она знает его очень давно.

Федор Михайлович тоже почувствовал эту перемену.

Он вдруг разговорился и увлекся воспоминаниями, как это с ним часто бывало, когда имел дело с искренним и благодарным слушателем. И тогда собеседников Достоевского, особенно тех, кто видел его первый раз в жизни, поражали его пронзительная откровенность и доверчивость. Так было и на этот раз. Девушка была удивлена и потрясена его рассказом о казни петрашевцев на Семеновском плацу: ожидание казни, смертный саван, первые три петрашевца, уже привязанные к столбам, вот-вот — расстрел. Жить ему оставалось всего лишь минуту. А как ему хотелось жить! Сколько доброго и хорошего он мог бы еще сделать в жизни! И вдруг, буквально в последний миг, — отмена смертного приговора, новый приговор — четыре года каторги. Это был самый счастливый день в его жизни! Он ходил после помилования по своей камере в Петропавловской крепости и все время громко пел — так он был рад дарованной ему жизни.

Стенографистка сначала не поняла причину доверчивости и откровенности недавно такого скрытного и угрюмого человека. Но ее недоумение длилось недолго. Она почувствовала, что он бесконечно добрый человек, но страшно одинок и очень нуждается в душевном тепле и участии.

Поразительно, как эта двадцатилетняя девушка так быстро прониклась по отношению к Достоевскому тем самым состраданием, которое заключается, по учению самого писателя, именно в способности понять человека, проникнуть в то доброе, что у него есть, и оценить его. Она не все понимала в его гениальных произведениях, но почти сразу и безошибочно научилась читать в его израненном сердце (как Настенька в «Белых ночах» в первую же ночь разгадала чистое и благородное сердце мечтателя, а Наташа сразу же почувствовала душевную красоту Ивана Петровича в «Униженных и оскорбленных»).

И, может быть, Достоевский вспомнил Неточку Сниткину, когда вложил в уста героя романа «Идиот» Льва Николаевича Мышкина слова о том, что в человеке главное — это сердечный ум. Анна Григорьевна обладала таким сердечным умом, высшим умом.

Через полвека она вспоминала: «Дома я с восторгом рассказала маме, как откровенен и добр был со мною Достоевский, но, чтобы ее не огорчать, скрыла то тяжелое, никогда еще не испытанное мною впечатление, которое осталось у меня от всего этого так интересно проведенного дня. Впечатление же было поистине угнетающее: в первый раз в жизни я видела человека умного, доброго, но несчастного, как бы всеми заброшенного, и чувство глубокого сострадания и жалости зародилось в моем сердце»[1].

Жалость и сострадание быстро перешли в любовь, а может быть, она полюбила его, как сама признавалась, еще до встречи с ним, правда, не сразу осознала это. Да и с ним творилось что-то странное. Когда на другой день она опоздала на полчаса, то нашла Достоевского в страшном волнении. Он думал, что она уже не придет... Может быть, в глубине души уже чувствовал, что именно эта девушка ему нужна...

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 69.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ДНЕЙ

Достоевский и Неточка Сниткина, исполненные сознанием высокого смысла и значительности происходящего, словно два бесстрашных рыцаря, начали, в квартире № 13 в доме купца Алонкина, самоотверженную борьбу с жестоким и корыстным издателем Стелловским, длившуюся двадцать шесть дней.

С четвертого октября 1866 года они ежедневно работали по нескольку часов. По ночам он писал «Игрока», а днем диктовал ей. Вечером у себя дома Анна Григорьевна разбирала и переписывала начисто стенограмму, а на другой день Достоевский окончательно исправлял приготовленные ею листы. Оба были предельно напряжены. Работа шла успешно: «Игрок» мог поспеть к сроку.

Неточку Сниткину возмутил рассказ писателя о грабительском контракте со Стелловским, и она решила во что бы то ни стало спасти Достоевского от разорения. Как будто якорь спасения протянули писателю нежные девичьи руки. И с каждым очередным приходом ее он делается спокойнее и мягче.

Исповедь Достоевского о его трагически сложившейся жизни вызвали в Анне Григорьевне восхищение несгибаемой натурой писателя и чувство глубокой симпатии и сострадания к одинокому и неустроенному человеку, так много уже испытавшему за свои сорок пять лет. И Достоевский с каждым днем все больше привыкал к своей помощнице. Он уже стал замечать ее наружность, называть своим любимым словом «голубчик» и очень внимательно выслушивать ее замечания и рассуждения по поводу «Игрока». И она перестала чуждаться его, расспрашивала о прошлом, давала хозяйственные советы, — ее огор-

чали беспорядочность и бедность жизни писателя.

Однажды она заметила, что из столовой исчезли китайские вазы, подаренные ему сибирскими друзьями, в другой раз она увидела, что он ест деревянной ложкой: серебряные заложены, как и китайские вазы. В доме зачастую буквально не было ни гроша, но Достоевский всегда очень добродушно относился к своим материальным затруднениям, считая, что после Семеновского плаца и каторги на такие пустяки просто не стоит обращать внимания.

Неточка Сниткина, перестав бояться известного писателя, говорила теперь с ним откровенно и свободно, как со старым другом. Его же рассказы чаще всего носили грустный характер, а на вопрос Анны Григорьевны, был ли он счастлив, Достоевский ответил, что все еще мечтает начать новую счастливую жизнь.

Эту свою поразительную живучесть он называл кошачьей (а герой его последнего произведения «Братья Карамазовы» Иван Карамазов — «клейкими листочками») и сам удивлялся способности строить планы и каждое утро начинать жить как бы заново (не эта ли живучесть помогла Достоевскому вынести каторгу, тогда как многих петрашевцев каторга сломила).

Однажды, находясь в каком-то особенно тревожном настроении, Достоевский признался, что «стоит в настоящий момент на рубеже и что ему представляются три пути: или поехать на Восток, в Константинополь и Иерусалим, и, может быть, там навсегда остаться; или поехать за границу на рулетку и погрузиться всею душою в так захватывающую его всегда игру; или, наконец, жениться во второй раз и искать счастья и радости в семье»[1].

И вдруг Достоевский спросил свою стенографистку, что бы она ему посоветовала? Анна Григорьевна посоветовала ему жениться вторично и найти в семье счастье.

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 75.

«— Так вы думаете, — спросил Федор Михайлович, — что я могу еще жениться? Что за меня кто-нибудь согласится пойти? Какую же жену мне выбрать: умную или добрую?

— Конечно, умную.

— Ну нет, если уж выбирать, то возьму добрую, чтоб меня жалела и любила»[1].

Потом он спросил ее, почему она не выходит замуж. Она ответила, что к ней сватаются двое, оба прекрасные люди, она их очень уважает, но любви к ним не чувствует, а ей хотелось бы выйти замуж по любви. «Непременно по любви, — горячо поддержал он ее, — для счастливого брака одного уважения недостаточно!»[2]

Она уже почти привыкла к его поразительной, почти исповедальной откровенности и поэтому не очень удивилась, когда Достоевский стал рассказывать ей историю своего недавнего увлечения Анной Васильевной Корвин-Круковской (1843—1887).

Летом 1864 года редактор петербургского журнала «Эпоха» Федор Михайлович Достоевский получил из имения Палибино Витебской губернии от некоей Анны Васильевны Корвин-Круковской рассказ «Сон» с сопроводительным письмом.

Генерал-лейтенант Василий Васильевич Корвин-Круковский (1800—1875), выйдя в отставку, поселился в своем родовом имении Палибино. У него родились две дочери — Анна и Софья (впоследствии выдающийся математик Софья Васильевна Ковалевская, 1850—1891).

Через много лет Софья Ковалевская вспоминала, что «несравненно сильнее всех других влияний, отразившихся на моем детстве, было влияние моей сестры Анюты... Я восхищалась ею непомерно, подчинялась ей во всем беспрекословно... Когда Анюте было всего лет пятна-

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания. — С. 76.
[2] Там же.

дцать, она проявила первый свой акт самостоятельности тем, что набросилась на все романы, которые только находились в нашей деревенской библиотеке, и поглотила их неимоверное количество... Анюта стала доставать журналы другого пошиба: «Современник», «Русское слово», каждая книжка которых считалась событием дня у тогдашней молодежи. Однажды он (знакомый студент.— *С. Б.*) принес ей даже нумер запрещенного «Колокола» (Герцена)... Она выписывает теперь ящики книг, и притом вовсе не романов, а книг с такими мудреными названиями: «Физиология жизни», «История цивилизации» и т. д.»[1].

Несколько экзальтированная, мечтательная и романтическая Анна, восторгавшаяся, кстати, как и Неточка Сниткина, которая была всего лишь на три года ее моложе, произведениями Достоевского и горько сожалевшая о его трагической судьбе, решила стать писательницей и тайком от всех своих домашних послала свой первый рассказ редактору «Эпохи».

В этом рассказе речь шла о молодой девушке, которой светские предрассудки помешали полюбить нищего студента. Особыми художественными достоинствами рассказ не отличался, а местами был просто слаб, но в нем были такие искренность и непосредственность, а приложенное письмо Анны Васильевны дышало такой чистотой и свежестью, что Достоевский решил напечатать рассказ в «Эпохе» и сразу же ответил автору.

Однажды сестры остались вдвоем в палибинском доме, и Анюта сказала Софье: «Послушай, если ты обещаешь, что никому, никогда, ни под каким видом не проговоришься, то я доверю тебе большой секрет»[2]. И Анюта вытащила из своего заветного ящичка конверт с красной печатью журнала «Эпоха». На листе крупным почерком было

[1] Ковалевская С. В. Воспоминания и письма.— М., 1961.— С. 72, 74, 85, 86.
[2] Там же.— С. 91.

написано: «Милостивая государыня, Анна Васильевна! Письмо Ваше, полное такого милого и искреннего доверия ко мне, так меня заинтересовало, что я немедленно принялся за чтение присланного Вами рассказа.

Признаюсь Вам, я начал читать не без страха, нам редакторам журналов выпадает так часто на долю печальная обязанность разочаровывать молодых, начинающих писателей, присылающих нам свои литературные опыты на оценку. В Вашем случае мне это было бы очень прискорбно. Но по мере того, как я читал, страх мой рассеивался и я все более и более поддавался под обаяние той юношеской непосредственности, той искренности и теплоты чувства, которыми проникнут Ваш рассказ.

Вот эти-то качества так подкупают в Вас, что я боюсь, не нахожусь ли я и теперь под их влиянием; поэтому я не смею еще ответить категорически и беспристрастно на тот вопрос, который Вы мне ставите: «разовьется ли из Вас со временем крупная писательница».

Одно скажу Вам: рассказ Ваш будет мною (и с большим удовольствием) напечатан в будущем же номере моего журнала; что же касается Вашего вопроса, то посоветую Вам: пишите и работайте, — остальное покажет время.

Не скрою от Вас — есть в Вашем рассказе еще много недоделанного, чересчур наивного; есть даже, простите за откровенность, погрешности против русской грамоты. Но все это мелкие недостатки, которые, потрудившись, Вы можете осилить; общее же впечатление самое благоприятное.

Поэтому, повторяю, пишите и пишите. Искренне буду рад, если Вы найдете возможным сообщить мне побольше о себе: сколько Вам лет и в какой обстановке живете. Мне важно все это знать для правильной оценки Вашего таланта.

Преданный Вам
Федор Достоевский»[1].

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 1.— С. 574.

«Прочитав это письмо, Анюта сказала взволнованно: «Понимаешь ли ты, понимаешь! Я написала повесть и, не сказав никому ни слова, послала ее Достоевскому. И вот, видишь, он находит ее хорошею и напечатает в своем журнале. Так вот сбылась-таки моя заветная мечта. Теперь я русская писательница!»[1]

После смерти жены и брата, изнемогая под гнетом обрушившихся на него материальных невзгод, Достоевский чувствовал бесконечное одиночество, и вдруг, как луч света в темном царстве, письмо и рассказ от чистой и романтической девушки из далекого Палибина.

В ближайшем номере «Эпохи» «Сон» был напечатан. Между редактором «Эпохи» и автором «Сна» завязалась переписка через палибинскую экономку и петербургскую подругу Анны Васильевны, дочь петербургского дворцового коменданта А. М. Евреинову. Переписка была тайной, чтобы не вызвать гнев отца, для которого женщины-писательницы, по словам его младшей дочери, были олицетворением всего дурного.

Катастрофа разразилась совсем неожиданно, когда генералу, человеку старого закала, случайно попалось на глаза письмо со штемпелем журнала «Эпоха» на имя палибинской экономки, в котором был также гонорар за рассказ «Сон». Мысль о том, что его родная дочь может переписываться с незнакомым мужчиной, старше ее в два раза, бывшим каторжником, да еще получать от него деньги, показалась старому царскому генералу настолько чудовищной и позорной, что ему стало дурно.

В доме произошел грандиозный скандал. Сказав старшей дочери все, что он думает о ее поступке, генерал закончил свой длинный монолог словами:

«От девушки, которая способна, тайком от отца и матери, вступить в переписку с незнакомым мужчиной и получать с него деньги, можно всего ожидать! Теперь ты про-

[1] Ковалевская С. В. Воспоминания и письма.— С. 93.

даешь свои повести, а придет, пожалуй, время и себя будешь продавать!»[1]

Однако в конце концов этот типичный для русских дворянских семей 1860-х годов конфликт между отцами и детьми завершился победой детей. Генерал согласился выслушать рассказ в чтении дочери, не нашел в нем ничего предосудительного и, растрогавшись, сменил гнев на милость. Отец разрешил Анюте переписываться с Достоевским, правда, просил показывать ему письма. Но самая большая радость: он позволил дочери познакомиться лично с писателем во время ближайшей поездки в столицу. Сам генерал не мог отлучиться из имения и поэтому предупредил жену:

«Помни, что на тебе будет лежать ответственность. Достоевский — человек не нашего общества. Что мы о нем знаем? Только — что он журналист и бывший каторжник. Хороша рекомендация! Нечего сказать! Надо быть с ним очень осторожным»[2].

Когда в конце февраля 1865 года Анюта и Софья вместе с матерью оказались в Петербурге, в доме у своих старых тетушек, Анюта сразу же пригласила Достоевского в гости. Однако первое свидание было неудачным. И мать, и старые тетушки поняли буквально наказ генерала ни на минуту не оставлять его дочерей с бывшим каторжником и весь вечер просидели в этой же комнате. К тому же они первый раз в жизни видели писателя и поэтому смотрели на него как на какого-то редкого зверя.

А Достоевского это раздражало и злило, и, как это с ним часто бывало в таких случаях, он отвечал односложно, с преднамеренной грубостью и вел себя совсем не как светский человек. Дочь писателя Л. Ф. Достоевская сообщает со слов графини Софьи Андреевны Толстой (1844—1892), жены А. К. Толстого, хозяйки литературного сало-

---

[1] Ковалевская С. В. Воспоминания и письма.— С. 99.
[2] Там же.— С. 102.

на: «Почитатели Достоевского, принадлежавшие к высшим кругам петербургского общества, просили Толстую познакомить их с отцом. Она всегда соглашалась, но это не всегда было легким делом. Достоевский не был светским человеком и совсем не старался казаться любезным людям, которые ему не нравились. Если он встречал людей доброжелательных, чистые и благородные души, он был настолько мил с ними, что они никогда не могли забыть его и даже через двадцать лет после его смерти повторяли слова, сказанные им Достоевским. Когда же перед отцом оказывался один из снобов, которыми были полны петербургские салоны, он упорно молчал. Напрасно старалась тогда графиня Толстая прервать его молчание, искусно задавая ему вопросы; отец отвечал рассеянно «да», «нет» и продолжал рассматривать сноба как удивительное и вредное насекомое. Подобной нетерпимостью отец нажил себе множество врагов, что его обычно мало беспокоило. Это высокомерие Достоевского находилось в поразительном противоречии с изысканной вежливостью, восхитительной любезностью, с которой отец отвечал на письма своих почитателей из провинции. Достоевский знал, что все его мысли, его советы принимались с благоговением этими сельскими врачами, учительницами народных школ и священниками из маленьких приходов, в то время как петербургские фаты интересовались им только потому, что он был в моде...»[1]

Спустя пять дней Достоевский неожиданно пришел к Корвин-Круковским снова; ни матери, ни тетушек не оказалось дома, он почувствовал себя совсем раскованно, начал шутить, смеяться, много рассказывать и очаровал обеих сестер. Пятнадцатилетняя Софья совершенно в него влюбилась, как может влюбиться девушка ее возраста в такого знаменитого человека, великого страдальца — бывшего каторжника и ссыльного.

[1] Л. Ф. Достоевская об отце/Публикация С. В. Белова//Лит. наследство.— Т. 86.— М., 1973.— С. 304.

Так и воспринимала Достоевского радикально настроенная молодежь 1860-х годов, особенно после одного эпизода, случившегося примерно за год до встречи писателя с сестрами Корвин-Круковскими. В это время Достоевский часто бывал в доме одной из будущих пионерок женского медицинского образования в России Надежды Прокофьевны Сусловой (1843—1918). Сохранились воспоминания об одном горячем споре в этом доме между Достоевским и радикальными студентами-медиками тех лет. «Достоевский говорил о будущем русского народа, — пишет мемуарист, — о том, что ему нужно, о его исконных чертах души, развивал те идеи, которые позже выразил в своих творениях. Славянофильская окраска идей Достоевского, с религиозно-мистическим настроением, тогда уже вполне определившимся — не удовлетворяла его собеседников, «положительно» мысливших в духе модного материализма. Один из студентов, особенно азартный оппонент — в упор задал Достоевскому вопрос в такой резкой и прямолинейной формулировке: «Да кто вам дал право так говорить от имени русского народа и за весь народ?!» Достоевский быстрым неожиданным движением открыл часть ноги — и кратко ответил изумленной публике, указывая на следы каторжных оков: «Вот мое право!»[1]

Как и через полтора года стенографистку Неточку Сниткину, так и сейчас сестер Корвин-Круковских поразила с первых же встреч пронзительная откровенность Достоевского. Как и ей, он рассказал им о своей казни, когда он, ожидая расстрела, увидел вершину собора, сверкавшую на ярком солнце. «Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие... ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он через три минуты как-нибудь сольется с ними».

Как и ей, он рассказал сестрам о своей болезни, кото-

---

[1] Перетц В. Н. Из воспоминаний//Достоевский. Однодневная газета Русского библиологического общества.— Пг., 1921.— С. 9—10.

рая, по его словам, началась у него в ссылке, в Семипалатинске, в пасхальную ночь, когда он, страшно возбудившись, спорил со своим товарищем, есть бог или нет.

Рассказывая, он не замечал, с каким интересом и восторженной любовью подростка смотрит на него младшая сестра Соня (Софья Ковалевская осталась верна своей детской влюбленности, навсегда сохранив к Достоевскому чувство глубокого восхищения и величайшей признательности), он обращался только к старшей сестре Анне, пораженный замечательной красотой этой высокой и стройной девушки, с прекрасным цветом лица, глубокими зелеными глазами и шелковистыми белокурыми волосами, заплетенными в две косы, которые спускались ниже пояса. Достоевский так был покорен Анною, так был очарован ее молодостью и чистотой, что это свое чувство принял за любовь и уверил в своей влюбленности не только себя, но и ее тоже. (Возможно, здесь сыграл свою роль принцип контраста, светотени. Анна казалась ему полной противоположностью первой жене Марии Дмитриевне и особенно Аполлинарии Сусловой, которой он был серьезно увлечен.)

Однажды вечером, когда Достоевский и Анна остались вдвоем, он сказал ей о своих чувствах и просил стать его женой. По свидетельству Софьи Ковалевской, Анна Васильевна сразу же после предложения Достоевского сказала сестре: «Ему нужна совсем не такая жена, как я. Его жена должна совсем, совсем посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о нем и думать. А я этого не могу, я сама хочу жить!»[1]

Пророческие слова, как будто прямо адресованные второй жене писателя, Анне Григорьевне Достоевской! Именно ей на вопрос, почему не состоялась его свадьба с А. В. Корвин-Круковской, Достоевский ответил:

«— Анна Васильевна — одна из лучших женщин, встре-

---

[1] Ковалевская С. В. Воспоминания и письма.— С. 120.

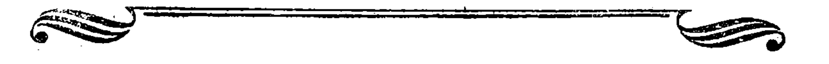
ченных мною в жизни. Она — чрезвычайно умна, развита, литературно образованна, и у нее прекрасное, доброе сердце. Это девушка высоких нравственных качеств, но ее убеждения диаметрально противоположны моим, и уступить их она не может, слишком уж она прямолинейна. Навряд ли поэтому наш брак мог быть счастливым... От всей души желаю, чтобы она встретила человека одних с ней идей и была бы с ним счастлива!»[1]

Через несколько лет Анна Васильевна вышла замуж за французского революционера, впоследствии видного деятеля Парижской коммуны Шарля-Виктора Жаклара (1843—?). Во второй половине 1870-х годов, когда Анна Васильевна вместе с мужем оказалась в Петербурге, она очень часто навещала семью Достоевского, а тот в свою очередь любил захаживать к ней. При этом они никогда не испытывали чувства ревности по отношению друг к другу. И это как раз говорит о том, что их весенний роман 1865 года, начавшийся с публикации рассказа «Сон» в журнале «Эпоха», не отличался ни глубиной, ни страстью, а был, по существу, литературной дружбой.

В конце ноября 1866 года, через год и семь месяцев после встречи с Анной Васильевной, Достоевский писал ей, что познакомился с удивительной девушкой, которая согласилась выйти за него замуж. Этой девушкой и была Анна Григорьевна Сниткина.

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 101.

«ВАС ЛЮБЛЮ И БУДУ ЛЮБИТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ!»

Историю литературной дружбы Достоевского и А. В. Корвин-Круковской со всеми подробностями Анна Григорьевна узнала гораздо позже: и от самой Анны Васильевны, и от Софьи Ковалевской, да и Достоевский неоднократно вспоминал об этом. Но выслушав эту историю даже в кратком изложении в октябрьские дни 1866 года, Неточка Сниткина вдруг еще раз почувствовала своим сострадательным женским сердцем, что великий писатель бесконечно одинок. Она ведь уже прочла в «Русском вестнике» «Преступление и наказание», но только сейчас, кажется, раскрыла весь сокровенный смысл слов Раскольникова: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди... должны ощущать на свете великую грусть».

Она увидела, что он ищет семейное счастье, почувствовала, что он нуждается в женской ласке, в тепле преданных женских рук, в женской сердечной дружбе и привязанности. (Любопытно, что у Достоевского всегда было больше друзей среди женщин, чем среди мужчин — женщины лучше его понимали.)

Поразительно, как в свои двадцать лет она сумела разгадать этого необыкновенного и загадочного человека. Всего лишь через шесть месяцев со дня первой встречи с Достоевским Анна Григорьевна писала о нем своей подруге С. А. Кашиной: «...что это за прекрасный сердечный, добрый, бесконечно добрый человек! Его мало кто хорошо знает. Он вечно угрюм, раздражителен, но если б кто знал, сколько под этим скрывается теплоты, доброты и человечности. Чем более его знаешь, тем сильнее привязываешься к нему. Я знаю, что и он меня сильно любит, и это

делает меня до того счастливою, что я порою думаю, что и не стою такого счастья...»[1]

Писатель и стенографистка так привыкли друг к другу во время совместной работы над «Игроком», что оба искренно огорчились, когда роман стал подходить к концу. Достоевский почувствовал в Анне Григорьевне прежде всего доброе сердце. В одном из своих писем в это время он рассказывал: «Стенографка моя, Анна Григорьевна Сниткина, была молодая и довольно пригожая девушка, 20 лет, хорошего семейства, превосходно кончившая гимназический курс, с чрезвычайно добрым и ясным характером. Работа у нас пошла превосходно...»[2]

29 октября 1866 года Достоевский продиктовал Анне Григорьевне заключительные строки «Игрока». Он задумал это произведение еще возле умирающей первой жены, Марии Дмитриевны Исаевой. Это был роман о его второй любви-страсти к Аполлинарии Прокофьевне Сусловой. А помогла ему создать его Анна Григорьевна Сниткина. Так «Игрок» каким-то таинственным образом соединил три самых больших любви в его жизни...

В феврале 1854 года ссыльно-каторжный петрашевец Федор Достоевский, отбывший полный срок каторжных работ, был зачислен рядовым в Сибирский 7-й линейный батальон, стоявший в Семипалатинске. Через несколько месяцев после приезда Достоевский знакомится с бедным таможенным чиновником Александром Ивановичем Исаевым и его женой Марией Дмитриевной (урожденной Констант, по деду француженкой) и страстно влюбляется в нее.

Еще перед отъездом в ссылку Достоевский писал жене

---

[1] Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (далее ИРЛИ), 30773/CCXIXб. 3. Частично опубликовано: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы.— Сб. 2.— С. 310.

[2] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.— М.; Л., 1930.— С. 3.

декабриста М. А. Фонвизина, замечательной русской женщине Наталье Дмитриевне Фонвизиной (1805—1869), подарившей вместе с П. Е. Анненковой, Ж. А. Муравьевой ему, С. Ф. Дурову и И. Л. Ястржембскому Евангелие четыре года назад в Тобольске, по дороге на каторгу (они знали, что это единственная книга, которую разрешается читать в остроге), и «благословившей его в новый путь»: «Я в каком-то ожидании чего-то; я как будто все еще болен теперь, и кажется мне, что со мной в скором, очень скором времени должно случиться что-нибудь очень решительное, что я приближаюсь к кризису всей моей жизни, что я как будто созрел для чего-то, и что будет что-нибудь, может быть, тихое и ясное, может быть, грозное, но во всяком случае неизбежное»[1].

Пророческое предчувствие перелома в судьбе не обмануло Достоевского.

В 1854 году Марии Дмитриевне Исаевой было двадцать девять лет. «Довольно красивая блондинка среднего роста,— вспоминает семипалатинский друг Достоевского Александр Егорович Врангель,— очень худощавая, натура страстная и экзальтированная... Она была начитана, довольно образована, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна»[2].

Но жизнь ее сложилась неудачно. Дочь начальника астраханского карантина, учившаяся в пансионе и танцевавшая «с шалью» на дворянских балах (почетная привилегия особо отличившихся воспитанниц закрытых учебных заведений — в «Преступлении и наказании» «при выпуске с шалью танцевала» Катерина Ивановна Мармеладова, в образе которой нашли отражение многие черты характера Марии Дмитриевны Исаевой), вышла замуж, как оказалось, за довольно слабовольного человека Александра Ивановича Исаева. Потеряв службу и оставшись без мес-

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 1.— С. 143.

[2] Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—1856 гг.— Спб., 1912.— С. 38.

та и без всяких средств к существованию, он горько запил и вскоре совсем опустился.

Пьяница муж, постоянная бедность, убогая провинциальная жизнь — такова была жалкая участь пылкой мечтательницы. И вдруг — рядовой Сибирского 7-го линейного батальона Федор Достоевский. Он, конечно, «человек без будущего», так как попал в политическую историю и навсегда останется рядовым, но ведь он писатель, а среди ее знакомых никогда не было ни одного из этого сословия. Врангель свидетельствует, что она приняла в нем горячее участие, «приласкала его, не думаю, чтобы глубоко оценила его, скорее пожалела...».

Она приблизила к себе Достоевского, ввела в свой дом, открыла путь в местное общество. Все это не могло не вызвать в Достоевском глубокой благодарности, привязанности и беспредельной преданности. Чувство жалости и сострадания он принял за любовь.

Писателя целиком захватила эта первая большая любовь, тем более что и внешний вид Марии Дмитриевны, хрупкой и болезненной (у нее был туберкулез), душевная беззащитность молодой женщины вызывали в нем постоянное желание помогать ей, оберегать ее, как ребенка.

Но главное, она была несчастна, а еще на каторге, находясь сам в страшных условиях, он все четыре каторжных года думал о том, что такое страдания, какова их роль в жизни и судьбе человека? Каторга помогла Достоевскому найти свой особый путь к познанию жизни, всесторонне им продуманный и мучительно выстраданный.

Чаще всего счастье и смысл жизни, по Достоевскому, достигаются путем страданий, которые дают человеку ключ к сочувственному пониманию чужого горя, делают его нравственно более чутким и жизненно более опытным и закаленным. В связи с излюбленной идеей Достоевского о благотворном значении страданий необходимо отметить необыкновенно глубокую, всеохватывающую мысль его о виновности и ответственности каждого перед всеми

и всех перед каждым,— мысль, положенная в основу ранней его повести «Слабое сердце». Человек не имеет права замыкаться в себе, жить лишь для себя, человек не может проходить мимо несчастий, царящих в мире, человек ответствен не только за собственные поступки, но и за всякое зло, совершающееся в мире, неустанно повторял Достоевский.

Вот почему страдания Марии Дмитриевны привлекли внимание Достоевского — писателя и человека и вызвали в нем немедленное желание помочь любимой женщине. А любить, по Достоевскому, значит уметь жертвовать собой и всем сердцем, всей душой откликаться на страдания любимого человека, даже если бы для этого пришлось самому терзаться и мучиться.

Но ведь и судьба самого Достоевского была трагична, и это сострадание друг к другу и послужило, вероятно, причиной того, что отношения приняли сложный характер: иногда сострадание принималось за любовь, а любовь за сострадание, а чаще всего чувства эти так неразрывно переплетались вместе, что невозможно было отличить одно от другого.

И вдруг катастрофа: в мае 1855 года Исаев получил место в Кузнецке, за шестьсот верст от Семипалатинска, и Достоевскому пришлось расстаться с Марией Дмитриевной, и это как раз в те дни, когда он поверил в ее взаимность. Отчаяние Федора Михайловича было беспредельно, он ходил, как помешанный.

«Сцену разлуки я никогда не забуду,— вспоминает Александр Егорович Врангель,— Достоевский рыдал навзрыд, как ребенок... Тронулся экипаж... вот уже еле виднеется повозка... а Достоевский все стоит, как вкопанный, безмолвный, склонив голову, слезы катятся по щекам... Мы вернулись к себе на рассвете. Достоевский не прилег,— все шагал и шагал по комнате и что-то говорил сам с собою. Измученный душевной тревогой и бессонной ночью, он отправился в близлежащий лагерь на учение. Вер-

нувшись, лежал весь день, не ел, не пил, и только нервно курил одну трубку за другой... Он еще более похудел, стал мрачен, раздражителен, бродил как тень...»[1]

По словам Врангеля, Достоевский был в восторге от Исаевой, все повторял, какая она замечательная, и удивлялся, что такая женщина ответила на его любовь.

«Судя по тому, как мне тяжело без вас,— пишет Достоевский Марии Дмитриевне чуть ли не на другой день после ее отъезда,— ...я сужу о силе моей привязанности... Вы писали, что вы расстроены и даже больны. Я до сих пор за вас в ужаснейшем страхе... Боже мой! Да достойна ли вас эта участь, эти хлопоты, эти дрязги, вас, которая может служить украшением всякого общества!.. Вы же удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты, вы были мне как родная сестра... Женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта... Я все это нашел в вас...»[2]

В августе 1855 года Достоевский получил от Марии Дмитриевны извещение о смерти ее мужа. Она оказалась в незнакомом ей Кузнецке, одна, без средств, без родных и знакомых, с маленьким сыном на руках. Достоевский тотчас же предложил Марии Дмитриевне выйти за него замуж. Им руководило одновременно и желание спасти ее от нищеты, и чувство горячей любви, и стремление создать семью (Достоевскому шел тридцать четвертый год).

Но Мария Дмитриевна в ответ на пылкие письма возлюбленного, настаивавшего на немедленном ее согласии на брак, отвечала, что не знает, как ей поступить. Достоевский сознавал, что основной преградой к «устройству нашей судьбы», как она называла его предложение о браке, было его довольно жалкое социальное положение: рядовой, бывший каторжник.

---

[1] Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—1856 гг.— С. 50, 51—52.

[2] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 1.— С. 152, 153.

Однако после смерти Николая I и восшествия на престол Александра II появилась надежда на улучшение участи бывших петрашевцев. Осенью 1855 года Достоевского произвели в унтер-офицеры. Это так окрылило его, что в начале 1856 года он сообщил брату о своем намерении жениться: «Мое решение принято и хоть бы земля развалилась подо мною, я его исполню... Мне *без того, что теперь для меня главное в жизни*, не надо будет и самой жизни...»[1]

Но из Кузнецка приходят тревожные вести: Мария Дмитриевна грустит, отчаивается, больна, окружена кумушками, которые сватают ей женихов. Достоевский любил со всей страстностью поздней первой любви и вдруг узнал «громовое известие», как писал он Врангелю 23 марта 1856 года: Мария Дмитриевна получила предложение и просит у него совета, как ей поступить, «прибавляет, что она любит меня, что это одно еще предположение и расчет. Я был поражен, как громом, я зашатался, упал в обморок и проплакал всю ночь. Теперь я лежу у себя. Неподвижная идея в моей голове! Едва понимаю, как живу и что мне говорят. О, не дай господи никому этого страшного грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить. Клянусь вам, что я пришел в отчаяние. Я понял возможность чего-то необыкновенного, на что бы в другой раз никогда не решился... Я написал ей письмо в тот же вечер, ужасное, отчаянное. Бедненькая! ангел мой! Она и так больна, а я растерзал ее! Я, может быть, убил ее моим письмом. Я сказал, что я умру, если лишусь ее. Тут были и угрозы, и ласки, и <униженные> просьбы, <не знаю> что»[2].

Все письма к Врангелю этого периода полны жалоб, сомнений, просьб, отчаяния: «Я погибну, если потеряю

---

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.— С. 561, 562.
[2] Там же.— Т. 1.— С. 169.

своего ангела; или с ума сойду, или в Иртыш!»[1] Переписка с самой Марией Дмитриевной принимает все более напряженный характер. Она все чаще упоминает о местном учителе начальной школы, друге покойного мужа, Николае Борисовиче Вергунове, довольно красивом молодом человеке двадцати четырех лет.

Достоевский решается на отчаянный поступок. Получив служебную командировку в Барнаул, он тайно уехал из Барнаула в Кузнецк. Но вместо радостной встречи с любимой женщиной он попадает в ситуацию, описанную им в ранней повести «Белые ночи» и предваряющую сцену в его будущем романе «Униженные и оскорбленные». Мария Дмитриевна бросилась Достоевскому на шею и, плача, целуя его руки, призналась, что полюбила Николая Борисовича Вергунова и собирается выйти за него замуж.

Достоевский молча выслушал ее признание, а затем, скрывая собственные чувства, начал рассудительно обсуждать возможный брак своей возлюбленной с учителем Вергуновым, который оказался еще беднее его самого, но зато имел два неоспоримых преимущества перед ним: был молод и красив.

Мария Дмитриевна настаивает на встрече Достоевского с соперником. Во время этой встречи Вергунов плачет на груди у Достоевского («с ним я сошелся, он плакал у меня, но он только и умеет плакать!» — вспоминал писатель[2]), сам Достоевский рыдает у ног своей возлюбленной, а Мария Дмитриевна, в слезах, примиряет соперников. Действительность как бы предвосхищает вымысел многих произведений Достоевского, и прежде всего романа «Униженные и оскорбленные».

И вдруг отвергнутый Достоевский, как и Мечтатель в «Белых ночах», как и Иван Петрович в «Униженных и оскорбленных», решил принести в жертву собственную лю-

---

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— С. 170.
[2] Там же.— С. 191.

бовь ради нового чувства Марии Дмитриевны (ведь любить, по Достоевскому, значит уметь жертвовать собой) и не мешать своему счастливому сопернику.

Совершенно неожиданно для Достоевского произошел психологический поворот. Мария Дмитриевна была настолько потрясена тем, что он не только ни разу не упрекнул ее, а еще и заботится о ее будущем (точь-в-точь как Наташа в «Униженных и оскорбленных» говорит Ивану Петровичу: «Добрый, честный ты человек! И ни слова-то о себе! Я же тебя оставила первая, а ты все простил, только о моем счастье и думаешь»), что в ней снова всколыхнулись жалость и нежность к Достоевскому, сострадание к его преданной любви. «Она *вспомнила прошлое*, и ее сердце опять обратилось ко мне,— писал Федор Михайлович Врангелю.— ...Она мне сказала: «Не плачь, не грусти, не все еще решено; ты и я и более никто!» Это слова ее положительно. Я провел, не знаю какие два дня, это было блаженство и мученье нестерпимые! К концу второго дня я уехал с *<полной> надеждой...*»[1]

Но не успел Достоевский возвратиться в Семипалатинск, как Мария Дмитриевна написала ему, что «тоскует, плачет» и любит Вергунова больше, чем его. Достоевский снова «как помешанный в полном смысле слова»[2], но это не мешает ему жертвовать собой ради счастья любимой женщины. Победив ревность и горечь, он хлопочет о пособии Марии Дмитриевне за службу мужа, ходатайствует об определении ее сына в кадетский корпус, беспокоится об устройстве Вергунова на лучшее место. «Это все для *нее, для нее одной*,— пишет Достоевский Врангелю в Петербург.— Хоть бы в бедности-то она не была... Если уж выйдет за него, то пусть хоть бы деньги были...»[3]

Достоевский уже считал Марию Дмитриевну потерянной для себя навсегда, и вдруг снова загорелась надежда.

---

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 1.— С. 189.
[2] Там же.— С. 191.
[3] Там же.— С. 192.

Первого октября 1856 года его произвели в офицеры — а это открывало возможность возвращения в Петербург, занятия любимым делом — литературным трудом. (Еще создавая свое первое произведение «Бедные люди», он понял, что без литературы он больше не мыслит своего существования, что отныне литература станет его жизненным делом и трагической судьбой.)

Трудно сказать с уверенностью, под влиянием ли этих новых обстоятельств или по изменчивости своего характера, а скорее всего, просто по той причине, что Мария Дмитриевна в глубине души все-таки не переставала по-своему любить Достоевского, хотя эта любовь никогда не была страстной и исступленной, она заметно охладела к Вергунову, и вопрос о браке с ним как-то вдруг отпал сам по себе.

И снова меняется и тон, и стиль ее писем к Достоевскому: это уже нежные письма любящей женщины к своему единственному и верному избраннику. А Достоевский опять воспрянул духом, и снова встал вопрос о браке. Он чувствует, что дальше такая неопределенность продолжаться не может. «Она по-прежнему *все* в моей жизни... Люблю ее до безумия,— пишет Достоевский Врангелю в ноябре 1856 года.— ...Разлука с ней свела бы меня в гроб или буквально довела бы меня до самоубийства... Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь»[1].

В ноябре 1856 года Достоевский снова едет в Кузнецк, получает согласие Марии Дмитриевны выйти за него замуж и 6 февраля 1857 года ведет ее под венец. Он безумно счастлив, не подозревая, конечно, какой тяжелый удар ждет его впереди. На обратном пути, когда молодожены остановились в Барнауле, у Достоевского от всех волнений и всего пережитого случился страшный припадок. Потрясенная Мария Дмитриевна увидела, как ее муж вдруг с диким воем и помертвевшим лицом грохнулся на пол, стал биться в судорогах и потерял сознание.

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 1.— С. 197.

Этот припадок произвел на Марию Дмитриевну гнетущее впечатление; оно еще более усилилось, когда она узнала от докторов, что это эпилепсия и любой припадок может быть смертельным. Мария Дмитриевна зарыдала и начала упрекать мужа, что он скрыл свою болезнь. Но Достоевский ничего не скрывал — он действительно думал, что это просто нервные припадки.

Возможно, это была самая первая трещина в отношениях между супругами, которая, все углубляясь, привела к тому, что семилетний брак Достоевского и Марии Дмитриевны не принес им счастья. 31 марта 1865 года, через год после ее смерти, он писал Александру Егоровичу Врангелю — единственному свидетелю его первой большой любви: «О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо... Мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно-фантастическому характеру),— мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу»[1].

В целом же история этого несчастливого брака покрыта для нас тайной. Возможно, Мария Дмитриевна быстро поняла, что она обречена, и это сознание накладывало определенный отпечаток на ее отношения с близкими. Во всяком случае Анна Григорьевна Достоевская, конечно со слов самого писателя, свидетельствовала, что «обострившаяся болезнь» Марии Дмитриевны «сообщила особенную мучительность» ее отношениям с Достоевским[2].

Если же говорить о Достоевском, то можно с уверенностью сказать: он переживал, что у Марии Дмитриевны не было детей. Когда его старший брат женился и у него пошли дети, он искренно и по-хорошему ему завидовал. И здесь человеческое совпадало с писательским. Мало кто

---

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 1.— С. 398.
[2] Гроссман Л. П. Достоевский.— М., 1962.— С. 198.

сумел так близко подойти к детской душе и так глубоко в нее проникнуть, как Достоевский. Многие очень любили детей, но писали о них с ласковым юмором взрослого человека и лишь слегка, словно кончиками пальцев, касались их мира. А Достоевскому душа ребенка открывалась полностью: ему как художнику был дан самый ценный человеческий дар — дар сострадания. И самым сильным побуждением к состраданию являются дети. Любопытно, что на похоронах Достоевского среди множества венков был венок и от русских детей.

Не исключено, что Достоевский все же терзался мыслью, что в Кузнецке Мария Дмитриевна предпочла ему Вергунова исключительно по любви, а та, в свою очередь, возможно, так и не смогла забыть тот страшный припадок Достоевского всего лишь через несколько дней после венчания.

Однако делая попытки понять, почему этот брак оказался несчастным, надо в любом случае отбросить как абсолютно лживые «факты», которые приводит в своей книге дочь писателя Любовь Федоровна Достоевская: «...накануне своей свадьбы Мария Дмитриевна провела ночь у своего возлюбленного ничтожного домашнего учителя... Она в сумерки ходила тайком к своему красивому учителю, последовавшему за ней в Семипалатинск, и обманывала таким образом людей и своего бедного мечтательного супруга... Тем временем, пока Достоевский предавался в своей коляске (по пути в Россию.— *С. Б.*)... мечтам, на расстоянии одной почтовой станции за ним следовал в бричке красивый учитель, которого жена Достоевского возила всюду за собой, как собачонку. На каждой станции она оставляла для него спешно написанные любовные записки, сообщала ему, где они проведут ночь... Во время одной из обычных сцен, которые она делала своему мужу, она призналась Достоевскому во всем, рассказала свою любовную историю с молодым учителем со всеми подробностями. С утонченной жестокостью она со-

общила моему отцу, как они вместе смеялись и издевались над обманутым мужем, призналась, что она никогда не любила его и вышла замуж из расчета. «Женщина, хоть немного уважающая себя, не может любить человека, проведшего четыре года на каторжных работах в обществе воров и разбойников»[1].

В том же письме 31 марта 1865 года к Александру Егоровичу Врангелю, который не только знал хорошо Марию Дмитриевну, но и был свидетелем первых лет их любви, Достоевский писал: «Существо, любившее меня и которое я любил без меры, жена моя умерла... Помяните ее хорошим добрым воспоминанием... Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла — я хоть мучился, видя (весь год), как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хороню с нею,— но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею. И вот уж год, а чувство все то же, не уменьшается»[2].

Это признание тем более поразительно, если учесть, что в последние годы жизни Марии Дмитриевны Достоевский страстно любил другую женщину...

Во второй половине 1859 года, через десять лет каторги и ссылки, Достоевский возвращается в Петербург, где ему разрешено проживать. Бывший каторжник и петрашевец с успехом выступает на студенческих вечерах. Чтение Достоевским «Записок из Мертвого дома» еще больше укрепляет его ореол мученика — жертвы царизма в глазах радикально настроенной молодежи 1860-х годов. По-

---

[1] Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении его дочери.— С. 28, 29, 31, 32.
[2] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 1.— С. 398.

сле одного из таких чтений к писателю подошла стройная девушка с большими серо-голубыми глазами, с красивыми чертами умного, волевого лица, с гордо вскинутой головой, обрамленной прекрасными рыжеватыми косами.

Девушку звали Аполлинария Прокофьевна Суслова. Отцом ее был крепостной крестьянин Прокофий Суслов, который еще до отмены крепостного права откупился у своего помещика и поселился в Петербурге, чтобы дать своим двум дочерям высшее образование. Старшая дочь, Аполлинария, слушает в Петербургском университете лекции знаменитых профессоров, а младшая — Надежда — через несколько лет прославит свое имя как замечательный медик.

К моменту знакомства с Достоевским Аполлинарии Сусловой был двадцать один год. Дочь его утверждает, что она прислала осенью 1861 года Достоевскому «объяснение в любви. Письмо было найдено среди бумаг моего отца — оно написано просто, наивно и поэтически. По первому впечатлению — перед нами робкая молодая девушка, ослепленная гением великого писателя. Достоевский был тронут письмом Полины. Это объяснение в любви явилось к нему в тот момент, когда он больше всего нуждался в нем...»[1].

И хотя такое письмо не сохранилось, можно предположить, что Достоевский действительно его получил. Признание было в духе эпохи, а сделать самой первый шаг — это как раз в духе Аполлинарии Сусловой. Во всяком случае Достоевский пошел навстречу этому горячему молодому чувству, и они встретились. Писатель страстно влюбился в девушку.

В сентябре 1861 года в журнале братьев Достоевских «Время» появился первый рассказ Аполлинарии Сусловой «Покуда». Рассказ был слабоват в художественном отношении, но привлек внимание редактора Федора Достоев-

[1] Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении его дочери.— С. 34—35.

ского своей чистой и даже по-детски наивной верой в возрождение освобожденной от «духовного крепостничества» женщины.

Аполлинария принадлежала к тому нигилистически настроенному поколению русской молодежи, которое выросло во второй половине 1850-х годов. Эмансипация женщин, нередко понимаемая в духе времени, как раскрепощенность от семейных, моральных, общественных, да и вообще от всяких уз, отвечала натуре Аполлинарии: она искренне не хотела мириться с теми нормами и приличиями, которые считала пережитками и предрассудками. Отсюда ее готовность пойти на любой подвиг, тот самый максимализм, который Достоевский считал исконной чертой русского характера и с которым она подходила ко всем окружающим.

Но одновременно это пренебрежение всякими условностями и максимализм породили в ней чисто женский эгоизм, безмерную гордость и необузданное самолюбие. Вполне возможно, что именно эти черты характера и разрушили в конце концов любовь Аполлинарии к Достоевскому.

В августе 1863 года она уезжает в Париж и пишет Достоевскому, что она «краснела» за их «прежние отношения. Но в этом не должно быть» для него «нового», так как она «этого никогда не скрывала и сколько раз хотела прервать их» до ее отъезда в Европу[1].

Она, вероятно, ждала какой-то романтической любви, а встретила настоящую страсть пожилого мужчины (она не понимала, что для Достоевского всегда любовь и страсть неразрывны), который к тому же подчинил их встречи своим литературным делам и вообще самым разным обстоятельствам своей довольно тяжелой жизни. «Их полному счастью,— замечал Л. Гроссман,— препятствовала и противоположность их общественных программ».

---

[1] Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы.— Сб. 2.— С. 268.

«Ты вел себя, как человек серьезный, занятой...— пишет она ему в том же письме,— <который> не забывает и наслаждаться, напротив, даже, может быть, необходимым считал наслаждаться, на том основании, что какой-то великий доктор или философ утверждал, что нужно пьяным напиться раз в месяц»[1]. Он уверял, что больше не живет с женой, а сам постоянно о ней думал и принимал все меры предосторожности, чтобы не нарушить ее покоя. Она говорила, что всю себя ему отдала, ни о чем не спрашивая и ни на что не рассчитывая, а он клянется, что любит ее, а с женой разойтись не хочет (она не понимала, что, как бы ни любил ее Достоевский, он бы все равно не бросил тающую на глазах чахоточную Марию Дмитриевну. Характерно, что через двадцать лет на вопрос, почему она в конце концов рассталась с Достоевским, она ответила: «Потому что он не хотел развестись со своей женой, чахоточной, так как она умирает»)[2].

Кризис в их отношениях наступил, очевидно, весной 1863 года, когда Аполлинария поехала за границу. Но ее отъезд, скорее, походил на бегство. Ехать они должны были вместе, но Достоевского задержали дела, связанные с закрытием журнала «Время». И хотя он несколько удивился, увидев, как она с легкостью согласилась ехать одна, все же был спокоен, назначив ей встречу в Париже.

Двадцать шестого августа 1863 года Достоевский приезжает в Париж и, весь полный радостного ожидания встречи с Аполлинарией, идет к ней. Вот как описывает эту встречу Суслова в своем дневнике:

«— Здравствуй,— сказала я ему дрожащим голосом. Он спрашивал, что со мной, и еще более усиливал мое волнение, вместе с которым развивалось его беспокойство. «Я думала, что ты не приедешь,— сказала я,— потому что написала тебе письмо».

— Какое письмо?

---

[1] Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы.— Сб. 2.— С. 268.

[2] Гроссман Л. П. Путь Достоевского.— Л., 1924.— С. 154.

— Чтоб ты не приезжал...

— Отчего?

— Оттого, что поздно.

Он опустил голову.

— Я должен все знать, пойдем куда-нибудь и скажи мне, или я умру.

Я предложила ехать с ним к нему. Всю дорогу мы молчали. Я *не смотрела на него. Он только по временам* кричал кучеру отчаянным и нетерпеливым голосом: «Vite, vite», причем тот иногда оборачивался и смотрел с недоумением. Я старалась не смотреть на Ф<едора> М<ихайловича>. Он тоже не смотрел на меня, но всю дорогу держал мою руку и по временам *сжимал* ее и делал какие-то судорожные движения. «Успокойся, ведь я с тобой»,— сказала я.

Когда мы вошли в его комнату, он упал к моим ногам и, сжимая обняв, с рыданием мои колени, громко зарыдал: «Я потерял тебя, я это знал!» Успокоившись, он начал спрашивать меня, что это за человек. «Может быть, он красавец, молод, говорун. Но никогда ты не найдешь другого сердца, как мое».

Я долго не хотела ему отвечать...

Я ему сказала, что очень люблю этого человека.

— Ты счастлива?

— Нет.

— Как же это? Любишь и несчастлива, да возможно ли это?

— Он меня не любит.

— Не любит! — вскричал он, схватившись за голову в отчаянии.— Но ты не любишь его, как раба, скажи мне, это мне нужно знать! Не правда ли, ты пойдешь с ним на край света?

— Нет, я... я уеду в деревню,— сказала я, заливаясь слезами»[1].

[1] Суслова А. П. Годы близости с Достоевским: Дневник — повесть — письма.— М., 1928.— С. 50—51.

Аполлинария рассказала, что она сошлась в Париже с испанским студентом Сальвадором — молодым красавцем с «гордым и самоуверенно дерзким лицом». Но для него это было лишь мимолетное развлечение. Повторяется ситуация первой большой любви Достоевского, когда Мария Дмитриевна в Кузнецке предпочла ему учителя Вергунова. Снова претворяется в жизнь сюжет «Униженных и оскорбленных», и Достоевский, как и герой этого романа Иван Петрович, утешающий Наташу, уже становится другом и братом Аполлинарии и по-братски и по-дружески успокаивает и утешает ее, пытаясь уладить ее сердечные дела.

Аполлинария наслаждается такой ситуацией и ведет любовную дуэль рассчитанно и коварно. Любовь ее постепенно превращается в ненависть. В сентябре и декабре 1864 года она записывает в своем дневнике:

«Мне говорят о Ф<едоре> М<ихайловиче>. Я его просто ненавижу. Он так много заставлял меня страдать, когда можно было обойтись без страдания. Теперь я чувствую и вижу ясно, что не могу любить, не могу находить счастья в наслаждении любви потому, что ласка мужчин будет напоминать мне оскорбления и страдания... Когда я вспоминаю, что была я два года назад, я начинаю ненавидеть Д<остоевского>, он первый убил во мне веру...»[1]

Даже если допустить эмоционально преувеличенный характер этих записей, мы все равно не можем проникнуть в последнюю тайну этой любви-ненависти Достоевского и Сусловой, как не можем проникнуть в тайну несчастного брака Достоевского и Марии Дмитриевны.

Не повторяя уже сказанного, добавим, что любовь-ненависть могла питаться и несомненно питалась глубокими идейными расхождениями между верующим монархистом Достоевским, каким он вернулся после каторги и ссылки, и страстной нигилисткой Сусловой, неистово от-

---

[1] Суслова А. П. Годы близости с Достоевским.— С. 92, 110.

рицавшей весь «старый мир» и даже готовой примкнуть к антиправительственному террору.

Обратим внимание на то, что вышеприведенные дневниковые записи сентября и декабря 1864 года сделаны Аполлинарией в то время, когда Достоевский продолжал ее страстно любить, о чем она прекрасно знала. Мало того, эти записи сделаны после 15 апреля 1864 года, когда умерла Мария Дмитриевна и Достоевский уже делал Аполлинарии предложение стать его женой: иначе он и не мыслил себе отношения с любимой женщиной. Он простил ей Сальвадора и готов был простить кого угодно.

Но на неоднократные предложения стать его женой Суслова отвечала отказом. Сусловой нравилось мучить его, ибо она знала, «какой он великодушный, благородный! какой <у него> ум! какое сердце!», — как записала она в том же дневнике[1].

Думается, в том, что любовь превратилась в ненависть, виновата прежде всего и главным образом Аполлинария. В натуре ее самой сидел изначально какой-то бес мучительства, и она это отлично сознавала, когда делала, например, такую запись в дневнике: «Мне кажется, я никогда никого не полюблю»[2]. У нее с самого начала было двойственное отношение к Достоевскому, и искренняя любовь к нему сочеталась в ней всегда с такой же искренней жестокостью и деспотизмом по отношению к нему. Герой «Игрока», безусловно, имеет в виду ее характер, когда говорит: «Все это она удивительно понимает, и мысль о том, что я вполне верно и отчетливо сознаю всю ее недоступность для меня, всю невозможность исполнения моих фантазий,— эта мысль, я уверен, доставляет ей чрезвычайное наслаждение, иначе могла ли она, осторожная и умная, быть со мной в таких короткостях и откровенностях».

---

[1] Суслова А. П. Годы близости с Достоевским.— С. 48.
[2] Там же.— С. 57.

А может быть, эти дневниковые записи Аполлинарии в сентябре и декабре 1864 года объясняются тем, что Достоевский, прекрасно видя ее в беспощадном свете правды (это, естественно, не мешало ему страстно любить ее), имел неосторожность выложить ей всю эту беспощадную правду.

Во всяком случае из письма в 1865 году Достоевского к сестре Аполлинарии Надежде Прокофьевне Сусловой, в котором он очень откровенно говорит о своей «роковой любви», видно, что он действительно «осмелился» сказать своей возлюбленной беспощадную правду о ней: «Аполлинария — большая эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей *всего*, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважении других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям. Она корит меня до сих пор тем, что я недостоин был любви ее, жалуется и упрекает меня беспрерывно, сама же встречает меня в 63-м году в Париже фразой: «Ты немножко опоздал приехать», т. е. что она полюбила другого, тогда как две недели тому назад еще горячо писала, что любит меня. Не за любовь к другому я корю ее, а за эти четыре строки, которые она прислала мне в гостиницу с грубой фразой: «ты немножко опоздал приехать».

Я многое бы мог написать про Рим, про наше житье с ней в Турине, в Неаполе, да зачем?.. Я люблю ее еще до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить ее. Она *не стоит* такой любви.

Мне жаль ее, потому что, предвижу, она вечно будет несчастна. Она нигде не найдет себе друга и счастья. Кто требует от другого всего, а сам избавляет <себя> от всех обязанностей, тот никогда не найдет счастья.

Может быть, письмо мое к ней, на которое она жалуется, написано раздражительно. Но оно не грубо. Она в нем считает грубостью то, что я осмелился говорить ей наперекор, осмелился высказать, как мне больно. Она

меня третировала, всегда свысока. Она обиделась тем, что и я захотел, наконец, заговорить, пожаловаться, противоречить ей. Она не допускает равенства в отношениях наших. В отношениях со мной в ней вовсе нет человечности. Ведь она знает, что я люблю ее до сих пор. Зачем же она меня мучает? Не люби, но и не мучай»[1].

Последний раз Аполлинария и Достоевский виделись весной 1866 года[2]. Любовь их пришла к концу, хотя переписка еще продолжалась почти год и каждый раз письма Сусловой приводили Достоевского в волнение. Но он оказался пророком: Аполлинария действительно «вечно была несчастна» и «нигде не нашла себе друга и счастья».

В 1880 году, за год до смерти Достоевского, Аполлинария Суслова (ей шел сорок первый год) выходит замуж за двадцатичетырехлетнего журналиста В. В. Розанова, будущего известного писателя и философа, страстного почитателя Достоевского (и это играло тоже немаловажную роль в женитьбе Розанова на женщине, которую любил его великий учитель). Однако брак их оказался неудачным и превратился для них в испытание. Через шесть лет Суслова бросает Розанова, уехав от него с его приятелем. Когда Розанов умоляет ее вернуться, она жестоко отвечает: «Тысяча мужей находятся в вашем положении (т. е. оставлены женами) и не воют — люди не собаки»[3]. А узнав, что Розанов в гражданском браке с другой женщиной и имеет от нее детей, она почти двадцать лет из какого-то злого упрямства не дает ему развода — дети его все эти годы были лишены гражданских прав.

Старик-отец, у которого Аполлинария поселилась в доме, писал о ней: «Враг рода человеческого поселился у

---

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 1.— С. 403—404.

[2] Мелодраматический рассказ Л. Ф. Достоевской в ее книге «Достоевский в изображении его дочери» (с. 40) о том, что Аполлинария приходила домой к Достоевскому в конце 1870-х годов, а он ее не узнал, является выдумкой.

[3] Гроссман Л. П. Путь Достоевского.— С. 150.

меня теперь в доме, и мне самому в нем жить нельзя»[1]. (Правда, надо учитывать, что отец не уступал во властности своей дочери.)

В. В. Розанов был последним, кто нам оставил живописный портрет А. П. Сусловой: «С Суслихой я первый раз встретился в доме моей ученицы А. М. Щегловой... Вся в черном, без воротничков и рукавчиков (траур по брате), со «следами былой» (замечательной) красоты — она была «русская легитимистка»... Взглядом «опытной кокетки» она поняла, что «ушибла» меня — говорила холодно, спокойно. И словом, вся — «Екатерина Медичи». На Катьку Медичи она в самом деле была похожа. Равнодушно бы она совершила преступление, убила бы — слишком равнодушно; «стреляла бы в гугенотов из окна» в Варфоломеевскую ночь — прямо с азартом. Говоря вообще, Суслиха действительно была великолепна, я знаю, что люди... были совершенно ею покорены, пленены. Еще такой русской я не видел. Она была *по стилю души* совершенно русская, а если русская, то раскольница бы «поморского согласия», или еще лучше — «хлыстовская богородица»[2].

И все же, даже соглашаясь с этой, излишне субъективной оценкой поздней А. П. Сусловой (Розанов сам был далеко не ангел по отношению к ней), не будем никогда забывать слова самого Достоевского в передаче Врангеля, сказанные им, скорее всего, о своем несчастном браке с Исаевой (Врангель не знал о второй любви писателя), но имеющие явно отношение и к Сусловой, тем более, что слова эти относятся к 1865 году, когда писатель еще любил ее: «Будем всегда глубоко благодарны за те дни и часы счастья и ласки, которые дала нам любимая нами женщина»[3].

---

[1] Гроссман Л. П. Путь Достоевского.— С. 150.

[2] Там же.— С. 152.

[3] Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—1856 гг.— С. 216.

Последние годы А. П. Суслова жила в Севастополе, где и умерла в 1918 году, в одиночестве. Судьбе было угодно сложиться так, что в том же году, и тоже в Крыму, скончалась женщина, которой суждено было стать последней любовью Достоевского...

Он совершил писательский подвиг: за двадцать шесть дней создал роман «Игрок» в десять печатных листов. Случай, невиданный в мировой литературе! Но Достоевский прекрасно понимал, что без помощи Анны Григорьевны он никогда бы не смог написать за такой короткий срок роман такого объема: ведь это она убедила его продлить стенографические сеансы и ночи напролет переписывала застенографированное. Но Неточка Сниткина спасла его и вторично. Оказывается, когда 30 октября писатель повез рукопись романа в контору Стелловскому, он не смог вручить ее. Тот, конечно, узнал, что Достоевский работает со стенографисткой и может успеть закончить роман к положенному сроку, и уехал из Петербурга, а служащие его конторы отказались взять у писателя рукопись. Издатель рассчитывал на то, что Достоевский растеряется — ведь он был непрактичен, как все гениальные люди. И снова Достоевскому на помощь приходит Неточка Сниткина. По ее совету (а она попросила свою мать выяснить у знакомого адвоката правовую сторону вопроса) Достоевский буквально за несколько часов до рокового срока передал для издателя через пристава полицейской части, где проживал Стелловский, рукопись «Игрока», получив об этом расписку.

30 октября 1866 года стенографистка принесла последние переписанные ею страницы «Игрока» и получила от Достоевского за свой труд условленные 50 рублей. И то, что в этот день она пришла к нему не в своем неизменном черном суконном платье (траур по отцу), а в лиловом шелковом, произвело на писателя большое впечатле-

ние. Он не захотел прекращать знакомство и напросился к ней в гости.

А потом было все так, как и могло быть именно с Достоевским: приехал он к ней в гости 3 ноября не в семь часов, как было условлено, а в половине девятого; извозчик его, оказывается, полтора часа искал улицу, где она жила, хотя найти ее было совсем просто.

Достоевский сказал стенографистке, что после недельного отдыха хочет приняться за последнюю часть и эпилог «Преступления и наказания», и просил ее помочь.

А затем 6 ноября писатель вторично, на этот раз совсем неожиданно, приезжает к своей стенографистке. А она, оказывается, должна ехать в гости к крестной матери. Он предлагает ее подвезти и на крутом повороте пытается поддержать за талию, но Неточка не позволяет это сделать, считая, что она не упадет. Достоевский, обиженный, желает ей вывалиться из саней. И тут Неточка так искренно расхохоталась, что мир был восстановлен. Девушка пообещала прийти к нему через день договориться о совместной работе над «Преступлением и наказанием».

Восьмого ноября Неточка Сниткина снова пришла в хорошо знакомую ей квартиру № 13. Писатель явно обрадовался ее приходу, но был то весел, то грустен, то странно возбужден, то молчалив, вообще выглядел моложе своих лет. Она не понимала причину этого странного состояния.

Неточка уже давно нравилась Достоевскому. Ему импонировали ее чувство долга, аккуратность, трудолюбие. Он сразу почувствовал, что у нее доброе сердце (вот и в «Игроке» ее презрение заслужила Полина), и он, конечно, не зря говорил ей, что предпочитает добрую жену умной. Со стороны Марии Дмитриевны он мало ощущал доброты, а уж об Аполлинарии и говорить не приходится. В «Преступлении и наказании» он уже описал такую женщину с добрым сердцем и сердечным умом — Сонечку Мармеладову. А как он мечтал встретить ее в жизни!

Эта стенографистка искренне заботится о нем: о его здоровье, пище, одежде, отдыхе, быте. Он уже давно отвык от этого. Неточка Сниткина великолепно знает его произведения, с восхищением следила за его работой над «Игроком». Она не только преклоняется перед его талантом, но и верит в его высокое писательское предназначение. И это тоже было ново для него, ибо Мария Дмитриевна никогда не признавала у него художественного дара, а Аполлинария если и признавала, то всегда относилась к его сочинительству с насмешкой. Достоевский ясно осознал, что Неточка Сниткина помогала ему в самом священном для него деле — в писательском труде. Он понимал, что она будет преданной женой и прекрасной матерью семейства (когда он ездил к ней домой и познакомился с ее матерью, то увидел, в какой хорошей нравственной атмосфере девушка росла), а он так хотел иметь семью и совсем недавно с щемящей грустью писал Александру Егоровичу Врангелю: «...Вы, по крайней мере, счастливы в семействе, а мне отказала судьба в этом великом и *единственном* человеческом счастье...»[1] Он чувствовал, что проникается к Анне Григорьевне хорошо знакомым ему волнующим чувством любви. Но многое его и смущало, и прежде всего большая разница в годах. Он ведь сам недавно, в «Дядюшкином сне», высмеял ухаживания старого князя за молодой девушкой. А смешным он быть не хотел, да и в памяти еще живы отказы и Аполлинарии и Анны Васильевны Корвин-Круковской, не говоря уже о том, что и Мария Дмитриевна, и Аполлинария предпочли ему более молодых соперников...

И тогда Достоевский решил прибегнуть к необычному способу объяснения в любви.

Анна Григорьевна приготовилась выслушать условия будущей работы над окончанием «Преступления и наказания», а Достоевский неожиданно стал ей рассказывать

---

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 1.— С. 432.

о своих снах, которым он всегда придавал большое значение и называл их вещими. А потом заявил, что в эти дни задумал написать новый роман.

И полилась блестящая импровизация — такая же блестящая, как и тогда, когда он диктовал ей «Игрока». Главный герой этого нового романа — пожилой и больной художник, много переживший, потерявший родных и близких. Достоевский так подробно рассказывал о жизни этого художника, что Анна Григорьевна быстро догадалась, что речь идет о самом писателе. Но когда он сказал, что в его новом романе этот пожилой и больной художник встречает молодую девушку Аню, Анна Григорьевна подумала об Анне Васильевне Корвин-Круковской. Достоевский сам говорил ей о недавнем увлечении этой красивой, умной девушкой. И новый роман мог возникнуть под впечатлением недавнего письма от Анны Васильевны, о котором он говорил стенографистке.

В этот момент Анна Григорьевна совсем забыла, что ее тоже зовут Анной. И вдруг Достоевский спросил, считает ли она психологически достоверным, если эта молодая девушка Аня полюбит такого старого и больного человека, как его герой — художник? Не будет ли это страшной жертвой с ее стороны? Анна Григорьевна начала восторженно доказывать, что если у героини доброе сердце, то вполне возможно. И тогда, конечно, никакой жертвы со стороны этой Ани не будет, а болезней и бедности совсем не надо бояться — ведь любят же в конце концов не за внешность и богатство. А если Аня его любит, то и сама будет счастлива и раскаиваться ей в своем чувстве никогда не придется!

Через полвека Анна Григорьевна вспоминала: «Я говорила горячо. Федор Михайлович смотрел на меня с волнением.

— И вы серьезно верите, что она могла бы полюбить его искренно и на всю жизнь?

Он помолчал, как бы колеблясь.

— Поставьте себя на минуту на ее место,— сказал он дрожащим голосом.— Представьте, что этот художник — я, что я признался вам в любви и просил быть моей женой. Скажите, что вы бы мне ответили?

Лицо Федора Михайловича выражало такое смущение, такую сердечную муку, что я наконец поняла, что это не просто литературный разговор и что я нанесу страшный удар его самолюбию и гордости, если дам уклончивый ответ. Я взглянула на столь дорогое мне, взволнованное лицо Федора Михайловича и сказала:

— Я бы вам ответила, что вас люблю и буду любить всю жизнь!»[1]

И она сдержала свое обещание.

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 91.

МУДРОСТЬ ЛЮБЯЩЕГО СЕРДЦА

Почему Достоевский объяснился в любви таким оригинальным способом? Он был на двадцать пять лет старше своей невесты. Бывший каторжник, находящийся под негласным надзором полиции (надзор был снят только летом 1875 года), профессиональный литератор, то есть человек, материальное положение которого всегда было неустойчивым, обремененный огромными долгами и бесконечными обязательствами перед многочисленной родней, наконец, больной. И все же, как ни весомы все эти причины, не они в конечном счете заставили Достоевского прибегнуть к «художественному» признанию в любви.

Главное было в другом. Достоевский прекрасно понимал, что это для него, может быть, последняя возможность создать семью, иметь детей, то есть исполнить самую заветную, но пока недостижимую мечту. И если бы Анна Григорьевна отказала ему, для него это было бы страшным ударом: еще ведь не зажили раны от отказов А. П. Сусловой и А. В. Корвин-Круковской. Поэтому Достоевский решил прибегнуть к литературной импровизации. И только тогда, когда он по выражению лица Анны Григорьевны и по ее репликам убедился, что она любит его, решил открыться и поставить себя на место своего литературного героя.

Правда, когда 8 ноября 1866 года Достоевский делал предложение своей стенографистке таким необычным способом, он еще, возможно, не совсем до конца сознавал, что Неточка Сниткина станет его последней и самой сильной любовью. Он больше следовал своему пророческому дару, которому доверял в самые роковые минуты своей жизни. Корректорша В. В. Тимофеева (О. Починковская),

выпускавшая вместе с Достоевским в 1873 году журнал «Гражданин», вспоминала, что он любил четыре строчки из поэмы Н. П. Огарева «Тюрьма»:

Я в старой Библии гадал,
И только жаждал и вздыхал,
Чтоб вышла мне по воле рока
И жизнь, и скорбь, и смерть пророка[1].

(В последние годы жизни Достоевского на литературных вечерах читал пушкинского «Пророка», а после Пушкинской речи его самого назвали пророком.) И этот дар никогда не подводил. Не подвел он его и на этот раз.

«При конце романа я заметил, что стенографка моя меня искренно любит,— рассказывал Достоевский о необычных обстоятельствах своей женитьбы,— хотя никогда не говорила мне об этом ни слова, а мне она все больше и больше нравилась. Так как со смертью брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я предложил ей за меня выйти... Разница в летах ужасная (20 и 44), но я все более и более убеждаюсь, что она будет счастлива. Сердце у ней есть, и любить она умеет»[2].

Первое письмо Достоевского к своей юной невесте кончалось словами: «Тебя бесконечно любящий и в тебя бесконечно верующий. Ты мое будущее все — и надежда, и вера, и счастье, и блаженство»[3].

Хотя предложение Достоевского явилось для Анны Григорьевны неожиданностью, внутренне она была к нему готова. И все же надо было действительно обладать незаурядным характером и мужеством, чтобы выдержать борьбу за свое счастье. Особенно активно и даже яростно выступили против брака пасынок Достоевского Паша Исаев и вдова брата писателя Эмилия Федоровна со своими

---

[1] Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников.— Т. 2.— М., 1964.— С. 174.

[2] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.— С. 3.

[3] Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка/Издание подготовили С. В. Белов и В. А. Туниманов.— М., 1979.— С. 5.

детьми — они сразу поняли, что предстоящий брак может положить конец их материальному благополучию.

В 1866 году Павлу Александровичу Исаеву — сыну Александра Ивановича и Марии Дмитриевны Исаевых — исполнилось двадцать лет. Это был довольно эгоистичный и недобрый молодой человек, он называл Достоевского «отцом», когда надо было в очередной раз получить от него деньги, умело вызывал его жалость, как круглый сирота. Он нигде не служил и не учился, считая, что «отец» будет помогать ему до конца своей жизни (так и случилось), а после его смерти станет единственным наследником и будет жить на доходы от издания его сочинений. И вдруг такой удар, такая неожиданная «измена».

Точно так же отнеслась к известию о предстоящем браке Эмилия Федоровна. В 1866 году ей исполнилось сорок четыре года. Она и ее четверо детей, которые пока еще ничем ей не помогали (хотя одному сыну было 24 года, а другому 20), уже два года регулярно получали материальную помощь от Федора Михайловича и считали вполне естественным жить за счет Достоевского.

Был еще и внебрачный сын Михаила Михайловича — Ваня Аникиев и его мать Прасковья Петровна Аникиева, которые также пользовались материальной поддержкой писателя. В начале 1860-х годов оставил службу по болезни младший брат писателя Николай Михайлович Достоевский (1831—1883) — талантливый инженер и архитектор. Федор Михайлович относился к нему, почти нищенствовавшему, с особенной любовью и состраданием и помогал материально до конца своих дней (Анна Григорьевна продолжала это делать и после смерти Достоевского).

Николай Михайлович нарисовал довольно колоритную картину, относящуюся к весне 1865 года и свидетельствующую о том, что Достоевский действительно стремился прокормить семью Михаила Михайловича: «В семействе покойного брата бываю раз в месяц. Брата Федора вижу там же... Я не видал подобного человека. Брат предался

весь семейству, работает по ночам, никогда не ложится спать ранее 5 часов ночи, работает как вол; а днем постоянно сидит и распоряжается в редакции журнала. Надо пожить и долго пожить, чтобы узнать, что за честнейшая и благороднейшая душа в этом человеке, а вместе с тем я не желал бы быть на его месте. Он, по моему мнению, самый несчастный из смертных. Вся жизнь его так сложилась. Он никогда не пожалуется и не выскажет всего, что у него может быть накоплено на сердце; вот почему эти строки и вырвались у меня»[1].

И Павел Александрович Исаев, и Эмилия Федоровна Достоевская не скрывали своего недовольства. Однако когда лобовая атака не удалась — Федору Михайловичу сказали, что он ставит себя в глупое и смешное положение, что в таком возрасте не заводят семью, а главное, у него есть обязанности перед родственниками, Достоевский, рассердившись, выставил пасынка из кабинета,— они сменили тактику и стали как бы незаметно, но тем больнее наносить мелочные обиды Анне Григорьевне, ставя ее в неловкое положение перед будущим мужем.

Мать Анны Григорьевны, Анна Николаевна Сниткина, которую Федор Михайлович успел очаровать в первый приезд, не стала возражать против свадьбы дочери, правда, и большого восторга не выразила. (Справедливости ради надо отметить, что впоследствии, убедившись в прочности брака дочери, она неоднократно приходила на помощь Достоевским в особо трудные для них периоды жизни.)

Если Федора Михайловича отговаривали от брака с такой юной девушкой, то родственники и друзья невесты стали, в свою очередь, внушать, что нельзя вступать в брак с таким пожилым человеком. Много лет спустя, когда дочь спросила Анну Григорьевну, как же она все-таки

---

[1] Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. 1506—1933.— М., 1933.— С. 352.

полюбила человека, который ей в отцы годился, мать ответила с улыбкой: «Но ведь он был молод, если бы ты знала, как молод был еще твой отец! Он смеялся, шутил, все его забавляло, как молодого человека. Твой отец был гораздо интереснее, гораздо бодрее современных ему молодых людей, носивших по тогдашней моде очки и имевших вид профессоров зоологии»[1].

Можно предположить, что и Анна Григорьевна влияла на «воскресение» Достоевского (он сам признавался, что если она «всегда такая будет, то он решительно переродится, потому что <она> дала ему много новых чувств и новых мыслей, дала много хороших чувств, так что он и сам становится лучше»[2]). Ведь последнюю часть и эпилог романа «Преступление и наказание», то есть воскресение Раскольникова под влиянием кроткой верующей Сонечки Мармеладовой, писатель диктовал своей невесте (это была их вторая совместная творческая работа). Достоевский как бы впитывал в себя невидимые токи от своей юной Ани, пересоздавая и себя ее простой верой (недаром же Анна Григорьевна собиралась назвать свою первую дочку Софьей в честь Сонечки Мармеладовой).

Кажется, никогда Достоевский не был таким веселым и жизнерадостным, как в это предсвадебное время, и Анна Григорьевна от души смеялась, вспоминая, как ее учитель на курсах стенографии, Павел Матвеевич Ольхин, предлагая ей работу у писателя Достоевского, охарактеризовал его как угрюмого человека.

Но родственники Федора Михайловича омрачали настроение Анны Григорьевны. Огорчала, конечно, не бесцеремонность Павла Александровича и Эмилии Федоровны,— это были их человеческие качества и с ними Анна Григорьевна ничего поделать не могла — и даже не то,

---

[1] Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении его дочери.— С. 62.

[2] Достоевская А. Г. Дневник 1867 г.— М., 1923.— С. 295.

что в результате этой бесцеремонности почти все, что получал Достоевский от редакции «Русского вестника» за публикацию на его страницах в 1866 году «Преступления и наказания» и от Стелловского за роман «Игрок», сразу же попадало в карманы родных. Весь трагизм заключался в том, что родственники не понимали великого предназначения Достоевского.

Анна Григорьевна уже давно видела, что Достоевский вообще не умеет никому отказывать в материальных просьбах и органически не способен считать деньги. Ее умиляло, как он, получив очередной гонорар, нахмурившись и пощипывая бородку, распределял неотложные расходы: она знала, что через два-три дня, а иногда и через день, от этого гонорара, каким бы он ни был большим, все равно ничего не останется. Сначала она никак не могла привыкнуть к этой его поразительной житейской непрактичности, а потом осознала, что сочетание гениальности и житейской непрактичности естественно для этого удивительного человека (В 1883 году, когда по инициативе Анны Григорьевны выйдет первая биография Достоевского, она прочтет воспоминания доктора А. Е. Ризенкампфа, жившего с писателем на одной квартире в 1840-е годы. Она улыбнется, когда увидит характеристику своего мужа: добрый, щедрый, доверчивый и неприспособленный к жизни,— она-то знала, что таким он остался навсегда.)

Анна Григорьевна поняла, что жизнь его определяется только одним — служением своему великому дару творчества. «Дарование есть поручение,— говорил Е. А. Баратынский.— Должно исполнять его, несмотря ни на какие препятствия»[1]. Еще восемнадцатилетним юношей Достоевский писал брату в 1839 году: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время. Я занимаюсь

[1] Баратынский Е. А. Стихотворения. Проза. Письма.— М., 1983.— С. 213.

этой тайной, ибо хочу быть человеком»[1]. Достоевский предвидел свое призвание: тайне человека, его назначению и судьбе посвящено все его творчество. Но тайну человека он разгадает и через разгадку собственной необыкновенной личности. Жизнь и творчество Достоевского неразделимы. Он «жил в литературе», она была его жизненным делом и трагической судьбой.

Это только Павлу Александровичу и Эмилии Федоровне жизнь его представлялась цепью сплошного невезения: каторга, болезнь, ссылка, неудачный брак. Но Анна Григорьевна знала, что никогда, ни на один день, ни на один час, ни на одну минуту не прекращалась в нем эта мука мученическая — творческий акт. И все, что происходило с ним в жизни, так или иначе переплавлялось во всепроникающий творческий процесс.

И если он сумел пронести свой творческий дар через эшафот, каторгу и ссылку, если он способен творить в таких тяжелейших условиях, в каких он оказался, значит он осознал свой божественный дар как такой долг перед людьми, при котором собственное житейское существование лишь средство для выполнения этого долга.

Понимала ли она, что Достоевский еще весь впереди, что еще не созданы самые великие его романы? Конечно, писатель еще не успел поделиться с ней творческими замыслами, но когда она увидела, что всего за двадцать шесть дней, в основном импровизируя, он сумел создать роман «Игрок», она почувствовала его гигантский, еще нереализованный творческий потенциал.

Бесцеремонность Павла Александровича и Эмилии Федоровны страшно огорчала Анну Григорьевну прежде всего и главным образом потому, что, работая на них, Достоевский сокращал свою творческую, писательскую жизнь. И уже в ту минуту, когда Неточка ответила ему 8 ноября 1866 года, что любит и будет любить его всю жизнь, она

---

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.—С. 550.

прекрасно сознавала, что любит прежде всего писателя и что ей предстоит стать женой именно писателя.

Скорее всего, этим и объясняется одна сцена в доме невесты в короткий период их жениховства. В промерзлый ноябрьский вечер Достоевский приехал к Анне Григорьевне совсем озябший и продрогший и, только выпив два стакана горячего чая и несколько рюмок хереса, согрелся. Оказывается, по совету Павла Александровича и Эмилии Федоровны, которым срочно понадобились деньги, Достоевский заложил свою шубу, а к невесте приехал в осеннем пальто. И вдруг Неточка зарыдала и закричала, что он может простудиться и умереть. Это его так поразило, что он сказал: «Теперь я убедился, как горячо ты меня любишь: не могла бы ты так плакать, если бы я не был тебе дорог!»[1]

С этого дня Анна Григорьевна поняла, что за Достоевского надо сражаться и что ей предстоит жестокая борьба с родственниками.

И тогда она решила, что нужно как можно скорее обвенчаться: родственники, поставленные перед фактом появления новой семьи, должны будут поневоле умерить свои аппетиты. Однако свадьба откладывалась — и только из-за отсутствия денег. Конечно, были еще средства, завещанные ей отцом, но Федор Михайлович категорически отказывался употребить их на свадьбу, считая, что они должны пойти на вещи для невесты (сам, например, он очень любил смотреть ее новые платья). Был еще один деревянный дом, приобретенный отцом незадолго перед смертью, — Анна Григорьевна могла получить его в день совершеннолетия, то есть когда ей исполнится двадцать один год. Анна Николаевна Сниткина уговаривала будущего зятя стать попечителем ее дочери, чтобы продать дом, но Федор Михайлович наотрез отказался, считая, что он не имеет права вмешиваться в материальные дела своей невесты.

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 110.

Вся надежда была только на редакцию «Русского вестника» и на редактора — издателя этого московского журнала Михаила Никифоровича Каткова (1818—1887). Достоевский решил просить у него аванс в счет будущего своего романа «Идиот», публикация которого также предполагалась в «Русском вестнике». Достоевский знал, конечно, что «Преступление и наказание», которое весь 1866 год печаталось в этом журнале, произвело колоссальное впечатление на современников. Так, его старый друг, поэт Аполлон Николаевич Майков (1821—1897), прочтя лишь первую часть романа, сказал: «Это нечто удивительное!»[1], а молодой судебный деятель Анатолий Федорович Кони (1844—1927) испытал «чувство восторженного умиления, вынесенного из знакомства с этой трогательной вещью»[2].

Огорчало, что Михаил Никифорович Катков заставил его переделать кульминационную сцену романа, когда Раскольников и Сонечка читают Евангелие. Не понял почтенный Михаил Никифорович, что ради этой сцены, ради воскрешения Раскольникова и написан весь роман. Но он не стал особо спорить с Катковым, ибо страшно нуждался, как и всегда, впрочем, в гонораре, и ему важно было, чтобы скорей роман увидел свет. Правда, платил Михаил Никифорович не густо — всего 150 рублей за лист, в то время как Тургеневу — 400 рублей. Зато Катков печатал его и шел ему навстречу. Вот и сейчас он решил поехать в Москву и просить у Каткова аванс для свадьбы в две тысячи рублей — а это очень большая сумма.

Катков и на этот раз не отказал. А может быть, его просто обезоружила откровенность Федора Михайловича. Он прямо сказал, что новый роман у него не только еще не готов, не только еще не начат, но даже вообще еще до конца не продуман и не ясен ему самому. Но деньги ему нужны для свадьбы, он задумал жениться, и счастье

---

[1] Кони А. Ф. Собр. соч.— Т. 6.— М., 1968.— С. 430.
[2] Там же.— С. 431.

его зависит теперь только от него, Михаила Никифоровича.

Два письма из Москвы жениха к своей невесте дышат беспредельной верой в нее и в их будущее счастье: «...тебя представляю себе и тебя воображаю себе поминутно. Нет, Аня, сильно я тебя люблю!.. Целую тебя бессчетно. Поздравляю с Новым годом и с *новым счастьем.* Помолись об нашем деле, ангел мой... Буду работать изо всех сил... *Твой* весь, твой верный, вернейший и неизменный. А в тебя верю и уповаю как во все мое будущее. Знаешь, вдали от счастья больше ценишь его... Бесценный и *вечный* друг Аня... Наша судьба решилась, деньги есть, и мы обвенчаемся как можно скорее... Как я тебя люблю — как я бесконечно тебя люблю и тем счастлив... С этакой-то женой, да быть несчастливым — да разве это возможно! Люби меня, Аня; бесконечно буду любить»[1].

Когда Катков прислал аванс, начались последние приготовления к свадьбе. С Иваном Максимовичем Алонкиным пришлось расстаться — нужна была более просторная квартира. Но разве Достоевский может покинуть этот район, эти места, где он написал «Преступление и наказание», где он наконец-то обрел личное счастье. И Федор Михайлович снимает квартиру совсем рядом с домом купца Алонкина, выбирая этот новый дом на Вознесенском проспекте не случайно. Во всем, что он делает теперь, он ищет какой-то смысл, какое-то символическое значение (после четырех лет странствий с молодой женой по Европе — первая квартира, в которой поселяется Достоевский, снова недалеко от дома Алонкина — его все время тянет в эти священные для него места). Достоевский поселяется в доме напротив церкви Вознесения (отсюда и Вознесенский проспект, по которому любил бродить Раскольников), построенной в 1772 году А. Ринальди.

---

[1] Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка.— С. 6, 7, 8, 9.

Достоевский считал свой брак с Анной Григорьевной «воскресением в новую жизнь», и есть глубокий смысл в том, что венчание в Троицко-Измайловском соборе он назначил именно на 15 февраля 1867 года. День 15 февраля он запомнил на всю жизнь. Пятнадцатого февраля 1854 года он навсегда покинул омский каторжный острог. «Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых... Экая славная минута!» Анна Григорьевна — это «будущее все — и надежда, и вера, и счастье, и блаженство».

И Анна Григорьевна, увидев перед самым венчанием, уже в соборе, бледное лицо Федора Михайловича, решила ему дать первым ступить на ковер перед священником, ибо по русскому народному поверию считалось, что тот, кто это сделает первым, будет главенствовать в семье. Да и как она могла ему не покоряться, если он стал ее Богом, смыслом ее существования.

После венчания начались поздравления, и первый поздравил молодых философ и критик Николай Николаевич Страхов (1828—1896), уже несколько лет считающийся близким другом писателя (если бы Анна Григорьевна знала, какой страшный удар ей и Достоевскому нанесет в будущем этот маленький, аккуратненький и вежливый человек).

Достоевский сиял и, подводя к Анне Григорьевне своих друзей и знакомых, говорил: «Посмотрите, какая она у меня прелестная! Она у меня — чудесный человек! У нее золотое сердечко!»[1]

После свадьбы Анне Григорьевне пришлось пережить тот же ужас, какой десять лет назад испытывала первая жена писателя. От волнения и выпитого шампанского у Достоевского в один день было два припадка. «...К моему удивлению, я в эту минуту нисколько не испугалась, хотя видела припадок эпилепсии в первый раз в жизни,— вспоминала Анна Григорьевна.— Я обхватила Федора Михай-

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 121.

ловича за плечи и силою посадила на диван. Но каков же был мой ужас, когда я увидела, что бесчувственное тело моего мужа сползает с дивана, а у меня нет сил его удержать... Я дала возможность Федору Михайловичу опуститься на пол; сама я тоже опустилась и все время судорог держала его голову на своих коленях... Мало-помалу судороги прекратились, и Федор Михайлович стал приходить в себя... Но, к моему чрезвычайному горю, припадок повторился через час после первого, и на этот раз с такой силою, что Федор Михайлович более двух часов, уже придя в сознание, в голос кричал от боли. Это было что-то ужасное!.. Какую ужасную ночь я провела тогда! Тут я впервые увидела, какою страшною болезнью страдает Федор Михайлович. Слыша его непрекращающиеся часами крики и стоны, видя искаженное от страдания, совершенно не похожее на него лицо, безумно остановившиеся глаза, совсем не понимая его несвязной речи, я почти была убеждена, что мой дорогой, любимый муж сходит с ума, и какой ужас наводила на меня эта мысль!»[1]

Через полвека Анна Григорьевна говорила писателю и критику А. А. Измайлову: «...я вспоминаю о днях нашей совместной жизни, как о днях великого, незаслуженного счастья. Но иногда я искупала его великим страданием. Страшная болезнь Федора Михайловича в любой день грозила разрушить все наше благополучие... Ни предотвратить, ни вылечить этой болезни, как вы знаете, нельзя. Все, что я могла сделать, это — расстегнуть ему ворот, взять его голову в руки. Но видеть любимое лицо, синеющее, искаженное, с налившимися жилами, сознавать, что он мучается и ты ничем не можешь ему помочь,— это было таким страданием, каким, очевидно, я должна была искупить свое счастье близости к нему...»[2]

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 124, 125.

[2] Измайлов А. А. У А. Г. Достоевской. (К 35-летию со дня кончины Ф. М. Достоевского)//Биржевые ведомости.— 1916.— 28 янв.— № 15350.

...А родственники вдруг из врагов превратились в друзей Анны Григорьевны и с утра до позднего вечера обретались в их квартире на Вознесенском проспекте. Она была приятно удивлена этой переменой, старалась их хорошо принять и приласкать. Конечно, этот вечный шум и гам в их доме (Павел Александрович жил вместе с ними, а у него всегда были гости) разительно был непохож на тихий, патриархальный быт семьи Сниткиных. Молодая жена и с этим примирилась, сначала просто из робости, а потом думая, что это приятно Федору Михайловичу.

Но Анна Григорьевна еще не понимала, что коварные родственники просто изменили тактику. Они сделали вид, что хотят помочь ей по хозяйству и, взяв ведение его в свои руки, распоряжались как у себя дома, причем постоянно критиковали молодую жену, выставляя в невыгодном свете ее перед Федором Михайловичем. А когда Павел Александрович и Эмилия Федоровна вдруг, к своему удивлению, увидели, что эта кроткая и незлобивая девушка, оказывается, обижается по пустякам и вообще довольно самолюбивая, они совсем разошлись. Анне Григорьевне они советовали не слишком докучать Федору Михайловичу, когда он пишет, ибо она молода и ее детские разговоры совершенно его не интересуют, а Федору Михайловичу они шептали, что Анне Григорьевне гораздо приятнее проводить время с его племянником, двадцатилетним Мишей Достоевским (сыном Эмилии Федоровны), поэтому-де она и не приходит к нему в кабинет. Если же Анна Григорьевна и пыталась начать борьбу с родственниками за Достоевского, то они так умело ей льстили и так хвалили ее, что, по молодости лет, она принимала эту лесть и эти похвалы за чистую монету.

С горечью Анна Григорьевна замечала, что та редкая душевная близость, которая возникла у нее с Достоевским, когда он диктовал ей роман «Игрок», постепенно исчезала. А все потому, что бесконечные родственники, гостившие

у них с утра до позднего вечера, практически ни на минуту не оставляли молодоженов одних. Но особенно ее огорчало, что дорогой и любимый муж, вместо того чтобы защищать ее от несправедливых нападок и насмешек его родственников, обычно ни во что не вмешивался. Она тогда еще не понимала, что Достоевский не хотел вникать во все эти раздоры, так как они мешали ему целиком уйти в творчество, в обдумывание второго после «Преступления и наказания» гениального романа «Идиот».

Анна Григорьевна почувствовала: настал момент, когда ее брак с Достоевским, в котором с ее стороны было прежде всего и главным образом преклонение перед великим писателем, а с его — следование своему пророческому голосу, что именно эта девушка принесет ему счастье,— этот брак может при благоприятных условиях перейти в большую и страстную любовь, а при неблагоприятных — кончиться разрывом.

Анна Григорьевна откровенно пишет о своих сомнениях и переживаниях той поры: «Моя любовь была чисто головная, идейная. Это было скорее обожание, преклонение перед человеком, столь талантливым и обладающим такими высокими душевными качествами. Это была хватавшая за душу жалость к человеку, так много пострадавшему, никогда не видавшему радости и счастья... Мечта сделаться спутницей его жизни, разделить его труды, облегчить его жизнь, дать ему счастье — овладела моим воображением, и Федор Михайлович стал моим богом, моим кумиром, и я, кажется, готова была всю жизнь стоять перед ним на коленях. Но все это были высокие чувства, мечты, которые могла разбить наступившая суровая действительность.

Благодаря окружавшей обстановке для меня мало-помалу наступало время недоразумений и сомнений. То мне казалось, что Федор Михайлович уже меня разлюбил, что он понял, до чего я пуста, глупа и ни в чем не подхожу к нему, и пожалуй, раскаивается в том, что женился на

мне, но не знает, как поправить сделанную ошибку. Хоть я и горячо любила его, но гордость моя не позволила бы мне оставаться у него, если б я убедилась, что он меня больше не любит. Мне даже представлялось, что я должна принести ему жертву, оставить его, раз наша совместная жизнь, по-видимому, для него тяжела...»[1]

Катастрофы, разрыва все же не произошло главным образом благодаря решительности и энергии Анны Григорьевны, тем более удивительных, что она тогда, по собственному позднему признанию, была совершенным ребенком. Она сделала все от нее зависящее, чтобы переменить обстановку — уехать за границу, подальше от домашних неурядиц, от надоевших и опостылевших родственников, от безалаберной петербургской жизни, от всех кредиторов и вымогателей (писателю постоянно грозила долговая тюрьма).

Однако поездке за границу предшествовало драматическое объяснение с Достоевским. Через месяц после свадьбы Павел Александрович обвинил Анну Григорьевну в том, что за время брака у его «отца» усилились припадки. Ею овладело полуистерическое состояние. Плача, рыдая, Анна Григорьевна высказала своему мужу все, что у нее наболело на душе.

И вдруг оказалось, что этот гениальный провидец, прозревающий на сто лет вперед, даже и не подозревает, что у него происходит дома. (Скоро она поняла, что это его обычное состояние: углубившийся в обдумывание нового романа, он действительно почти не замечал окружающего.) Но когда Достоевский заверил Анну Григорьевну в горячей любви, все ее страхи, что, может быть, он разлюбил ее, окончательно рассеялись. Она пришла в полный восторг от его предложения съездить с ним в Москву, чтобы попросить у Каткова еще аванс для совместной поездки за границу: наконец-то осуществится ее заветная меч-

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 133—134.

та — побыть наедине, вдвоем с Федором Михайловичем. А он хотел за границей, когда его не терзают ни родственники, ни кредиторы, спокойно поработать над романом «Идиот»...

Достоевский всегда отлично себя чувствовал в доме Веры Михайловны Ивановой (1829—1896), своей любимой сестры. Через год после своей второй женитьбы он писал ей и ее мужу, врачу Константиновского межевого института Александру Павловичу Иванову (1813—1868): «А кто же милее и дороже мне (да и Анне Григорьевне, кроме своих) — как не вы и ваше семейство?»[1] Особенно с исключительной любовью Достоевский относился к дочери Веры Михайловны — Софье Александровне Ивановой (1846—1907), высоко ценил ее за светлый ум и чистоту сердца, в письмах к ней доверял ей свои творческие тайны и сообщал много фактов из личной жизни. Он посвятил своей племяннице роман «Идиот» и назвал в честь нее свою первую дочь.

Самые светлые воспоминания остались у Достоевского о двух месяцах, проведенных летом 1866 года в Люблине, на подмосковной даче Ивановых, где он работал над «Преступлением и наказанием».

Однако в семье Ивановых Анну Григорьевну встретили сначала довольно холодно. Она не понимала причину враждебности, но потом выяснилось, что сыновья и дочери Ивановых мечтали женить Федора Михайловича на своей любимой тетке по отцу Елене Павловне Ивановой. Но предубеждение молодежи скоро прошло — они увидели, что жена их обожаемого дяди-писателя — скромная, стеснительная и довольно робкая девушка, совершенно боготворившая своего мужа. Мир был восстановлен, и Анна Григорьевна очень радовалась своей дружбе с Верой Михайловной Ивановой (разве могла она себе представить, что через четырнадцать лет именно Вера Михайловна «загонит» в гроб Достоевского).

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.— С. 66.

Редакция «Русского вестника» согласилась выдать писателю новый аванс в тысячу рублей, и счастливые супруги выехали в Петербург. Анна Григорьевна была в таком приподнятом настроении, что даже забыла про сцену ревности, которую Достоевский устроил ей у Ивановых, когда она слишком долго и оживленно беседовала с одним молодым человеком (впрочем, не то что забыла, а просто дала себе слово не доставлять ему впредь никакого повода для этого).

А Достоевский не мог забыть. Для него это было что-то новое. Ведь он же ревновал, конечно, Марию Дмитриевну к учителю Вергунову, а Аполлинарию — к испанскому студенту Сальвадору, но он и вида не подавал, а вот Анне Григорьевне, зная, что она всецело предана ему, устроил целую сцену. Он пытался разобраться в своих ощущениях. И вдруг у него мелькнула парадоксальная на первый взгляд мысль. А может быть, потому и ревнует он, что знает, что Анна Григорьевна всецело предана ему, душой и телом, и с ней он чувствует себя совершенно естественно, раскованно и свободно в проявлении любых своих чувств, то есть именно с ней, с первой женщиной, он наконец-то почувствовал себя живым человеком — а сам он больше всего и превыше всего ценил в людях именно вот эту живую жизнь.

Но как когда-то Марию Дмитриевну и Аполлинарию поразило, что в ответ на их признания в любви к другому он ничем не выдал своего чувства и только утешал их, так и его удивило сейчас, что в ответ на его несправедливые, гневные и обидные упреки Анна Григорьевна просто заплакала. Он сразу же понял всю абсурдность своей ревности и так глубоко переживал случившееся, что Анна Григорьевна всю ночь утешала и успокаивала его.

Но даже эта сцена не смогла омрачить прекрасного расположения духа Анны Григорьевны: главное было в том, что «Русский вестник» дал им деньги и они могут ехать за границу. А ехать надо было непременно, ибо в

в Москве она лишний раз убедилась, как важно им хотя бы два-три месяца пожить вдвоем, без родственников. Исчезла некоторая отчужденность, намечавшаяся между ними в Петербурге. И вообще получилось так, что только в гостинице Дюссо в Москве, где они остановились, и начался для них настоящий медовый месяц. И даже вспомнив о сцене ревности, Анна Григорьевна подумала, что это же и есть лучшее доказательство того, как она дорога ему.

Петербургские родственники встретили в штыки проект совместной поездки за границу. Они потребовали, если поездка все же состоится, оставить им деньги на несколько месяцев вперед. Наседали и кредиторы по журналу «Эпоха». Получалось, что ни о какой загранице и думать было нечего.

Анна Григорьевна была в полном отчаянии. Но неожиданно для родственников, друзей и знакомых эта совсем почти девочка продемонстрировала такую волю и силу характера, что поразила и всех окружающих, и прежде всего своего мужа. Он никак не мог себе представить, что его Аня вдруг способна на такой шаг.

А Анна Григорьевна интуитивно почувствовала, что речь идет не просто о спасении их брака,— речь идет о спасении его творческого гения. Она решает заложить все свое приданое (мебель, серебро, вещи) и на эти деньги 14 апреля 1867 года молодожены уезжают за границу.

«...Я поехал, но уезжал я тогда со смертью в душе: в заграницу я не верил, то есть я верил, что нравственное влияние заграницы будет очень дурное,— рассказывает Достоевский о своих мрачных предчувствиях А. Н. Майкову.— Один... с юным созданием, которое с наивною радостию стремилось разделить со мною странническую жизнь; но ведь я видел, что в этой наивной радости много неопытного и первой горячки, и это меня смущало и мучило очень... Характер мой больной, и я предвидел, что она со

мной измучается. (N. B. Правда, Анна Григорьевна оказалась сильнее и глубже, чем я ее знал...)»[1]

Достоевский уже бывал за границей, Анна Григорьевна впервые оказалась в Европе, да и вообще первый раз в жизни расставалась с матерью. «Я утешала маму тем, что вернусь через 3 месяца,— писала она в одном из черновых набросков своих воспоминаний,— а пока буду часто ей писать. Осенью же обещала самым подробным образом рассказать обо всем, что увижу любопытного за границей. А чтобы многого не забыть, обещала завести записную книжку, в которую и вписывать день за днем все, что со мною будет случаться. Слово мое не отстало от дела: я тут же на станции купила записную книжку и с следующего дня принялась записывать стенографически все, что меня интересовало и занимало. Этою книжкою начались мои ежедневные стенографические записи, продолжавшиеся около года...»[2]

Так возник дневник жены Достоевского — уникальное явление в мемуарной литературе и незаменимый источник для всех, кто занимается биографией писателя. Анна Григорьевна быстро прониклась сознанием, как важно сохранить для потомков все, что связано с именем Достоевского, и ее заграничный дневник 1867 года, задуманный первоначально как ежедневный отчет примерной дочери своей матери, стал настоящим литературным памятником. «Сначала я записывала только мои дорожные впечатления и описывала нашу повседневную жизнь,— вспоминает Анна Григорьевна.— Но мало-помалу мне захотелось вписывать все, что так интересовало и пленяло меня в моем дорогом муже: его мысли, его разговоры, его мнения о музыке, о литературе и пр.»[3]

Дневник А. Г. Достоевской о заграничном путешествии 1867 года, изданный уже после ее смерти, в 1923 году,—

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.— С. 26.
[2] Достоевская А. Г. Дневник 1867 г.— С. XI.
[3] Там же.

это бесхитростный рассказ о совместной жизни молодоженов, свидетельство нежной внимательности и силы поздней любви Достоевского.

И хотя писатель в полной мере приобщил свою молодую жену и к своим страстям, и к своим мучениям, то есть к страданиям, как к родной стихии, но Анна Григорьевна на мужа никогда не жалуется.

Со страниц дневника встает образ кроткой и незлобивой, снисходительной и терпеливой женщины. Сквозь хронику бесконечных житейских происшествий, часто, казалось бы, совсем мелких, зафиксированных со всеми подробностями (любовь к самым незначительным подробностям перешла к Анне Григорьевне от мужа, но она сразу же почувствовала, что любая мелочь из жизни великого писателя может иметь значение, так как именно этими мелкими и незначительными, казалось бы, бытовыми и семейными сценами, то есть всей жизнью, и создаются художественные произведения), видно, как постепенно происходит между молодоженами настоящее сближение, и хрупкая «головная» привязанность превращается в серьезное и глубокое чувство.

Анна Григорьевна поняла, что быть женой Достоевского — это значит не только испытывать радость от близости гениального человека, но и быть обязанной достойно нести все тяготы жизни рядом с таким человеком, тяжкое и радостное бремя ее. И если под увеличительным стеклом его гениальности гигантски разрастается любая деталь, из совокупности которых и состоит, в сущности, повседневная жизнь, то это происходит потому, что обнаженные нервы Достоевского, так много перенесшего в своей жизни, буквально содрогались от малейшего прикосновения грубой действительности.

Вот почему жизнь его спутницы нередко становилась житием и ежедневное общение с Достоевским требовало от Анны Григорьевны настоящего подвижничества. И хотя она заботливо отодвигала и отстраняла поводы для ссор,

но ей не всегда это удавалось. Анна Григорьевна никогда не жалуется: она знает, что Достоевский к ней искренно привязан и горячо ее любит. Поэтому зачастую приближающиеся «гроза» и «буря» не успевали разразиться, и все кончалось, к обоюдной радости, благополучно. Достоевский становился таким ласковым, нежным и заботливым, каким не был никогда ни с Марией Дмитриевной Исаевой, ни с Аполлинарией Прокофьевной Сусловой.

Вот запись в дневнике Анны Григорьевны от 28 мая (9 июня) 1867 года: «Я пришла домой довольно веселая, но Федя встретил меня сурово и указал на произведенный беспорядок в доме. Я действительно так спешила давеча, что не успела убрать различных вещей. Федя чрезвычайно любит порядок и всегда его поддерживает. Я не обратила внимания на его замечание, попросила у него гребень и ушла в другую комнату причесать себе волосы. Только накануне Федя, давая мне гребешок, просил меня быть осторожнее, говорил, что этот гребень он очень любит, и что его легко сломать. У меня были страшно спутаны волосы, я, забыв наставление, хотела расчесать и вдруг сломала 3 зубчика. Господи, как мне было тяжело! Только что просил не сломать, а я сломала, и так как он только что меня побранил, то он мог подумать, что я сломала со злости, как будто бы я способна была на эти подвиги... Я просто так в эти минуты страдала, что невыносимо: уничтожить ту вещь, о которой он так просил,— ведь это такая небрежность, за которую надо просто было меня прибить. Я расплакалась и решилась уйти из дому, ходить до вечера и унести с собою гребенку. Вдруг Федя вошел ко мне в спальню и, увидев гребенку, хотел положить ее в карман. Тут я не выдержала, ужасно разрыдалась и просила простить меня за сломанную гребенку. Он рассмеялся, сказал мне, что я ужасное дитя, что это ничего, что я сломала, что это вовсе не важно, что не стоило плакать, что теперь эта гребенка будет ему памятна и в тысячу раз дороже прежнего, что вся-то она не стоит тысячной доли

моей слезы. Вообще, он много меня утешал, целовал мои руки, лицо, посадил к себе на колени...»[1]

Конечно, в заграничном дневнике Анны Григорьевны 1867 года встречаются нередко и такие записи: «Федя раскричался на меня... так что у меня с досады сделалась лихорадка», «он рассердился и закричал на меня», «вдруг объявил мне, что капризами я порчу нашу жизнь». Но даже в такие минуты, когда Анна Григорьевна выходила из себя, она называла своего мужа или просто «капризником», или говорила, «какой он, право, нетерпеливый», а чаще всего писала: «Я сержусь на себя: это я все начинаю пустые ссоры. У меня такой удивительный муж и так меня любит, а я его постоянно раздражаю»[2].

Великодушная, незлопамятная, благородная Анна Григорьевна, ради Достоевского, забывает и все свои обиды, и все свои горести. «Как я счастлива, и какой у меня прекрасный и добрый муж, и как я его люблю», «Какой он милый и добрый»[3],— пишет Анна Григорьевна в сокровенных страницах своего заграничного дневника 1867 года — и все это с предельной искренностью...

Свой заграничный дневник 1867 года Анна Григорьевна расшифровала в 1894 году, но еще раньше, в 1883 году, очевидно, по просьбе Н. Н. Страхова и О. Ф. Миллера, готовивших первую биографию Достоевского, Анна Григорьевна приготовила краткое изложение основных событий и фактов четырехлетнего пребывания за границей. «14-го апреля 1867 года мы выехали за границу,— вспоминает Анна Григорьевна,— и чрез Берлин прибыли в Дрезден, где пробыли два месяца»[4].

Но медовый месяц Достоевского неожиданно оканчивается катастрофой: писателя вновь, как во время первых

---

[1] Достоевская А. Г. Дневник 1867 г.— С. 108—109.
[2] Там же.— С. 252.
[3] Там же.— С. 245, 256.
[4] Достоевская А. Г. Нитка/Публикация С. В. Белова// Дальний Восток.— 1971.— № 11.— С. 132.

заграничных поездок в 1862 и 1863 годах, затягивает безжалостная и бездушная рулетка. Достоевский пытается бороться с этим наваждением и не решается признаться молодой жене. Наконец, он не выдерживает и начинает убеждать Анну Григорьевну, что это единственный способ поправить их довольно тяжелое материальное положение и рассчитаться с долгами брата.

Еще когда он диктовал ей «Игрока», Анна Григорьевна поняла, конечно, что это автобиографическое произведение, но она даже и представить себе не могла, что власть рулетки над ним так всемогуща. Эта страсть к рулетке доставляла Достоевскому такие муки, по сравнению с которыми даже четыре каторжных года казались ему раем.

Изначальная причина склонности Достоевского к рулетке — бедность. «...Мне прежде всего нужны были деньги для денег»,— писал он. Действительно, он бедствовал почти всю жизнь, и трудно, пожалуй, во всей его четырехтомной переписке найти такие письма, где бы не шла речь о деньгах: то он собирается просить взаймы, то он хочет вернуть долг, то строит бесконечные проекты, чаще всего совершенно нереальные, как лучше раздобыть средства. Таким образом, перед самим собою Достоевский всегда мог бы оправдаться: если бы деньги не были ему нужны «до зарезу», он бы не стал играть.

И эта навязчивая идея — выиграть «капитал», чтобы расплатиться с кредиторами, прожить, не нуждаясь, несколько лет, обеспечить детей в случае своей ранней смерти, а самое главное — получить, наконец, возможность спокойно поработать над своими произведениями (как Тургенев и Толстой, часто повторял он), а не на срок, под угрозой тюрьмы или описи имущества,— так овладела Достоевским, что он начал играть, чтобы выиграть.

Но этот житейский мотив за игорным столом утрачивал свой изначальный смысл. Порывистый, страстный, стремительный Достоевский отдается безудержному азарту. «Главное — сама игра. Знаете ли, как это втягивает.

Нет, клянусь вам, тут не одна корысть»,— признавался он.

Знатоки рулетки говорят, что это самый несчастный тип игроков, обреченных самой судьбой на неудачу. Достоевскому не раз случалось выигрывать большие суммы (играл он только за границей, в России рулетки не было). Казалось бы, он должен прекратить игру и отложить лишние деньги. Так бы и поступил на его месте рассудительный человек. Но Достоевский не был коммерсантом: он был безудержным человеком, «натура» которого, как писал Достоевский в это время А. Н. Майкову, «слишком страстная: везде-то и во всем я до последнего предела дохожу»[1] (а в «Братьях Карамазовых» Дмитрий Карамазов скажет Алеше: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил».).

Достоевский принадлежал к тем игрокам, которые могли бы сказать: «Величайшее из всех доступных наслаждений — выигрывать. Второе наслаждение — проигрывать». Когда Анна Григорьевна, напуганная отчаянным тоном письма после очередного проигрыша своего мужа, беспокоится о его здоровье, Достоевский отвечает: «Здоровье мое, несмотря на то, очень хорошо. Нервы расстроены, и я устаю (сидя-то на месте), но тем не менее я в хорошем *очень даже* состоянии. Состояние возбужденное, тревожное,— но моя натура иногда этого просит»[2].

Это очень важное признание: игра в рулетку становится самоцелью. Страсть к рулетке ради самой рулетки, игра ради ее сладостной муки объясняется характером, «натурой» писателя, склонного часто заглядывать в головокружительную бездну и бросать вызов судьбе,— недаром он так любил стихи Пушкина:

Все, все что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит

---

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.— С. 29.

[2] Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка.— С. 13.

Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!

Сам Достоевский отмечал, что его страсть к игре — это как бы желание бросать вызов судьбе.

За рулеткой Достоевский жил особым миром, иррациональным, где опровергались все логические законы возможности (часто случалось, что комбинации, которые должны были повторяться один раз в тысячу лет, повторялись через два-три дня), где царствуют другие, иррациональные законы: расположение номеров на зеленом сукне дает игроку почти неисчислимое количество возможных комбинаций (недаром молва приписывает изобретение рулетки гениальному французскому философу, писателю, математику и физику Блезу Паскалю, а Достоевского, всегда интересовавшегося его христианской философией, могло привлечь это сочетание в одном лице религиозного философа и изобретателя рулетки).

Рулетка была для Достоевского своего рода иррациональным противовесом его трагической жизни: ему пятый десяток, из них десять лет он был выброшен из жизни — каторга и ссылка,— он стоял на эшафоте, ожидая смерть; неудачным оказался первый брак, детей своих нет, кругом в долгах, больной. Но самое главное даже не в этом. Он полон гениальных творческих замыслов, но пока сумел только один из них осуществить — написал «Преступление и наказание» (а когда начинал играть в рулетку, еще и этого романа не было). Сумеет ли он воплотить остальные свои грандиозные замыслы?

Конечно, Анна Григорьевна мало разбиралась во всех иррациональных и мистических свойствах рулетки, но зато она быстро заметила, что после большого проигрыша Достоевский принимался за творческую работу и набрасывал страницу за страницей, разгадав тем самым эту «тайну» рулеточной лихорадки писателя...

Анна Григорьевна не ропщет, когда Достоевский закла-

дывает буквально все, даже обручальное кольцо и ее серьги.

Она не жалела ничего, ибо знала,

> Но лишь божественный глагол
> До слуха чуткого коснется,
> Душа поэта встрепенется,
> Как пробудившийся орел.

И тогда неукротимая тяга Достоевского к творчеству преодолеет все соблазны, сильнее разгорится очистительное пламя его совести — «как мне было за него больно, это ужасно, как он мучается»,— в котором переплавляется его внутренний мир.

Так и случилось, но прежде чем это произошло, Анне Григорьевне пришлось пройти через «муки адские». Но она никогда не жалуется на своего мужа (она и рулетку, как и эпилепсию, считала платой за гениальность), не жалуется на нее и он. В противоположность своему великому собрату Льву Толстому, Достоевский никакой тяжбы с женой на показ и соблазн миру не предъявил — предъявлять было нечего. Никакой тяжбы между Достоевским и Анной Григорьевной никогда не возникало: была лишь все понимающая и все прощающая любовь. Он мог быть и нежным и заботливым мужем и отцом, мог вникать во все мелочи семейного быта. Семейная жизнь стала органической частью его существования и как человека, и как писателя.

Правда, полное «срастание» произошло несколько позже, а пока, в первый год пребывания за границей, трудно было даже представить себе деликатность и изумительный такт, которые Анна Григорьевна не уставала проявлять по отношению к мужу (она, например, ревновала к Сусловой, но не показывала этого). Читать сейчас переписку Достоевского с женой, покаянные письма его, «трепещущие стыдом и страданием», и ее заграничный дневник 1867 года грустно — но ведь Анне Григорьевне пришлось все это пережить.

В Дрездене Достоевский оставляет Анну Григорьевну и уезжает в Гомбург, ближайший город, где была рулетка. В первом же письме он пишет жене: «...все думал о тебе и воображал: зачем я мою Анну покинул. *Все* тебя вспоминал, до последней складочки твоей души и твоего сердца, за все это время, с октября месяца начиная, и понял, что такого цельного, ясного, тихого, кроткого, прекрасного, невинного и в меня верующего ангела, как ты,— я не стою...»[1]

Анна Григорьевна действительно была для Достоевского ангелом-хранителем. И мудрость любящего сердца Анны Григорьевны и заключалась в том, что она, почти еще совсем ребенок, не только спасала и выручала Достоевского, но даже находила в себе силы утешать его после очередного проигрыша.

«Проиграл», «выиграл», «проиграл», «выиграл»,— в каждом письме сообщает ей Достоевский. А в конце концов — всегда «проиграл», всегда просьбы помочь, выручить, спасти. И Анна Григорьевна выручала. «Я никогда не упрекала мужа за проигрыш, никогда не ссорилась с ним по этому поводу (муж очень ценил это свойство моего характера) и без ропота отдавала ему наши последние деньги»[2].

Немного женщин могло бы пойти на такое самопожертвование или вести себя неизменно кротко и безответно, получая от мужа такие, например, письма: «Аня, милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом. Я сделал преступление, я все проиграл, что ты мне прислала, все, все до последнего крейцера, вчера же получил и вчера проиграл!..»[3]; «Аня, милая, я хуже, чем скот! Вчера к 10 часам вечера был в чистом выигрыше

---

[1] Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка.— С. 10.

[2] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 173.

[3] Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка.— С. 21.

1300 фр. Сегодня — ни копейки. Все! Все проиграл!»[1]; «Аня, милая, бесценная моя, я все проиграл, все, все! О, ангел мой... теперь... не буду более тебя обкрадывать, как скверный, гнусный вор!..»[2]; «Милый мой ангел Нютя, я все проиграл, как приехал, в полчаса все и проиграл... Прости, Аня, я тебе жизнь отравил!..»[3]

Это тяжелые и все же прекрасные письма, полные отчаяния и нежности. В этих письмах — весь Достоевский, со всей своей огромной, измученной и любящей душой.

Как Сонечка Мармеладова в конце концов «победила» своим смирением и кротостью Раскольникова, так и Анна Григорьевна своим непротивлением сумела излечить Достоевского от его страсти. В последний раз он играл в 1871 году, перед возвращением в Россию, в Висбадене. Двадцать восьмого апреля 1871 года Достоевский пишет Анне Григорьевне из Висбадена в Дрезден: «Надо мной великое дело совершилось, исчезла гнусная фантазия, *мучившая* меня почти 10 лет. Десять лет (или, лучше, с смерти брата, когда я был вдруг подавлен долгами) я все мечтал выиграть. Мечтал серьезно, страстно. Теперь же все кончено! Это был *вполне* последний раз. Веришь ли ты тому, Аня, что у меня теперь руки развязаны; я был связан игрой, и теперь буду об деле думать и не мечтать по целым ночам об игре, как бывало это. А стало быть, *дело* лучше и скорее пойдет, и бог благословит! Аня, сохрани мне свое сердце, не возненавидь меня и не разлюби. Теперь, когда я так обновлен — пойдем вместе, и я сделаю, что будешь счастлива!»[4]

Клятву свою Достоевский сдержал: он действительно навсегда оставил рулетку (хотя впоследствии он четыре раза ездил один для лечения за границу) и действительно

---

[1] Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка.— С. 25.

[2] Там же.— С. 27.

[3] Там же.— С. 29.

[4] Там же.— С. 40.

сделал Анну Григорьевну счастливой. Достоевский прекрасно понимал, что своим освобождением от власти рулетки он обязан прежде всего Анне Григорьевне, ее великодушному терпению, всепрощению, мужеству и благородству: «Всю жизнь вспоминать это буду и каждый раз тебя, ангела моего, благословлять,— писал Достоевский Анне Григорьевне.— Нет, уже теперь твой, твой нераздельно, весь твой. А до сих пор *наполовину* этой проклятой фантазии *принадлежал*»[1].

Но Анна Григорьевна не случайно почувствовала, что рулетка стимулирует литературную работу писателя. Достоевский сам тесно связывал свои творческие импульсы с «проклятой фантазией». В письме из Bains-Saxon, извещая жену об очередном проигрыше, Достоевский благодарит это несчастье, так как оно невольно натолкнуло его на одну спасительную мысль: «...давеча мне хоть и мерещилось, но я все-таки окончательно еще не выяснил себе эту превосходную мысль, которая мне пришла теперь! Она пришла мне уже в девять часов или около, когда я проигрался и пошел бродить по аллее (точно так же, как и в Висбадене было, когда я тоже после проигрыша выдумал *Преступление и наказание* и подумал завязать сношения с Катковым...)»[2].

Так рождался роман «Идиот», напряженную работу над которым Достоевский не случайно связывал с «мономанией», игрой — «рискнул, как на рулетке». Эта страсть и ужас нищеты не мешали полнокровной духовной работе писателя, созданию «Идиота». В январе 1868 года Достоевский пишет своей племяннице С. А. Ивановой: «Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение *поло-*

---

[1] Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка.— С. 41.

[2] Там же.— С. 35.

жительно прекрасного — всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался... Упомяну только, что из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон-Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон. Пиквик Диккенса (бесконечно слабейшая мысль, чем Дон-Кихот; но все-таки огромная) тоже смешон и тем только и берет. Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному — а стало быть, является симпатия и в читателе. Это возбуждение сострадания и есть тайна юмора. Жан Вальжен тоже сильная попытка,— но он возбуждает симпатию, по ужасному своему несчастию и несправедливости к нему общества. У меня ничего нет подобного, ничего решительно, и потому боюсь страшно, что будет положительная неудача...»[1]

Изматывающая игра на рулетке содействовала процессу «срастания» Достоевского и Анны Григорьевны, и в письмах последующих лет Достоевский будет повторять, что чувствует себя «приклеенным» к семье и не может переносить даже короткой разлуки. Однако окончательное срастание произошло после страшного горя: в мае 1868 года в Женеве, после простуды, скончался в трехмесячном возрасте первый ребенок Достоевских — дочь Соня.

Появление на свет дочери открыло писателю сферу чувств и мыслей, до тех пор ему неведомых. Он испытал самую большую радость в жизни — рождение ребенка. Его мечта исполнилась — он стал отцом. С первого дня всем своим сердцем, всей своей душой Достоевский полюбил Соню не как будущее человеческое существо, а как равный равного, как взрослого человека. Он не боялся быть смешным в своей трогательной привязанности: целыми днями он занимался своей дочерью, сам пеленал ее, уверял, что она уже его узнает, что у нее есть свой собственный характер.

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.— С. 71.

Смерть дочери привела Достоевского в отчаяние. «Соня моя умерла, три дня тому назад похоронили,— изливает свое горе Достоевский в письме к А. Н. Майкову.— ...Ох, Аполлон Николаевич, пусть, пусть смешна была моя любовь к моему первому дитяти, пусть я смешно выражался об ней во многих письмах моих многим, поздравлявшим меня. Смешон для них был только один я, но Вам, Вам я не боюсь писать. Это маленькое трехмесячное создание, такое бедное, такое крошечное — для меня было уже лицо и характер. Она начинала меня знать, любить и улыбалась, когда я подходил. Когда я своим смешным голосом пел ей песни, она любила их слушать. Она не плакала и не морщилась, когда я ее целовал; она останавливалась плакать, когда я подходил. И вот теперь мне говорят в утешение, что у меня еще будут дети. А Соня где? Где эта маленькая личность, за которую я, смело говорю, крестную муку приму, только чтоб она была жива?»[1]

Анна Григорьевна, сама в страшном горе, снова успокаивает Достоевского. Но он безутешен. Человеческая душа дороже всей вселенной, никакая «мировая гармония» не может вознаградить за потерю одной, пусть даже самой маленькой личности, никакой «земной рай» не успокоит сердце отца, у которого умер младенец. Достоевский, думая о страданиях человека, о его назначении и судьбе, ведет процесс с богом. Он ничего не желает уступать богу. И, кажется, нет в истории такого пламенного адвоката человека, каким был Достоевский. Из личного горя писателя вырастает бунт Ивана Карамазова: «мировая гармония» не стоит смерти ребенка. Лицо трехмесячной дочери Сони — единственное, неповторимое и вечное. И ее смерть поставила с потрясающей силой перед Достоевским-отцом вопрос о воскресении дочери, а перед Достоевским-писателем с такой же силой — о воскресении души Настасьи Филипповны. Грандиозный финал романа «Идиот» писался уже после смерти Сони, и гибель Настасьи Филипповны —

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— С. 116—117.

это смерть лишь ее тела, и чем поразительнее распад ее праха, тем лучезарнее чудо грядущего воскресения, тем сильнее победа ее бессмертного духа (по аналогии с картиной Ханса Хольбейна Младшего «Мертвый Христос», висящей в доме Рогожина).

«А Соня где?» «У нас же было много счастья, но было и ужасное горе, т. е. смерть Сони,— писала Анна Григорьевна в сентябре 1868 года младшему брату писателя, Н. М. Достоевскому.— Ведь вы знаете, что у нас была маленькая дочка, Соня, милая, хорошенькая девочка, как две капли воды похожая на Федора Михайловича. Я всегда думала, что если мы приедем в Россию, то вы непременно полюбили бы ее, а она бы, наверно, вас тоже любила, вы ведь такой добрый и простой человек. Как мы были счастливы в эти три месяца, пока у нас жила Соня; это была такая полная жизнь, что я ничего не желала больше. Какая милая, тихая девочка была моя Соня; она нас уже узнавала, смеялась нам и ужасно любила, когда Федор Михайлович ей пел. Федор Михайлович любил ее больше всего на свете и говорил, что никогда он еще не был так счастлив, как при Соне. Бедный, он так теперь горюет, что и сказать нельзя, и только тем себя утешает, что у нас другая будет...»[1]

Четырнадцатого сентября 1869 года в Дрездене у них родилась вторая дочь, Любовь. Приглашая А. Н. Майкова в крестные отцы, Достоевский писал: «Три дня тому (14 сентября) родилась у меня дочь, Любовь. Все обошлось превосходно, и ребенок большой, здоровый и красавица»[2]. Анна Григорьевна добавляет: «Конечно, только глаза влюбленного и восторженного отца могли в розовом комочке увидать «красавицу». С появлением на свет ребенка счастье снова засияло в нашей семье. Федор Ми-

[1] Достоевский в неизданной переписке современников (1837—1881) /Ст., публикация и коммент. Л. Р. Ланского//Лит. наследство.— Т. 86.— М., 1973.— С. 412.

[2] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.— С. 211.

хайлович был необыкновенно нежен к своей дочке, возился с нею, сам купал, носил на руках, убаюкивал и чувствовал себя настолько счастливым, что писал Н. Н. Страхову: «Ах, зачем вы не женаты, и зачем у вас нет ребенка, многоуважаемый Николай Николаевич. Клянусь вам, что в этом 3/4 счастья жизненного, а в остальном разве одна четверть»[1].

Но бессмысленная смерть Сони продолжает волновать Достоевского. И хотя сюжет следующего произведения писателя, «Бесов», начатых за границей, тесно связан с конкретным фактом — убийством «нечаевцами» под Москвой 21 ноября 1869 года слушателя Петровской сельскохозяйственной академии, члена тайного общества «Народная расправа» И. Иванова,— можно предположить, что смерть И. Иванова, как и смерть Сони, приводила Достоевского к одной и той же мысли: неизбежны ли жертвы в историческом прогрессе? За что они оба приняли такую нелепую смерть?

Кроме «Идиота» и «Бесов», он пишет за границей повесть «Вечный муж», статью «О Белинском» и задумывает целый ряд произведений, в том числе грандиозный роман под названием «Житие великого грешника», и это все в условиях полного безденежья. «Как могу я писать,— спрашивает Достоевский,— когда я голоден, когда я, чтоб достать два талера на телеграмму, штаны заложил! Да чорт со мной и с моим голодом! Но ведь она кормит ребенка, что ж если она последнюю свою теплую, шерстяную юбку идет *сама* закладывать! А ведь у нас второй день снег идет (не вру, справьтесь в газетах!), ведь она простудиться может!.. И после того у меня требуют художественности, чистоты поэзии, без напряжения, без угару и указывают на Тургенева, Гончарова! Пусть посмотрят, в каком положении я работаю!»[2]

[1] Достоевска А. Г. Воспоминания.— С. 197—198.
[2] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.— С. 219—220.

...Он любит слушать симфонии Бетховена, благоговейно смотреть в Дрезденской галерее на «Сикстинскую Мадонну» Рафаэля; в этой же галерее его таинственно притягивает пейзаж французского художника Клода Лоррена (1600—1682) «Асис и Галатея»: фантастический ландшафт, озаренный лучами заходящего солнца, связывается в его творческом воображении с мечтой о «золотом веке», и впоследствии Ставрогин в «Бесах» («Исповедь Ставрогина»), Версилов в «Подростке» (рассказ о первых днях европейского человечества) и «смешной человек» («Сон смешного человека» в «Дневнике писателя» за 1877 год) будут говорить об этом ландшафте как о символе земного рая.

Анна Григорьевна понимала, что если он надолго задерживается перед какой-нибудь картиной — ему не нужно мешать: значит, она его волнует и так или иначе найдет отражение в его творчестве. И Достоевский очень ценил эту чуткость и деликатность своей молодой супруги. Прекрасные черты ее характера нашли отражение в образах трех дочерей генерала Епанчина в романе «Идиот» — Александры, Аделаиды и Аглаи (заметим: все три имени начинаются на букву «А»).

Но благодаря Достоевскому и Анна Григорьевна приобщилась к высокой сфере искусства, и воздействие европейской культуры на ее эстетические взгляды несомненно. В первом письме Анне Григорьевне с гомбургской рулетки 17 мая 1867 года Достоевский утверждал: «Мне бог тебя вручил, чтоб ничего из зачатков и богатств твоей души и твоего сердца не пропало, а напротив, чтоб богато и роскошно взросло и расцвело; дал мне тебя, чтоб я свои грехи огромные тобою искупил, представил тебя богу развитой, целенаправленной, сохраненной, спасенной от всего, что низко и дух мертвит...»[1]

---

[1] Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка.— С. 10.

Дочь писателя свидетельствует, что, женившись на Анне Григорьевне, «он очень заботился об ее моральном развитии. Он следил за ее чтением, воспрещал ей чтение любовных романов, водил ее по музеям, показывал ей хорошие картины, знаменитые скульптуры и пытался пробудить в ее юной душе любовь ко всему великому, чистому и благородному»[1].

Анна Григорьевна вспоминает, например, когда они приехали в Москву просить аванс у Каткова, то, «проезжая мимо церкви Успения божией матери (что на Покровке), Федор Михайлович сказал, что в следующий раз мы выйдем из саней и отойдем на некоторое расстояние, чтобы рассмотреть церковь во всей ее красе. Федор Михайлович чрезвычайно ценил архитектуру этой церкви и, бывая в Москве, непременно ехал на нее взглянуть. Дня через два, проезжая мимо, мы осмотрели ее снаружи и побывали внутри»[2].

Достоевский высоко ценил «восприимчивую деятельную натуру» Анны Григорьевны, ее яркую человеческую индивидуальность, природную одаренность, знание языков, вкус к путешествиям и желание «смотреть и учиться».

За четыре заграничных года Неточка Сниткина превратилась не просто в «ангела-хранителя» своего мужа, но и сумела, читая романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», в полной мере оценить его гениальность,— и это тем более важно, если учесть, что безоговорочное признание у себя на родине Достоевский получил уже после смерти.

Влияние писателя на нравственные и эстетические взгляды и вкусы жены бесспорно. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют ответы Анны Григорьевны в 1889 году на анкету петербургских журналистов под на-

---

[1] Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении его дочери.— С. 57.

[2] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 129.

званием «Мое признание»: «Какую цель преследуете вы в жизни?» — «Распространение сочинений моего мужа».— «К какому народу желали бы вы принадлежать?» — «Несомненно, к русскому».— «Ваше любимое занятие?» — «Издавать книги».— «Какое историческое событие вызывает у вас наибольшее сочувствие?» — «Освобождение крестьян».— «Ваш любимый писатель?» — «Достоевский».— «Ваш любимый поэт?» — «Лермонтов».— «Ваш любимый герой в романах?» — «Князь Мышкин в «Идиоте».— «Ваша любимая героиня в романах?» — «Наташа в «Войне и мире».— «Ваше любимое стихотворение?» — «Пророк» Пушкина».— «Ваш любимый художник?» — «Тициан».— «Ваша любимая картина?» — «Христос с монетой».— «Ваш любимый композитор?» — «Глинка».— «Ваше любимое музыкальное произведение?» — «Руслан и Людмила»[1].

Достоевский, как в России, так и за границей, писал обычно ночью, вставал в одиннадцать часов утра и в два часа встречался с женой в картинных галереях или в музеях; затем они обедали в ресторане, гуляли в парке и слушали музыку, в девять часов вечера возвращались домой, пили чай, и Федор Михайлович садился за работу, а Анна Григорьевна, прежде чем лечь спать, заносила в дневник непонятными для мужа стенографическими знаками свои впечатления о прошедшем дне, а зачастую стенографировала и переписывала его новые тексты.

Достоевский все больше привыкает к своей молодой жене, все больше узнает богатство ее натуры и замечательные черты ее характера, а Анна Григорьевна, даже после очередного проигрыша мужа, записывает: «Мне в это время представляется, что я бесконечно счастлива, что вышла за него замуж, и что это-то, вероятно, мне и сле-

---

[1] Белов С. В. Вокруг Достоевского//Новый мир.— 1985.— № 1.— С. 197.

дует за наказание. Федя, прощаясь, говорил мне, что любит меня бесконечно, что если б сказали, что ему отрубят за меня голову, то он сейчас бы позволил,— так он меня сильно любит, что он никогда не забудет моего доброго отношения в эти минуты»[1].

Анна Григорьевна всю жизнь считала своего мужа милым, простым и наивным человеком, с которым надо обращаться, как с ребенком. А Достоевский именно в этом видел проявление настоящей любви и писал из Германии ее матери, Анне Николаевне Сниткиной: «Аня меня любит, а я никогда в жизни еще не был так счастлив, как с нею. Она кротка, добра, умна, верит в меня, и до того заставила меня привязаться к себе любовью, что, кажется, я бы теперь без нее умер»[2].

Даже в самые мрачные дни, когда он возвращался, проигравшись в пух и прах, она быстро развеивала его прескверное настроение шутками и смехом, а он, тронутый тем, что она и виду не подает, как ей тяжело, приносил ей на оставшиеся два талера цветы или покупал пирожное к чаю, и она была так счастлива этими знаками внимания, как если бы он подарил ей целый ботанический сад или кондитерскую.

За границей у них практически не было ни друзей, ни знакомых, и одиночество, которое ему было так необходимо для творческой работы, нисколько не мешало Анне Григорьевне, и это тоже было новым для него, ибо Мария Дмитриевна и Аполлинария больше стремились к обществу. «Я боялся, что Анна Григорьевна соскучится вдвоем со мною,— писал Достоевский Майкову из Женевы.— А ведь мы действительно до сих пор только *одни* вдвоем... Анна Григорьевна оказалась и сильнее и лучше, чем я думал...»[3]

Но хотя Анна Григорьевна все в своем муже принима-

---

[1] Достоевская А. Г. Дневник 1867 г.— С. 225.
[2] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.— С. 24.
[3] Там же.— С. 26.

ла безропотно (и это его почти всегда обезоруживало), признавала его безграничный авторитет буквально во всем, начиная с купания собственного ребенка и кончая оценкой «Сикстинской Мадонны» Рафаэля,— она никогда ему слепо не подчинялась, и Достоевский уже неоднократно смог убедиться в волевом и решительном характере своей жены и понять, что в трудную минуту он всегда может на нее положиться.

Через полвека после совместного пребывания за границей с Достоевским, когда Анна Григорьевна стала писать свои воспоминания, она нашла абсолютно точное объяснение своему счастливому браку: «Мы с мужем представляли собой людей «совсем другой конструкции, другого склада, других воззрений», но «всегда оставались собою», нимало не вторя и не подделываясь друг к другу, и не впутывались своею душою — я — в его психологию, он — в мою, и таким образом мой добрый муж и я — мы оба чувствовали себя свободными душой. Федор Михайлович, так много и одиноко мысливший о глубоких вопросах человеческой души, вероятно, ценил это мое невмешательство в его душевную и умственную жизнь, а потому иногда говорил мне: «Ты единственная из женщин, которая поняла меня!» (то есть то, что для него было важнее всего). Его отношения ко мне всегда составляли какую-то «твердую стену, о которую (он чувствовал это), что он может на нее опереться или, вернее, к ней прислониться. И она не уронит и согреет»[1].

За границей раскрылись лучшие черты их характера, и взаимная привязанность превратилась в сильное и постоянно крепнувшее чувство.

Но было еще одно очень важное обстоятельство, сроднившее их во время затянувшегося вынужденного пребывания в Европе — это жгучая тоска по России. И Анна Григорьевна, и Достоевский одинаково страстно мечтали о ро-

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 412.

дине. Оба поняли, что русский человек, а тем более русский писатель, не может жить вне России. «Ах, Аполлон Николаевич, как нам хочется воротиться в Россию,— жаловалась Анна Григорьевна в письме Майкову из Дрездена 29/17 октября 1870 года,— какая ужасная тоска здесь... Как мне наскучили эти вечные переезды, неименье своего, постоянного угла. А еще находятся люди, которые тоскуют, что не могут век жить за границей; я здесь встречала таких. Когда мне удастся, наконец, воротиться домой и устроиться, тогда, мне кажется, меня никакими калачами, никакими заграницами из России не выманишь. Но пока возвращение — прекрасная мечта, которая неизвестно когда осуществится. Наши кредиторы непременно засадят Федора Михайловича в долговое. Вот если бы они согласились меня посадить вместо Федора Михайловича, то я бы ни минуты здесь более не осталась. Вся надежда на работу Ф<едора> М<ихайловича>, а тут в последнее время у него начались довольно частые и сильные припадки, что очень останавливает работу. Мы живем очень дружно и счастливо, и я считала бы себя счастливее всех в мире, если б не эта вечная тоска по России... Пишите почаще, Вы не знаете, что значит получить письмо с родины; мы оживаем, читая Ваши письма»[1].

«Без родины страдание, ей богу! — писал Достоевский Майкову из Женевы. — ...А мне Россия нужна, для моего *писания* и труда нужна...»[2]

Они давно собирались вернуться, но мешали самые разные причины: то рождение детей, то полное безденежье, то боязнь кредиторов в России. Но когда Достоевский начал говорить о «гибели своего таланта» вдали от родины, то Анна Григорьевна, для которой, как мы знаем, не было ничего дороже его художнического дара, решила, что надо немедленно возвращаться в Петербург...

---

[1] Достоевский в неизданной переписке современников (1837—1881).— С. 416—417.

[2] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.— С. 25.

Анне Григорьевне мы обязаны тем, что сохранились записные книжки к произведениям «Идиот», «Бесы» и «Вечный муж». Получив за границей анонимное письмо, где сообщалось, что его подозревают в сношениях с революционерами и будут тщательно обыскивать при возвращении в Россию, Достоевский в июне 1871 года, перед отъездом из Дрездена на родину, сжег рукописи «Вечного мужа», «Идиота» и «ту часть романа «Бесы», которая представляла собою оригинальный вариант этого тенденциозного произведения»[1]. Анна Григорьевна передала эти записные книжки своей матери, ехавшей после них, и та тайно провезла их в Россию (еще раньше Анна Григорьевна спасла записные книжки к «Преступлению и наказанию», оставив их перед отъездом за границей на хранение своим родным)...

Анна Григорьевна и Федор Михайлович собирались провести в Европе три месяца, а вернулись через четыре с лишним года.

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 207.

СЧАСТЛИВЫЙ БРАК

8 июля 1871 года Достоевские возвратились в Петербург. Они поселяются снова в тех же местах, где обрели личное счастье. Через восемь дней после приезда у них родился сын Федор.

Анна Григорьевна не обманула доверия уже утомленного жизнью писателя — была преданной, терпеливой и умной матерью его детей, самоотверженной помощницей и глубочайшей почитательницей его таланта. Человек деловой, практический, она была полной противоположностью детски наивному в денежных делах Федору Михайловичу. Она не только героически оберегала мужа от неприятностей, но и решалась на активную борьбу со множеством подчас жуликоватых кредиторов-вымогателей.

Освобождая мужа от тяжести денежных забот, она спасала его для творчества, и если принять во внимание, что на время их брака приходятся все великие романы и «Дневник писателя», то есть значительно больше половины написанного Достоевским за всю жизнь, то вряд ли можно переоценить ее заслуги. Важно и другое: через руки Анны Григорьевны — стенографистки и переписчицы — прошли «Игрок», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы», «Дневник писателя» со знаменитой Пушкинской речью.

Анна Григорьевна была безмерно счастлива тем, что свой последний роман «Братья Карамазовы» Достоевский посвятил ей. В этом — документальное, для всего мира, признание ее огромного труда...

Но все это было еще впереди.

Они вернулись в Петербург в жаркий июльский день 1871 года. После четырехлетнего скитания по Европе оба

они изменились. Достоевский совершенно излечился от рулеточной мании, и Анна Григорьевна оказалась победительницей в борьбе за его творческий гений, в борьбе за своего мужа и отца своих детей. Победа Анны Григорьевны означала прежде всего тот факт, что творческий дар Достоевского уже больше не нуждался в иррациональном вызове судьбе, в «упоении в бою и бездны мрачной на краю», и, как показал последний роман «Братья Карамазовы» — «могучие итоги титанического мастера» — художественный талант писателя не только не пострадал от этого, а, наоборот, достиг своего апогея.

Вероятно, Анна Григорьевна именно так и понимала свою победу, когда с благодарностью вспоминала эти четыре года: «Да будут благословенны те прекрасные годы, которые мне довелось прожить за границей, почти наедине с этим удивительным по своим высоким душевным качествам человеком!»[1]

Она считала, что за границей ей удалось смягчить раздражительность и нервность мужа, — во всяком случае, по отзывам современников, после возвращения он все чаще стал говорить о смирении и кротости.

Но и Анна Григорьевна стала совсем другой. Это была уже не молоденькая девушка, беспомощная, всего боящаяся, плачущая от малейшей обиды, а волевая и решительная женщина, мать своих детей, познавшая жизнь. Четыре года за границей — это суровое и прекрасное время — бесконечно сблизили их, и теперь уже Анна Григорьевна спокойно возвращалась в Петербург: больше она не боялась ни родственников, ни кредиторов, она была уверена, что уже никто не отнимет у нее Достоевского, да и не даст она никому это сделать...

Она знала, конечно, что в России ее ждут новые трудности,— но разве они могли сравниться с тем, что ей пришлось пережить за границей? И когда Достоевский сказал

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 209—210.

Анне Григорьевне: «Что ж, Анечка, ведь мы счастливо прожили эти четыре года за границей, несмотря на то, что подчас было трудновато. Что-то даст нам петербургская жизнь? Все перед нами в тумане... Предвижу много тяжелого, много затруднений и беспокойств, прежде чем станем на ноги»,— то она ответила: «Главное, наша давнишняя мечта исполнилась, и мы с тобою опять на родине»[1].

Однако первые дни в России действительно оказались нелегкими. Анна Григорьевна надеялась уплатить часть самых неотложных долгов брата Федора Михайловича, продав дом, предназначенный ей матерью в приданое. Оказалось, что, пока она жила за границей, какие-то темные личности, пользуясь отсутствием домовладелицы, пустили этот дом с аукциона. Мебель и вещи, оставленные на хранение друзьям и знакомым, тоже пропали. Анна Григорьевна и Федор Михайлович вынуждены были ютиться в меблированных комнатах.

Но больше всего их огорчала потеря ценной библиотеки писателя. Пасынок, Павел Александрович, просил оставить ему книги, уверяя, что хочет заняться самообразованием, а сам распродал их. И вообще Павел Александрович почти не изменился, хотя и успел жениться. Когда Анна Григорьевна стала искать квартиру (не век же обретаться в меблированных комнатах, да еще с грудным младенцем), Павел Александрович вдруг заявил, что будет жить с женой вместе с семьей «отца». Но Анна Григорьевна категорически отказалась, а Федор Михайлович, в ответ на жалобу пасынка, заявил, что «все хозяйство предоставил жене, как она решила, так и будет»[2].

Такую же твердость Анна Григорьевна проявила в отношениях с кредиторами, которые, узнав о возвращении писателя, налетели буквально как волчья стая. А положе-

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 212.
[2] Там же.

ние было действительно отчаянное: как четыре года назад, так и сейчас Достоевскому снова грозила долговая тюрьма — «Тарасов дом». Но тогда они, по существу, сбежали от кредиторов за границу, а теперь прямо попали к ним в лапы, не имея к тому же впереди никаких источников дохода, кроме остатка гонорара за публикацию в «Русском вестнике» романа «Бесы».

Именно в этот трагический момент, как и четыре года назад, Анна Григорьевна проявила ту решительность и волю, которые, очевидно, всегда были в ее характере, но выявлялись только в самые критические минуты жизни. А это и были как раз такие минуты.

Как верный рыцарь, встала Анна Григорьевна на страже литературного труда Достоевского и, совершенно отстранив его от всяких переговоров и встреч с кредиторами, взяла на себя, кроме хозяйства, и все финансовые дела. И к каким только ухищрениям не прибегала Анна Григорьевна, чтобы вовремя заплатить те или иные долги Михаила Михайловича Достоевского, да еще сделать это так, чтобы об этом не узнал Федор Михайлович. «Горькое чувство подымается во мне,— признается Анна Григорьевна,— когда вспоминаю, как испортили мою личную жизнь эти чужие долги, долги человека, которого я никогда в жизни не видала, к тому же долги фиктивные по векселям, взятым у мужа обманом недобросовестными людьми. Вся моя тогдашняя жизнь была омрачена постоянными размышлениями о том, где к такому-то числу достать столько-то денег; где и за сколько заложить такую-то вещь; как сделать, чтобы Федор Михайлович не узнал о посещении кредитора или об закладе какой-нибудь вещи. На это ушла моя молодость, пострадало здоровье и расстроились нервы»[1].

Именно в борьбе за более или менее сносные условия творческого труда Достоевского в Анне Григорьевне и

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 222—223.

сформировался тот самый практицизм, который позже дал возможность некоторым ее современникам, не понимавшим его благородные истоки и цели, говорить о нем со знаком минус.

Но вот что вспоминает из бесед с Анной Григорьевной врач З. С. Ковригина, хорошо знавшая ее в последние десять месяцев ее жизни: «Затем после переезда в Россию началась еще более напряженная трудовая жизнь. По ее словам, она работала по 14 часов в сутки. Нужно было содержать семью и, главное, расплачиваться с долгами. Приходилось во всем себе отказывать, чтобы по возможности удовлетворить кредиторов. Вспоминая этот период жизни, Анна Григорьевна указывала, что именно в это время развились в ней те деловые качества, о которых так много говорилось окружающими ее людьми. Она не раз подчеркивала, что она не практический человек, внешние условия жизни для нее никогда значения не имели, но что она должна была избавить Федора Михайловича от материальных забот — взяла их на себя и всю жизнь стойко несла их. Привыкла к ним. Таким образом и выработалась в ней «практичность». Федор Михайлович был человеком крайне не расчетливым: «кому-нибудь нужно было рассчитывать, и Анна Григорьевна рассчитывала», оберегая мужа и детей от той нищеты, которая угрожала им»[1].

Александр Егорович Врангель, приехавший в конце 1870-х годов в Петербург узнать, как живет писатель, радуется, «что благодаря своей достойной супруге, ее попечению и горячей заботливости о нем, он, наконец, нашел покой и ни в чем не нуждался»[2].

Метранпаж Михаил Александрович Александров, работавший в петербургской типографии А. И. Траншеля на

---

[1] Ковригина З. С. Последние месяцы жизни А. Г. Достоевской. — С. 584—585.

[2] Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854—1856 гг. — С. 219.

Стремянной, 12, где в 1873—1874 годах печатался выходивший под редакцией Достоевского журнал «Гражданин», а в 1876—1877 годах — в типографии князя В. В. Оболенского, где издавался «Дневник писателя» Достоевского, часто бывал в это время в его семье. «Вообще Анна Григорьевна умело и с любящею внимательностью берегла хрупкое здоровье своего мужа,— вспоминал М. А. Александров,— держа его, по ее собственному выражению, постоянно *«в хлопочках»*, как малое дитя, а в обращении с ним проявляла мягкую уступчивость, соединенную с большим, просвещенным тактом, и я с уверенностью могу сказать, что Федор Михайлович и его семья, а равно и многочисленные почитатели его обязаны Анне Григорьевне несколькими годами его жизни»[1].

Историк литературы Александр Петрович Милюков, посоветовавший Достоевскому диктовать «Игрока» стенографистке и, таким образом, явившийся непосредственным «виновником» второго брака писателя, свидетельствует: «Этот второй брак Достоевского был вполне счастлив, и он приобрел в Анне Григорьевне и любящую жену, и практическую хозяйку дома, и умную ценительницу своего таланта. Если Федор Михайлович, при своей житейской непрактичности, успел выплатить более 25 000 своих и братниных долгов, то это могло сделаться только при распорядительности и энергии его жены, которая умела и вести дела с кредиторами, и поддерживать мужа в тяжелые дни»[2].

О несгибаемом мужестве, с которым Анна Григорьевна, как заботливая мать, отваживала от Достоевского наиболее нечистоплотных кредиторов, можно судить по ее разговору с одним из них, неким немцем Гинтерлахом, грозившим засадить писателя в долговую тюрьму: «Встретил он меня высокомерно и объявил:

---

[1] Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников.— Т. 1.— М., 1964.— С. 246.

[2] Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства.— Спб., 1890.— С. 237.

— Или деньги на стол, или через неделю ваше имущество будет описано и продано с публичного торга, а ваш муж посажен в Тарасов дом.

— Наша квартира нанята на мое имя, а не на имя Федора Михайловича,— хладнокровно ответила я,— мебель же взята в долг, с рассрочкой платежа, и до окончательной уплаты принадлежит торговцу мебели, а поэтому описать ее нельзя,— и в виде доказательств я показала ему квартирную книжку и копию условия с мебельщиком.

— Что же касается вашей угрозы насчет долгового отделения,— продолжала я,— то я предупреждаю вас, что если это случится, то я буду умолять моего мужа остаться там до истечения срока вашего долга. Сама я поселюсь вблизи, буду с детьми навещать его и помогать ему в работе. И вы таким образом не получите ни единого гроша, да сверх того принуждены будете платить «кормовые». Даю вам честное слово, что вы за свою неуступчивость будете наказаны»[1].

Анна Григорьевна действительно стала деловым и практическим человеком, но только ради того, чтобы продлить творческую жизнь своему мужу. Вот куда был направлен весь практицизм и вся деловитость Анны Григорьевны! И если в результате этой деловитости и практицизма ей удалось к концу жизни писателя избавить его, наконец, от всех долгов и он смог спокойно создавать «Братья Карамазовы», то мы должны за это низко поклониться его жене.

Уж если в чем-то нужно непременно упрекать Анну Григорьевну (а у нас почему-то принято обязательно упрекать в чем-нибудь деятелей прошлого — благо они сами возразить уже не могут), то, как это ни парадоксально звучит, упрекать ее надо как раз в том, что, видно, все же недостаточно у нее было этой самой практичности и деловитости, а то бы прожил Достоевский еще несколько лет

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 218.

и написал бы еще два тома «Братьев Карамазовых» — он успел закончить только два тома, а задумал четыре.

Прав был первый биограф Анны Григорьевны, один из родоначальников советского «достоевсковедения», Леонид Петрович Гроссман, когда отмечал: «Если в результате ее житейской рассудительности для нас спасены хотя бы только несколько глав «Карамазовых» или «Бесов», которые могли бы при иных условиях никогда не увидеть света, то думается, что их переписчица заслуживает полного оправдания за свое умение наладить сносный жизненный режим своему мужу. Да, конечно, Анна Григорьевна упорно и настойчиво вела свои счетоводные книги, покупала бумагу, бегала по типографиям, спорила с кредиторами, вела переговоры с издателями и книгопродавцами, стенографировала, переписывала, объявляла подписки, подводила балансы, становилась сама издателем, книгопродавцем, бухгалтером и даже простым писцом при творческой работе своего мужа. Это может показаться смешным и некрасивым, и это, в сущности, глубоко трогательно, как всякий незаметный, неэффектный и повседневный жизненный подвиг... И Анна Григорьевна делала, что могла и умела, в том храме мысли, в который привела ее судьба. Она не ломала своей натуры, действовала, боролась, устраивала дела своего мужа и в результате служила великому творческому духу, горевшему в нем. Поблагодарим же ее за это и запомним с признательностью ее имя в летописях нашей духовной культуры»[1].

Л. П. Гроссман не прав только в одном: ничего «смешного и некрасивого» в многочисленных обязанностях Анны Григорьевны как жены писателя не было и ни в каком оправдании она, конечно, не нуждалась, ибо ее уже давно «оправдал» сам Достоевский. Достоевский, и только Достоевский, был для нее единственным и высшим судьей, хо-

---

[1] Гроссман Л. П. А. Г. Достоевская и ее «Воспоминания» //Достоевская А. Г. Воспоминания.— М.; Л., 1925.— С. 13—14.

тя, естественно, она очень ценила любые другие свидетельства своей заботы о писателе. Когда метранпаж М. А. Александров закончил в конце 1880-х годов свои мемуары «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872—1881 годах», то прежде чем напечатать, он послал их на отзыв Анне Григорьевне. Одобрив рукопись, вдова Достоевского особо отметила, что М. А. Александров «чрезвычайно метко схватил все характерные черты покойного Федора Михайловича и обрисовал его таким, каким он был в домашней, повседневной жизни. Эта сторона мало кому известна, кроме близких к нему людей...»[1].

Правдивость в изображении Достоевского в «домашней, повседневной жизни» в воспоминаниях М. А. Александрова в значительной степени была связана с теми страницами этих мемуаров, где речь шла и о жене писателя — Анне Григорьевне Достоевской. Вот что пишет, например, М. А. Александров о припадках эпилепсии Достоевского: «Я никогда не видел этих припадков, но мне рассказывала о них Анна Григорьевна. Она говорила, между прочим, что обыкновенно Федор Михайлович за несколько дней предчувствовал приближение их. При появлении известных предвестников принимались всевозможные предосторожности: так, между прочим, Федор Михайлович несколько дней не выходил из дома; днем домашние, то есть главным образом Анна Григорьевна, следили за ним, а на ночь возле его постели на диване стлалась другая постель на полу, на случай припадка во время сна. Благодаря этим предосторожностям, опасные последствия припадков предупреждались и тем самым смягчались, иначе легко могло случиться, что Федор Михайлович мог в припадке упасть на улице и разбиться о камни. При всем том эти припадки так измучивали и обессиливали Федора Михайловича, что он потом оправлялся от каждого из них

---

[1] Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников.— Т. 2.— С. 213.

три-четыре дня; в эти дни он уже ничего не мог делать и никого не принимал, кроме Анны Григорьевны, которая одна в таких случаях умела ухаживать за ним; чрез нее же он и сносился с имеющими до него какое-либо дело, а равно и со мною»[1].

Анна Григорьевна не посвящала мужа в свою борьбу с кредиторами. Сначала он упрекал ее в скрытности, но скоро понял, что это делается для его же блага. Не сразу привык он и к ее стремлению во всем экономить, даже на квартире. Когда он лечился в Бад-Эмсе от эмфиземы легких, а Анна Григорьевна с детьми была в Старой Руссе, он неизменно просил ее снять в Петербурге квартиру в угловых домах — они были более просторными (заметим, что Достоевский всю жизнь селился в угловых домах, да и все его герои, как правило, тоже живут в таких домах). Еще герой его первого петербургского романа, «Униженные и оскорбленные», Иван Петрович, в котором нетрудно узнать черты самого Достоевского, «заметил, что в тесной квартире даже и мыслям тесно». Анна Григорьевна свято выполняла эту просьбу мужа, но иногда, ради экономии, жертвовала какими-нибудь удобствами. Она считала, что сэкономленные деньги лучше отложить на оплату счетов из бакалейной лавки, на самые неотложные долги, на самые насущные потребности.

Главное для нее — освободить мужа от всех бытовых забот: ведь он может волноваться из-за каждого пустяка, приходить в отчаяние от любой мелочи. Гимназическая подруга Анны Григорьевны Мария Николаевна Стоюнина вспоминает: «Вообще, у него (Достоевского.— *С. Б.*) все почти всегда драмой или трагедией становилось. Бывало, соберет его перед отходом куда Анна Григорьевна, хлопочет это возле него, все ему подаст, наконец он уйдет. Вдруг сильный звонок (драматический). Открываем: «Анна Григорьевна! Платок, носовой платок забыла дать!»

[1] Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников.— Т. 2.— С. 245—246.

Все трагедия, все трагедия из всего у них. Ну, она мечется, пока все опять ему не сделает. Она за ним как нянюшка, как самая заботливая мать ходила. Ну, и правда, было у них взаимное обожание, как я и сказала»[1].

Такое постоянное и всепоглощающее стремление обеспечить творческий покой Достоевскому выработало в Анне Григорьевне своеобразное самоотречение, убеждение, что ей-то самой ничего не нужно, никакой роскоши, никаких излишеств,— надо уметь жертвовать собственным благополучием ради того, чтобы Федор Михайлович спокойно работал. Мария Николаевна Стоюнина, посетившая Достоевских после их возвращения из-за границы, была поражена убогой обстановкой их просторной угловой квартиры: «Да Анне Григорьевне это все равно было — есть ли, нет ли обстановка и какая она. Раз только Достоевский мне пожаловался: «Вот, когда холостой-то был, все у меня было: и большой диван — тахта, и занавески... Вот, Ане это все равно, ей ничего не составляет, есть ли это, или нет!.. Да и денег теперь нет». А он (Достоевский.— *С. Б.*) все это любил и ценил. Но они в общем жили душа в душу...»[2]

Сам же Достоевский был поразительно расточителен. Он не только не умел сберечь деньги, но и неизменно желал их тут же потратить, покупая, например, Анне Григорьевне совсем не нужные ей вещи.

О двух таких подарках рассказывает М. Н. Стоюнина: «Раз, помню, заработал Достоевский 350 или 500 рублей, побежал тотчас в Гостиный двор, купил у Морозова браслет золотой и подарил Анне Григорьевне. Она мне подробно рассказала о том, как ей удалось-таки избавиться от этого подарка. «Подумай,— говорит,— у детей обуви, башмаков нет, одежды нет, а он браслеты вздумал дарить!» Он спит в кабинете, она, т. е. Анна Григорьевна, в спаль-

---

[1] Стоюнина М. Н. Мои воспоминания о Достоевских/Публикация Р. В. Плетнева//Новое русское слово.— Нью-Йорк, 1955.— 1 мая.— № 45709.

[2] Там же.

не. Улеглись это они спать, а она мучается, что будет делать с браслетом и что деньги-то нужны на другое. Наконец, не выдерживает моя Анна Григорьевна, идет в кабинет к мужу: «Знаешь, я не могу, отдадим его в магазин, ну на что он мне?» Он: «Я мечтал: заработаю там немного и куплю; мне такое счастье, что заработал и могу жене купить!» Он в отчаянии. Она уходит: «Ну хорошо, хорошо!» Опять не может лежать спокойно, соскакивает с постели и летит к мужу: «Нет, нельзя, надо отдать, Федя, детям нужнее, да и зачем он мне?» Соглашается тут он. Проходит минута-другая. Слышит Анна Григорьевна вздохи, охи, ворочается муж с боку на бок. Вдруг срывается с дивана и в спальню: «Нет, Аня, я умоляю, пусть останется он у тебя!» Уходит. Но опять драма — она мучается: «Федя, ведь триста, подумай, триста пятьдесят рублей!» И так у них «нежная драма» всю ночь. После наутро все-таки она побежала к Морозову и вернула браслет. Так здесь ее мучение взяло верх и Достоевский уступил. Но все же раз и ему удалось победить.

Надо сказать, что самой Анне Григорьевне ничего не нужно было. И вот приезжает Федор Михайлович раз из заграничной поездки и привозит подарки, а ей привозит вдруг, совершенно неожиданно, рубашки. Анна Григорьевна мне их показала, да и говорит: «Нет, ты посмотри, что он мне привез: ведь шелковые!..» Она, может быть, готова была хоть дерюгу носить, что угодно, а это дюжина или полдюжины рубашек и все шелковые: голубые, розовые, белые. Часто Достоевский и тратился вот на этакие глупости. Ну а тут-то, когда купил рубашки, вернуть их было нельзя. Так и остались они у Анны Григорьевны»[1].

...Только твердость и решительность Анны Григорьевны помогли Достоевскому перенести тяжелый 1872 год, когда у них была целая полоса несчастий: трехлетняя Любочка ломает руку, ее плохо вправляют, и приходится делать

---

[1] Стоюнина М. Н. Мои воспоминания о Достоевских.

операцию; умирает в тридцатилетнем возрасте родная сестра Анны Григорьевны, Мария Григорьевна Сватковская; опасно заболевает ее мать, да и сама она серьезно болеет (нарыв в горле), и врачи опасаются за ее жизнь.

Когда Анна Григорьевна привезла Любу на операцию в Петербург, Достоевский с годовалым сыном Федей находился в Старой Руссе. Ее волнует, как он будет работать без ее помощи над романом «Бесы». Первого июня 1872 года Анна Григорьевна пишет: «Любочка целует эту бумагу вместо тебя. Милый друг Федя, третьего дня получила твое 2-е письмо и была очень рада, что дома все спокойно. Как теперь твое здоровье? Не было ли после дороги припадка? Прошли ли у Феди пятнушки и что сказал доктор, если ты его звал. Я и Люба здоровы, Люба довольна, весела, на руку не жалуется, но по временам очень просит сейчас поехать в Старую Руссу, что ей тучно, *жалко,* что папа уехал. Я тотчас же ухожу с нею куда-нибудь гулять. Не упала и не ушибла себе ручки ни разу, в этом будь покоен. Я очень тоскую по Маше и по вас и мучусь при мысли, как будет страдать мама. Она уже очень плачет...

Вообще о нас с Любой не беспокойся, мы будем здоровы и воротимся к тебе с целыми руками и ногами. Люба не дает хорошенько мне выспаться, рано встает. Ужасно хочу увидеть тебя и Фечту. Люба называет его не Федичка, а *Фечта,* и много о нем говорит. Ваня[1] обещает к моему отъезду припасти денег *непременно.* Я деньги очень берегу, но у меня много выходит на извощики, потому что носить Любу нет сил, а дома она не сидит и тоскует, а потому я и должна раза 4 выходить из дому. Желаю тебе заниматься с успехом, приготовь побольше и за раз побольше продиктуешь, я берусь очень скоро переписать. Не вздумай сам переписывать, это меня огорчит, лучше пиши и приготовляй побольше к моему приезду.

---

[1] Брат Анны Григорьевны.

Извини, что пишу на лоскуточках, бумаги нет, а купить не сберусь. Цалую и обнимаю тебя много раз, поцалуй Фечту бесчисленно и пиши через день, а если что случится, то и каждый день. Жду с нетерпением, когда пройдут эти 2 недели. Твоя любящ<ая> Аня»[1].

Неоценим вклад Анны Григорьевны в творческую работу мужа. Самоотверженно, забывая о сне и отдыхе, Анна Григорьевна стенографировала произведения Достоевского. Она была их первой слушательницей и критиком; переписывала своим разборчивым, почти каллиграфическим почерком рукописи (почерк этот настолько нравился Достоевскому, что он таким же почерком награждает Льва Николаевича Мышкина), читала корректуры, организовала еще при жизни мужа издание и продажу его книг.

Можно определенно утверждать, что небольшая главка «Несомненный демократизм. Женщины» в майском номере «Дневника писателя» за 1876 год с замечательным отзывом Достоевского о подвиге русской женщины навеяна примером собственной жены: «А в заключение мне хочется прибавить еще одно слово о русской женщине. Я сказал уже, что в ней заключена одна наша огромная надежда, один из залогов нашего обновления. Возрождение русской женщины в последние двадцать лет оказалось несомненным. Подъем в запросах ее был высокий, откровенный и безбоязненный. Он с первого раза внушил уважение... Русская женщина целомудренно пренебрегла препятствиями, насмешками. Она твердо объявила свое желание участвовать в общем деле и приступила к нему не только бескорыстно, но и самоотверженно...»

Пожалуй, кроме этих строк «Дневника писателя», эпилога «Преступления и наказания», где кроткая Сонечка Мармеладова возрождает к новой жизни Раскольникова,

---

[1] Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка.— С. 54.

трех сестер Епанчиных в «Идиоте» и в какой-то мере размышлений над духовным подвигом Татьяны в Пушкинской речи, образ Анны Григорьевны не нашел больше отражения в произведениях Достоевского.

Некоторые исследователи, сравнивая этот факт с тем, что личности Марии Дмитриевны Исаевой и Аполлинарии Прокофьевны Сусловой больше отразились в творчестве писателя (от них пошли образы «инфернальных» женщин у Достоевского), делают вывод о некоей «ограниченности» и «ординарности» Анны Григорьевны.

В этой связи напрашивается параллель. Наталья Николаевна Гончарова тоже почти не нашла отражения в творчестве Пушкина, но ведь это не значит, что она была «ограниченна» и «ординарна». Все дело в том, что и Наталья Николаевна, и Анна Григорьевна были настолько органической частью всей жизни Пушкина и Достоевского, что не возникало необходимости в их литературном воплощении. Для такого воплощения нужна дистанция, а здесь ее не существовало — была лишь полная слитность во всем. И оценка Анны Григорьевны оказалась в чем-то сходной с оценкой Натальи Николаевны: во всяком случае, о ней тоже писали, что она не понимала гений своего мужа, была далека от его жизни, души и творчества, но те, кто так считал, забывали самое главное: и Пушкин, и Достоевский страстно любили своих жен, беспредельно верили им и завещали эту любовь и эту веру потомкам.

Если бы Анна Григорьевна была бы действительно «ограниченна» и «ординарна», то Достоевский никогда бы ей не писал такие серьезные «идеологические» письма с Пушкинского праздника в 1880 году, никогда бы ей не создать свои замечательные «Воспоминания» — одни из лучших в русской мемуаристике — и никогда бы ей не послал такое удивительное по глубине проникновения в творчество Достоевского письмо молодой приват-доцент, впоследствии выдающийся советский историк, академик Евгений Викторович Тарле:

«...Думаю, что через несколько лет — если обстоятельства сложатся благоприятно — я напишу книгу о творчестве Достоевского, но, к сожалению для себя,— не могу ручаться, что это будет скоро. Я коснусь, главным образом, не той стороны его деятельности, которой касались Страхов, Орест Миллер, Аверкиев и т. д., не политических и религиозных его воззрений, но его художественного, психологического, изобразительного гения. Эти люди писали о Достоевском, как могли бы писать о всяком талантливом публицисте их лагеря, они, так сказать, партийно, небескорыстно интересовались им. Они не понимали (или не хотели понимать), что будь Достоевский либерал или консерватор, или социалист, или ретроград, или славянофил, или западник — что это все ничуть не препятствовало бы ему оставаться тем великим и затмившим Шекспира психологическим гением, каким он явился во всемирной литературе. Они видели в нем, главным образом, сторонника своих взглядов,— и за это выражали ему хвалу; люди противоположного лагеря видели в нем антагониста и выражали ему порицание. Но и хвалители, и порицатели не усмотрели, как они мелки со своими порицаниями и похвалами, как они смешны, равняя или ставя на одну доску Федора Михайловича с публицистами, убеждения которых он разделял. Богатство, которое он оставил человечеству, ведь, в сущности, тогда только начало находить себе достодолжную оценку у нас, когда оно приковало к себе взоры Западной Европы (где и вызвало таких подражателей, как Гауптман, Бурже etc). Этому богатству еще и опись внимательная не сделана, и вот почему я думаю, что и моя работа, при общей скудости разработки предмета, не будет излишнею. Психиатры и криминалисты гораздо лучше поняли многое у Достоевского, нежели литературные критики, но нужно же надеяться, что и они когда-нибудь возьмутся за этот благодарный труд.

Судить о Достоевском на основании его политических (и иных) воззрений — это все равно, что судить на подоб-

ном же основании Рентгена: Рентген открыл способ проникать взором в твердые тела,— Достоевский открыл в человеческой душе такие пропасти и бездны, которые и для Шекспира, и для Толстого остались закрытыми. Если кто захочет судить и порицать Рентгена, великого физика, за то, что он консерватор, а другие будут его за это же хвалить,— всякий поймет, чего стоят и много ли понимают в значении Рентгена эти хвалители и порицатели. Но когда критика начинает Достоевского, великого художника и психолога, осуждать или венчать лаврами за то, что он держался таких-то мнений Каткова или не держался таких-то мнений Михайловского,— многим почему-то это не кажется смешным и нелепым. Только тогда, когда поймут, что, при всей своей публицистической последовательности, Катковы и Михайловские карлики в сравнении с непоследовательным Достоевским,— когда раз <и> навсегда отрешатся от публицистического взгляда на него, придут к заключению, что публицистика Достоевского есть только биографическая подробность, а его великий гений есть один из немногих светочей всемирной литературы,— тогда и только тогда изучение Достоевского станет на правильную дорогу. Если кто, говоря о Моцарте, будет главным образом подчеркивать, что Моцарт был монархист, а не республиканец, и хвалить или порицать за это Моцарта,— я всегда пойму, что этот человек в музыке и Моцарте ровно ничего не понимает. От души желаю, чтобы и читающее общество, встречая в критической статье о Достоевском длинные пояснения и разговоры о его политических взглядах,— научилось бы сразу понимать, что такая критическая статья ничего ему не даст и дать не может...»[1]

Если же говорить о каких-нибудь конкретных литературных реминисценциях облика Анны Григорьевны, то эпилог «Преступления и наказания» — с преображением Раскольникова под влиянием Сонечки — превосходит по

[1] Белов С. В. Вокруг Достоевского.— С. 207.

своей идейной значимости все образы «инфернальных» женщин у Достоевского.

И, наконец, последнее. Не кощунственно ли называть «ограниченной» и «ординарной» женщину, чье имя благоговейно надписано рукой Достоевского на первой странице «Братьев Карамазовых»?!

За десять лет, с 1871 по 1881 год, немало было в семье Достоевского новых тревог, несчастий и огорчений. В 1878 году на нее обрушился страшный удар: в трехлетнем возрасте умирает младший ребенок — сын Алеша. «Федор Михайлович пошел провожать доктора,— рассказывает Анна Григорьевна,— вернулся страшно бледный и стал на колени у дивана, на который мы переложили малютку, чтоб было удобнее смотреть его доктору. Я тоже стала на колени рядом с мужем, хотела его спросить, что именно сказал доктор (а он, как я узнала потом, сказал Федору Михайловичу, что уже началась агония), но он знаком запретил мне говорить... И каково же было мое отчаяние, когда вдруг дыхание младенца прекратилось и наступила смерть. Федор Михайлович поцеловал младенца, три раза его перекрестил и навзрыд заплакал. Я тоже рыдала; горько плакали и наши детки, так любившие нашего милого Лешу»[1].

Любовь Федоровна Достоевская дополняет рассказ матери: «Мы сели в коляску, вчетвером — папа, мама, брат Федор и я — и маленький гробик был поставлен между нами. По дороге мы много плакали, гладили маленький белый гроб, покрытый цветами, вспоминали любимые выражения милого малютки. После краткого богослужения в церкви, гроб был отнесен на кладбище... Слезы текли по щекам моего отца, он поддерживал плачущую жену. Она не могла оторвать глаз от гробика, медленно исчезавшего под землей...»[2]

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 327.

[2] Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении его дочери.— С. 79.

«Федор Михайлович был страшно поражен этою смертию,— продолжает Анна Григорьевна.— Он как-то особенно любил Лешу, почти болезненною любовью, точно предчувствуя, что его скоро лишится. Федора Михайловича особенно угнетало то, что ребенок погиб от эпилепсии,— болезни, от него унаследованной. Судя по виду, Федор Михайлович был спокоен и мужественно выносил разразившийся над нами удар судьбы, но я сильно опасалась, что это сдерживание своей глубокой горести фатально отразится на его и без того пошатнувшемся здоровье»[1].

И в эти страшные минуты горя Анна Григорьевна не забывает о самом главном — о писательском труде мужа. Она знает, что он уже весь во власти своего нового романа «Братья Карамазовы». Но сможет ли он теперь работать над этой грандиозной четырехтомной эпопеей? И тогда Анна Григорьевна принимает единственно верное решение: просит молодого друга Достоевского, философа Владимира Сергеевича Соловьева (1853—1900), очаровавшего писателя и своим личным обаянием, и своими лекциями, уговорить Федора Михайловича поехать вместе с ним в Оптину пустынь — монастырь под Калугой, к старцу Амвросию (он славился тем, что умел утешать людей в их горе).

Расчет Анны Григорьевны оказался абсолютно точным: после поездки в Оптину пустынь и встреч со старцем Амвросием Достоевский вернулся успокоенный и с необычайным вдохновением приступил к созданию своего последнего романа.

Достоевскому и Анне Григорьевне суждено было пережить это страшное горе — смерть сына Алеши,— чтобы «Братья Карамазовы» сделали бессмертными их любовь и горе. Анна Григорьевна сообщает, что в главе «Верующие бабы» Достоевский запечатлел «многие ее сомнения, мысли и даже слова»[2], а в жалобах женщины из народа,

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 327.
[2] Там же.— С. 328.

потерявшей сына и пришедшей искать утешения у Зосимы (в нем нетрудно найти многие черты Амвросия), слышатся голоса Достоевского и Анны Григорьевны: «Сыночка жаль, батюшка, трехлеточек был, без трех только месяцев и три бы годика ему. По сыночку мучусь, отец, по сыночку. Последний сыночек оставался, четверо было у нас с Никитушкой, да не стоят у нас детушки, не стоят, желанный, не стоят. Трех первых схоронила я, не жалела я их очень-то, а этого последнего схоронила и забыть его не могу. Вот точно он тут предо мной стоит, не отходит. Душу мне иссушил. Посмотрю на его бельишечко, на рубашоночку аль на сапожки и взвою. Разложу, что после него осталось, всякую вещь его, смотрю и вою... И хотя бы я только взглянула на него лишь разочек, только один разочек на него мне бы опять поглядеть, и не подошла бы к нему, не промолвила, в углу бы притаилась, только бы минуточку едину повидать, послыхать его, как он играет во дворе, придет, бывало, крикнет своим голосочком: «Мамка, где ты?» Только б услыхать-то мне, как он по комнате своими ножками пройдет разик, всего бы только разик, ножками-то своими тук-тук, да так часто, часто, помню, как, бывало, бежит ко мне, кричит да смеется, только б я его ножки-то услышала, услышала бы, признала!»

Материнская любовь как бы воскрешает умершего мальчика, а описание смерти Илюшечки и скорби его отца, отставного штабс-капитана Снегирева в «Братьях Карамазовых», в которых чувствуются страдания Достоевского и Анны Григорьевны, настолько пронзают сердце душераздирающей незабываемой болью, что, кажется, не было в мировой литературе более потрясающего изображения семейного горя. (В малоизвестной картине М. Нестерова «У Креста» («Страстная седмица», хранится в Церковно-археологическом кабинете при Московской духовной академии) изображены Достоевский и Анна Григорьевна с гробиком Алеши.)

Действие «Братьев Карамазовых» происходит в Старой Руссе, в маленьком городке под Новгородом, где Достоевские снимали дачу с 1872 года. В 1876 году они приобрели там собственный дом: детям очень пошли на пользу старорусские минеральные источники, а Достоевскому прекрасно работалось в этом тихом и спокойном местечке. Дочь писателя подробно рассказывает о жизни отца в Старой Руссе. Достоевский вставал после одиннадцати, делал гимнастику, тщательно мылся и, если был в хорошем настроении, напевал «На заре ты ее не буди». Никогда дома не ходил в халате, с утра уже был в галстуке и в белой рубашке с крахмальным воротником. Закончив туалет и помолившись, выпивал два стакана крепкого чая, а третий уносил в свою комнату и пил во время работы. На письменном столе вещи располагались в строгом порядке — писатель терпеть не мог малейший беспорядок. Анна Григорьевна каждое утро осматривала письменный стол мужа, затем садилась за маленький столик рядом и готовилась к стенографической работе.

«Окончив завтрак, мой отец возвращался в свою комнату,— пишет Л. Ф. Достоевская,— и тотчас начинал диктовать главу, составленную им ночью. Моя мать стенографировала ее и затем переписывала. Достоевский исправлял переписанное, часто еще прибавляя много подробностей. После этого моя мать переписывала ее еще раз и посылала рукопись в типографию. Таким образом, она избавляла его от очень большой работы. Вероятно, Достоевский не написал бы так много романов, если бы у его жены не явилась счастливая мысль изучить стенографию»[1].

После диктовки Достоевский раздавал детям лакомства, которые всегда у него бывали припасены в одном из ящиков стола. В четыре часа писатель выходил на прогулку, шел, опустив голову, в глубокой задумчивости, не глядя, раздавал деньги нищим,— один раз подал милостыню

[1] Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении его дочери.— С. 82.

даже Анне Григорьевне, которая, повязав голову старым платком, решила над ним пошутить. В шесть часов обедали, в девять ужинали. Благословив детей, Достоевский садился за работу. Очень часто читал детям по вечерам любимых писателей: Пушкина, Гоголя, Диккенса, Шиллера, Вальтера Скотта...

Чем дальше уходит время, тем все грустнее понимать, что величайший художник мира лишь за несколько лет до смерти, благодаря любовной заботе Анны Григорьевны, получил, наконец, тихий уют и некоторое благосостояние,— хотя бы чуть-чуть самых простых человеческих радостей, о которых он давно мечтал.

Конечно, все относительно: свой дом был у них только в Старой Руссе (да и то пока не свой, а брата Анны Григорьевны, купленный на его имя), а в Петербурге приходилось по-прежнему снимать меблированные комнаты. Материальное положение во многом зависело от Каткова: если тот откажется печатать в «Русском вестнике» «Братьев Карамазовых», тогда конец и их «благосостоянию».

Как за границей, когда Анна Григорьевна почувствовала, что рулетка нужна ему для творчества, так и теперь она поняла, что Достоевский уже не молод и нуждается как раз в самых обыкновенных человеческих радостях. И все оказалось именно так, как она и думала: благодаря этому душевному комфорту Достоевский и преодолел свою последнюю вершину — «Братья Карамазовы».

Можно определенно утверждать, что семейный уют и счастливый брак, радость иметь своих детей и любящую жену послужили первым толчком и к созданию романа «Подросток». Наблюдая жизнь своих детей — при духовно прочном и устойчивом браке родителей, — Достоевский мог задумать роман о «случайном семействе». В «Дневнике писателя» за 1877 год он разъяснял: «Спросят: что такое эта *случайность* и что я под этим подразумеваю? Отвечаю: случайность современного русского семейства, по-моему, состоит в утрате современными отцами всякой общей

идеи в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь».

Судьба незаконного, «случайного сына» «случайного семейства», подростка Аркадия Долгорукого, противостоит судьбе собственных детей писателя, растущих в дружном, любящем, «неслучайном семействе». Поэтому Достоевский и вкладывает в уста Версилова такие слова: «Видишь, друг мой,— говорит Версилов сыну,— я давно уже знал, что у нас есть дети, уже с детства задумывающиеся над своей семьей, оскорбленные неблагообразием отцов своих и среды своей».

Анна Григорьевна ходила за Достоевским, как за ребенком (не зря А. В. Корвин-Круковская считала, что Достоевскому нужна именно такая жена); буквально всем для него жертвовала (например, в целях экономии не поехала на Пушкинский праздник, хотя страстно этого хотела); как «оруженосец верный» (так называл ее сам Достоевский), сопровождала писателя на все литературные вечера, где он выступал, после чтения ему непременно надо было дать пастилок от кашля и завязать потуже шарф, когда он выйдет на улицу; смиренно сносила его болезненную раздражительность и бурные вспышки ревности; ежеминутно была готова прийти к нему на помощь во время припадков, и за четырнадцать лет брака он ни разу, благодаря ее заботам, не поранился; нередко, буквально валясь с ног от усталости, она переписывала его произведения; часто не спала ночами, ибо Достоевский неизменно будил ее, чтобы прочесть ей новую главу, — она была его первым читателем и критиком; на ней лежали и чтение корректур, и сношения с типографиями, и обязанности секретарши, и вся бытовая, финансовая и хозяйственная корреспонденция; Анна Григорьевна становилась подлинной утешительницей в трудные минуты жизни, мужественно брала на себя все сложные отношения с кредиторами и

со всеми, кто мешал его творческому гению; наконец, она была матерью его детей.

«...Ты редкая из женщин, кроме того, что ты лучше всех их, — писал Достоевский Анне Григорьевне из Эмса 24 июля (5 августа) 1876 года. — Ты и сама не подозреваешь своих способностей. Ты ведешь не только целый дом, не только дела мои, но и нас всех, капризных и хлопотливых, с меня начиная до Леши, ведешь за собою... Ты ночей не спишь, ведя продажу книг и «контору» Дневника... Сделай тебя королевой и дай тебе целое королевство, и клянусь тебе, ты управишь им как никто — столько у тебя ума, здравого смысла, сердца и распорядительности...»[1]

Как жена писателя, Анна Григорьевна совершила настоящий подвиг. Она свято верила в гений Достоевского и во имя этого гения, который был для нее превыше всего на свете, пошла на все страдания, — ведь «русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит», как говорил Достоевский о Татьяне в Пушкинской речи, имея перед глазами пример и собственной жены.

Анна Григорьевна настолько изучила мужа, что умела угадывать его малейшие желания, а он ни одного важного шага в своей жизни не предпринимал без ее совета, что чрезвычайно поражало всех, кто первый раз видел писателя в семейной обстановке. С большой радостью Анна Григорьевна рассказывает о возобновлении отношений Достоевского с Н. А. Некрасовым — «их нередко разъединяла литературная борьба и конфликты журналистского быта» (она знала, что Достоевский и сам мечтал об этом сближении с другом своей молодости). Некрасов пришел к Достоевскому с предложением отдать новый роман «Подросток» в «Отечественные записки». А Достоевский, вместо того чтобы сразу соглашаться, вдруг заявил, что ему надо сначала посоветоваться со своей женой.

---

[1] Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка.— С. 236—237.

«Тут произошел курьезный случай, — вспоминает Анна Григорьевна. — Когда Федор Михайлович пришел ко мне, я торопливо сказала ему:

— Ну зачем спрашивать? Соглашайся, Федя, соглашайся немедленно.

— На что соглашаться? — с удивлением спросил муж.

— Ах, боже мой! Да на предложение Некрасова.

— А ты как знаешь о его предложении?

— Да я слышала весь разговор, я стояла за дверью.

— Так ты подслушивала? Ну, как тебе, Анечка, не стыдно? — горестно воскликнул Федор Михайлович.

— Ничего не стыдно! Ведь ты не имеешь от меня тайн и все равно непременно сказал бы мне. Ну, что за важность, что я подслушала, ведь не чужие дела, а наши общие.

Федору Михайловичу оставалось только развести руками при такой моей логике. Федор Михайлович, вернувшись в кабинет, сказал:

— Я переговорил с женой, и она очень довольна, что мой роман появится в «Отечественных записках».

Некрасов, по-видимому, был несколько обижен, что в таком деле понадобилось мое согласие, и сказал:

— Вот уж никак не мог я предположить, что вы находитесь «под башмачком» вашей супруги.

— Чему тут удивляться? — возразил Федор Михайлович. — Мы с нею живем очень дружно, я предоставил ей все мои дела и верю ее уму и деловитости. Как же мне не спросить у нее совета в таком важном для нас обоих вопросе?»[1]

Пытаясь создать хоть какой-то материальный достаток, Анна Григорьевна решила сама заняться изданием и продажей сочинений мужа. Вопреки предсказанию друзей и

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 268.

знакомых, считавших, что издание произведений Достоевского — дело бесперспективное (после появления «Бесов» либеральные критики травили «ретрограда» Достоевского и писали о полном упадке его таланта), Анна Григорьевна в январе 1873 года успешно начала свою многолетнюю издательскую и книготорговую деятельность, превратив издание и продажу произведений писателя в источник пусть небольшого, но все-таки постоянного дохода. Благодарный Федор Михайлович передал своей жене все права на издание его сочинений.

В конце 1879 года книжное дело Анны Григорьевны разрослось, и она взяла к себе в помощники мальчика Петю — впоследствии видного книгопродавца Петра Григорьевича Кузнецова (он умер в осажденном Ленинграде в 1943 году). За несколько лет до смерти он написал воспоминания о работе у Достоевских[1].

Переписка Анны Григорьевны с Андреем Михайловичем Достоевским, живо интересовавшимся всем, что касалось семьи Федора Михайловича, передает ту атмосферу, которая сопровождала книгоиздательскую и книготорговую деятельность Анны Григорьевны. «...Мы, слава богу, все здоровы, хотя Федор Михайлович жалуется несколько на грудь, — писала Анна Григорьевна 26 ноября 1880 года. — Но работы ужас как много, просто не остается ни минуты свободной. Мы печатаем отдельным изданием «Братья Карамазовы», и они выйдут в свет в первых числах декабря. Я сама просмотрела все 75 листов корректуры и нашла, что это просто адская работа. Приходится сидеть по 5—6 часов сряду, чтоб не задержать работы. А тут хозяйство, дети, моя книжная торговля все разрастающаяся, требования наших книг, счеты с книжниками; одним словом, каждый час, каждая минута заняты и как

---

[1] См.: Кузнецов П. Г. Служба у Достоевского (Из автобиографии книжника)/Публикация С. В. Белова//Книжная торговля.— 1964.— № 5.— С. 41.

ни работаешь, а видишь в конце концов, что не сделала и половины из того, что предположила. Как я ни собиралась к Вашим, чтоб повидать еще раз Варвару Андреевну[1] пред ее отъездом, но попасть не могла: утром корректуры, вечером боюсь одна ехать, а ехать с Федором Михайловичем так далеко нельзя и думать: при его слабой груди ему положительно запрещено ездить на большие расстояния. Вот и откладываешь день за день и все никуда не поспеешь. Но слава богу, роман скоро выйдет, хотя тут пойдет опять каторжная работа по отправке, продаже и пристраиванию его. А там подписка на «Дневник», которая уже и теперь началась, а там издание «Дневника» и т. д. и т. д., бесконечная и невозможная работа, а что грустно, что и в результате ничего не видно. Как ни бейся, как ни трудись, сколько ни получай, а все при здешней дороговизне уходит на жизнь, и ничего-то себе не отложишь и не сбережешь на старость. Право, иной раз руки опускаются и приходишь в отчаяние: такая каторжная работа, а только и утешения, что живешь в тысячной квартире, тогда как лично мне нужна маленькая комнатка. Право, я хочу уговорить Федора Михайловича переехать куда-нибудь в деревню: меньше заработаем, зато меньше и проживать будем, да и работать меньше придется, жизнь пригляднее станет, в отчаяние не будешь приходить как теперь. Видите, многоуважаемый Андрей Михайлович, я написала Вам вовсе не именинное письмо и простите меня за это. Но что же будешь делать, когда от вечной работы, беготни, неспанья расстроятся нервы так, что и жизнь не мила...»[2]

И все же, несмотря на повседневную занятость, Анна Григорьевна, с какой-то поразительной дальновидностью, еще при жизни Достоевского, заложила фундамент цело-

---

[1] Дочь А. М. Достоевского.

[2] Достоевский в неизданной переписке современников (1837—1881).— С. 521.

го ряда значительных культурных начинаний, и прежде всего своей знаменитой коллекции автографов. Сам Достоевский обратил внимание на библиофильскую страсть Анны Григорьевны уже в первые месяцы пребывания с молодой женой за границей, когда писал 16 (28) августа 1867 года А. Н. Майкову: «В характере Анны Григорьевны оказалось решительное антикварство (и это очень для меня мило и забавно)»[1]. В течение почти полувека Анна Григорьевна собирала автографы русских и зарубежных деятелей культуры и науки, государственных и общественных деятелей. Большинство автографов связано непосредственно с жизнью и творчеством Достоевского и образует самую значительную «достоевскиану» у нас в стране и за рубежом. Большая часть коллекции состоит из писем А. И. Герцена, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина и других великих писателей, ученых, художников, актеров, композиторов.

Двадцать пять разделов, на которые сама Анна Григорьевна разбила свою коллекцию автографов, свидетельствуют о том, что она стремилась объять необъятное, желая сохранить для потомков все, что связано с именем Достоевского: Отдел I. Знаменитые романисты, поэты, драматурги. Отдел II. Высочайшие особы. Отдел III. Лица, занимающие высокое положение в администрации. Отдел IV. Академики императорской Академии наук. Отдел V. Декабристы. Петрашевцы. Отдел VI. Лица духовного звания. Отдел VII. Литераторы, романисты, драматурги. Отдел VIII. Редакторы газет и журналов. Отдел IX. Сотрудники газет и журналов. Отдел X. Педагоги, составители учебников, выдающиеся издатели. Отдел XI. Профессора университетов, духовных академий и др. высших учебных заведений. Отдел XII. Художники, академики живописи, архитектуры, скульптуры. Составители картинных галерей. Отдел XIII. Композиторы, музыканты, певцы, пе-

[1] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.— С. 27.

вицы, музыкальные критики. Отдел XIV. Женщины-писательницы, врачи и известные по своей общественной или благотворительной деятельности. Отдел XV. Литераторы, ученые, певцы, композиторы, актеры и пр. *иностранные.* Отдел XVI. Актрисы и актеры императорских и провинциальных театров. Отдел XVII. Врачи. Отдел XVIII. Деятели на различных поприщах общественной деятельности. Отдел XIX. Переписка декабриста Муравьева-Апостола с Сазанович. Отдел XX. Письма К. П. Победоносцева к Ф. М. Достоевскому. Отдел XXI. Рисунки разных художников, архитекторов и других лиц. Отдел XXII. Письма А. Н. Майкова. Отдел XXIII. Письма Н. Н. Страхова. Отдел XXIV. Письма Ореста Ф. Миллера. Отдел XXV. Письма Алексея Николаевича Плещеева[1].

Эта уникальная коллекция автографов, собранная Анной Григорьевной и поступившая после ее смерти в рукописные отделы крупнейших отечественных книгохранилищ, стала основой для изучения жизни и творчества Достоевского. Любопытно, что сам писатель, сначала шутивший над коллекционерской страстью жены, познакомившись с первыми поступлениями, быстро понял всю грандиозность и серьезность ее увлечения и уже сам обращался к друзьям и знакомым с просьбой дарить ей автографы.

В ряде писем коллекции дается характеристика Анны Григорьевны, обычно, со слов Достоевского, в изложении лиц, хорошо знавших его, что, конечно, самое ценное, или выражается признательность Анне Григорьевне как жене великого писателя. Например, 11 марта 1912 года престарелая писательница П. Е. Гусева сообщала вдове Достоевского: «Когда покойный Федор Михайлович был больной в Эмсе, мы с княгиней Шаликовой — моим покойным другом (невестка М. Н. Каткова) ухаживали за ним и взаимно наслаждались его обществом. Помню — мы с

[1] См.: Ланский Л. Р. Коллекция автографов А. Г. Достоевской //Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник.— 1976.— М., 1977.— С. 59.

ним часто спорили; но вместе с тем: он нередко и по душе говорил со мной о Вас, о Ваших хороших качествах, и внушал мне заочно глубокое уважение к Вам; я радовалась, что у такого «страдальца» — своя, неизменная «нянька» — свой *любящий друг»*[1]. Восьмого сентября 1906 года художник В. М. Васнецов писал драматургу И. Л. Щеглову, давно знакомому с вдовой Достоевского: «...я заочно свидетельствую свое глубокое почтение супруге великого, гениального Достоевского. Если бы Вы знали, до какой степени этот писатель мне дорог... *Рад и счастлив буду, если уважаемая Анна Григорьевна* почтит нас своим посещением. Вся семья моя достойно чтит великого Достоевского. Прошу Вас передать ей наши чувства и приглашение...»[2]

Анна Григорьевна уже давно, еще за границей, поняла, что надо записывать буквально все, имеющее то или иное отношение к ее великому мужу. Но когда появились дети и началась ее издательская и книготорговая деятельность, она уже не могла вести такой ежедневный стенографический дневник, как в 1867 году в Европе.

И все же она старалась, при малейшей возможности, или вносить в записные книжки, или запоминать то, что ей говорил Достоевский.

Не все свои стенографические записи она успела расшифровать. Многие ее устные рассказы, слышанные достоевсковедами, надо искать в совершенно разных и даже малодоступных источниках, а некоторые важные пометы в ее записных книжках чередуются с хозяйственными и издательскими расходами, — может быть, поэтому они и не привлекали внимание исследователей.

После смерти Достоевского Анну Григорьевну упрекали, что она не догадалась спросить, каким он задумал про-

---

[1] Ланский Л. Р. Коллекция автографов А. Г. Достоевской.— С. 71—72.

[2] Там же.— С. 70.

должение «Братьев Карамазовых». Но, оказывается, упрекали напрасно. Анна Григорьевна все-таки узнала от Достоевского, каким он мыслил себе продолжение романа. В неопубликованной главе своих «Воспоминаний» под названием «Nina Hoffmann» Анна Григорьевна пишет: «Летом 1898 г. до меня дошел слух, что в столицу приехала из Вены г-жа Nina Hoffmann, автор нескольких немецких статей о произведениях Достоевского. Говорили, что она задумала написать о нем большое произведение... В Петербурге г-жа Гофман познакомилась с некоторыми нашими литераторами (между прочим, с Вл. Соловьевым) и, наконец, приехала познакомиться со мной. Узнав, что она поклонница таланта моего мужа и пишет о нем и о его произведениях, я приняла ее как истинного друга...»[1]

Через год после встречи с Анной Григорьевной Нина Гофман выпустила в Берлине книгу под заглавием «Th. M. Dostojewsky». В этой книге Нина Гофман, опираясь, как она пишет, на сведения, полученные ею от самой Анны Григорьевны, рассказывает о втором романе о Карамазовых: «Алеша должен был, таков был план писателя, по завещанию старца Зосимы идти в мир, принять на себя его страдания и его вину. Он женится на Лизе, потом покидает ее ради прекрасной грешницы Грушеньки, которая пробуждает в нем карамазовщину, и после бурного периода заблуждений и отрицаний, оставшись бездетным, облагороженный, возвращается опять в монастырь; он окружает себя там толпой детей, которых он до самой смерти любит и учит и руководит ими. Кому не придет здесь в голову связь с рассказом Идиота о детях, кто не вспомнит маленького героя, все те восхитительные детские черты, которые открывает только любовь»[2].

---

[1] Белов С. В. Еще одна версия о продолжении «Братьев Карамазовых»//Вопр. лит.— 1971.— № 10.— С. 255.

[2] Там же.

Трогательно читать сейчас неизданную записную книжку Анны Григорьевны 1881 года — последнюю книжку, которую она завела еще при жизни мужа. Это перечень их взаимных покупок и подарков: «Я подарила Федору Мих<айловичу> на рождество 1880 г. за мес<яц> до его смерти — раму для Дрезд<енской> Мадонны[1]. В год нашей свадьбы портмоне с орденской лентой. После приезда в Петерб<ург> бювар на стену. 1875 чернильницу и подсвечник.

1878 бронзов<ый> подсвечник пред Пасхою. 1880 раму для его черного портрета (он сам увидал). Письменный стол. Шкаф для книг. 1878. Продолгов<атый> стол орех<овый>. Серьги и брошь из янтаря 1874? Подарки, привезен<ные> Федею из-за границы. Перед свадьбой на именины браслет, в 1879 г. бинокль Феде для черчения, в 1875 черную материю, 1876 черепах<овую> гребенку и веер и красный ящик для перчаток, в 1878 из Москвы 6 рубашек от Море по 10 руб., в 1875 г. из Пет<ербурга> 3 руб. полотн<яных>, в 1878 г. 8-го декабря брилл<иантовые> серьги от Пантелеева, в 1879 г. хотел...[2], 1872 подарил серьги золотые с жемчугом к 30 августа. На какое-то рождество 1878? филигранов<ую> коробочку. Вместе покупали черное барх<атное> небольш<ое> пальто, красный платок, большой ковер, шкаф для вещиц, буфет, мебель, красный фарф<оровый> сервиз (из 4 вещей и подноса). Купили вместе большое кресло пред пис<ьменным> столом (в день объявления войны)[3], папин диван, на котором он умер. Этажерку мне. Любил бронзов<ые> небольшие подсвечники и чернильницу»[4].

Анну Григорьевну иногда упрекали в излишних подробностях и мелочах записанного (упреки эти, правда, от-

---

[1] «Сикстинская Мадонна» Рафаэля в Дрезденской картинной галерее — копия картины висела в кабинете Достоевского.

[2] Пропуск в рукописи.

[3] С Турцией — 12 апреля 1877 года.

[4] ИРЛИ, 30773/CCXIXб3.

носились больше к заграничному дневнику 1867 года). И это было бы вполне справедливо, если бы только не одно существенное обстоятельство: подробности и мелочи-то относятся к Достоевскому, здесь все важно! И Анна Григорьевна прекрасно это понимала, так же, как понимала, что вот такие мелочи из семейной жизни любит и сам Достоевский, он даже ощущает в них потребность. И. Волгин совершенно справедливо пишет, что Достоевский «несет свой «семейный крест» с естественностью человека, для которого эта ноша внутренне необходима»[1].

Девять с половиной лет, которые Достоевский прожил с Анной Григорьевной и со своими детьми после приезда в 1871 году из Европы, были самыми счастливыми в его жизни, — такими же счастливыми, как далекое детство, когда была жива его мать. Может быть, поэтому, вспоминая в эти годы свое детство и видя радостные лица собственных детей, Достоевский, как свидетельствуют современники, особенно мучился, когда узнавал о трагедиях, происходивших с чужими детьми. «Раз он, помню, прочел в газете, как женщина своего ребенка утопила нарочно в помойке,— вспоминает М. Н. Стоюнина.— Так, Достоевский после ночь или две не спал и все терзался, думая о ребенке и о ней. Он никак не мог выносить страдания детей. И как человек-то оттого он и производил, может быть, сильное впечатление, что был он человек любящий и страдающий, умеющий страдать»[2].

Гуманное отношение к детям роднило Достоевского и Анну Григорьевну, и эта солидарность позволила жене писателя, пользуясь высоким именем Достоевского, спасти не одну детскую душу. Так, в самом начале 1877 года Анна Григорьевна, откликнувшись на обращение своей знакомой А. П. Бергеман, просит Достоевского спасти одну девочку от истязаний садиста и пьяницы отца. Судя по неопубликованному письму А. Бергеман к Достоевскому от

[1] Волгин И. Семья и дети//В мире книг.— 1984.— № 8.— С. 85.
[2] Стоюнина М. Н. Мои воспоминания о Достоевских.

20 января 1877 года, он, как и всегда в таких случаях, выполнил просьбу жены: «Спешу, многоуважаемый Федор Михайлович, поделиться с Вами своею радостью, и как виновнику ее, принести мою искреннюю благодарность. При помощи истинно доброго человека, Анатолия Федоровича Кони, Марфуша принята в Елизаветинскую детскую больницу и оживает не по дням, а по часам. Во время пребывания ее в больнице, Анатолий Федорович обещал мне вытребовать от отца ее метрическое свидетельство, а по выздоровлении — поместить в приют, относительно чего ему уже дано обещание.

Насколько я могла подметить, ребенок этот с добрым, откликающимся на ласку сердцем, что меня крайне радует, и я почти уверена, что раз вырванная из той ужасной обстановки и поставленная в лучшие условия, она со временем сделается хорошим человеком и с благодарностью отнесется к участникам, изменившим ее судьбу, а имена их я постараюсь ей запечатлеть навсегда. Еще раз примите мою сердечную признательность. Передайте также доброй Анне Григорьевне мою глубокую признательность за ее доброе слово по этому делу...»[1]

Анна Григорьевна всегда точно чувствовала «творческие приливы и отливы» Достоевского. В 1873 году, например, когда он страшно устал, закончив роман «Бесы», она посоветовала ему стать редактором журнала «Гражданин», а в феврале 1879 года, решив дать Достоевскому разрядку во время напряженной работы над «Братьями Карамазовыми», обратилась с просьбой к писательнице С. И. Смирновой, жене актера Александринского театра Н. Ф. Сазонова: «Федор Михайлович поручил мне просить Вас, многоуважаемая Софья Ивановна, об одном одолжении. Ваш супруг был так любезен, что обещал достать нам билет в театр на этой неделе. Надеясь на его обещание, Федор Михайлович просит Вас взять на себя труд достать

[1] ИРЛИ, ф. 100, № 29645.

билет на одно из следующих представлений: «Бронзовый конь»[1] (среда, вечер)), «Майорша»[2] (четверг, утро, Алекс<андринский> т<еатр>), «Тридцать лет или жизнь игрока»[3] (пятница, утро Александ<ринский> т<еатр>), «Русалка» (воскресенье, вечер). Хотелось бы иметь ложу *2-го яруса*, а в опере в крайнем случае *3-го яруса* с аванложей. Деньги позвольте передать при первом свидании. Исполнив эту просьбу, Вы чрезвычайно обяжете меня и Федора Михайловича; он теперь свободен, а со второй недели примется за работу и тогда ему не удастся попасть в театр. Простите нас, многоуважаемая Софья Ивановна, если мы наделаем хлопот нашею просьбою. Федор Михайлович просит засвидетельствовать Вам и Вашему супругу его уважение.

Пожелав Вам всего доброго, остаюсь преданная Вам

А. Достоевская.

Наш адрес: Кузнечный переул<ок> д. 5 кв. 10.

P. S. Я было попыталась сама достать билет на «Бронз<ового> коня», но нашла у кассы больше ста человек и не рискнула ждать»[4]. (Любопытно, что сама Анна Григорьевна в целях экономии в театр почти не ездила, а мужу неизменно говорила, что ей нездоровится.)

Четырнадцать лет счастливого брака — на одном дыхании, без единой неискренней или фальшивой ноты. Достоевский так привязался к своей семье, что абсолютно не мог без детей и жены обходиться. «Обабился я дома за эти 8 лет ужасно, — пишет он Анне Григорьевне из Эмса в 1875 году, — не могу с вами расстаться даже и на малый срок — вот до чего дошло...»[5]

---

[1] Комическая опера Л.-Ф. Оберо.

[2] Пьеса И. В. Шпажинского.

[3] Пьеса французских драматургов В. Дюканжа и Дино.

[4] ИРЛИ, ф. 285, № 126.

[5] Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка.— С. 184.

Лето 1877 года Достоевские проводят в имении брата Анны Григорьевны «Малый Прикол», в десяти верстах от города Мирополье Курской губернии. В конце июня Достоевский уезжает из Курской губернии в Петербург для выпуска летнего номера «Дневника писателя». Зная, что Федор Михайлович уже давно хотел побывать в селе своих родителей Даровое, что в 150 верстах от Москвы, где последний раз был в далеком детстве, Анна Григорьевна уговорила его на обратном пути из Петербурга в Мирополье заехать туда.

Достоевский посещает бывшее отцовское имение, гуляет в роще Чермашни и погружается в воспоминания детства. Этот издавна знакомый ему пейзаж впоследствии войдет в роман «Братья Карамазовы». Анна Григорьевна снова угадывает потребности творческого гения мужа.

Но перед поездкой в Даровое Достоевский проводит в Петербурге три «ужасных» дня. Он не получает писем от жены (забыл, что договорился о посылке ему писем через дворника их петербургского дома) и в ожидании их посылает Анне Григорьевне отчаянные письма — в них исступленная тоска по страстно любимой женщине и детям: «...о тебе думаю (и мечтаю) беспрерывно. Думаю хорошо. Целую твои ножки, стоя перед тобой на коленях. По ночам доходит до странного состояния души от припадка: «Хоть бы раз только, думаю, их увидать перед тем как умереть»[1]; «Друг ты мой, целые 10 лет я был в тебя влюблен и все crescendo, и хоть и ссорился с тобой иногда, а все любил до смерти...»[2]

«Аня, последние три дня я провел здесь ужасно. Особенно ночи. Не спится. Думаю, перебираю шансы, хожу по комнате, мерещутся дети, думаю о тебе, сердце бьется (у меня в эти три дня началось сердцебиение, чего никогда не было). — Наконец, начнет рассветать, а я рыдаю, хожу

[1] Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка.— С. 255.
[2] Там же.— С. 258.

по комнате и плачу, с каким-то сотрясением (сам не понимаю, никогда этого не бывало)... Проклятая поездка в Даровую! Как бы я желал не ехать! Но невозможно: если отказывать себе в этих впечатлениях, то как же после того и об чем писать писателю! Но довольно, обо всем переговорим. А все-таки знай, в ту минуту, когда это читаешь, что я покрываю все тельце твое тысячами самых страстных поцалуев, а на тебя молюсь, как на образ. Цалуй детей бессчетно. Вчера Федино рождение, какой грустный день я вынес. Господи, да выносил ли когда что мучительнее...»[1]

До последних дней жизни Достоевский не только любил свою «Анечку», но был влюблен в нее, как в первый год брака, и письма его поражают бурными проявлениями страсти. (Он был талантлив в любви, как и во всем.)

«Ты знаешь, что я каждый раз после длинной разлуки в тебя влюбляюсь и приезжаю к тебе влюбленный,— писал Достоевский Анне Григорьевне из Эмса в июле 1876 года. — Но, ангел мой, этот раз несколько иначе: вероятно ты заметила, что я и уехал из Петербурга, этот раз уже в тебя влюбленный. После нашей крупной ссоры я мог брюзжать и, укладываясь в дорогу, быть нетерпеливым (это уж мой характер), но в то же время я начал в тебя влюбляться и тогда же дал себе в этом отчет, даже подивился. Во время нашего девятилетнего супружества я был влюблен в тебя раза четыре или пять...»[2]

За полтора года до смерти, в Эмсе, в августе 1879 года, Достоевский «убедился», что «Аня» «единая» его «госпожа», и это «после 12-ти лет»[3]. В шумные волнительные и напряженные июньские дни 1880 года, когда Достоевский произнес свою знаменитую Пушкинскую речь на открытии памятника Пушкину в Москве, провозгласив «бесспорно всеевропейское и всемирное назначение русского человека»,

[1] Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка.— С. 259, 260.

[2] Там же.— С. 222.

[3] Там же.— С. 293.

он ни на минуту не забывал о любимой женщине — «дорогой, желанной и бесценной»[1], как писал Достоевский Анне Григорьевне в тот же день после Пушкинской речи.

Эта речь была его лебединой песней, его духовным завещанием, последним лучом его столь поздней славы.

Дочь Федора Михайловича пишет в немецком издании своей книги: «Достоевский вернулся победителем в Старую Руссу, где мы жили летом. «Как жаль, что тебя не было в Дворянском собрании,— сказал он своей жене.— Как я сожалею, что ты не видела моего успеха!» Верная принципу экономии, моя мать не решилась сопровождать своего супруга в Москву. Она начала уговаривать его, как только предоставится возможность, снова ехать в Эмс, чтобы пройти свой обычный курс лечения, но Достоевский больше не думал о лечении. Он был занят тем, что писал тот единственный в своем роде номер «Дневника писателя» 1880 года, который вышел в августе и имел громадный успех. Достоевский хотел закрепить новую мысль, высказанную им на Пушкинском празднике... Достоевский надеялся, что сможет пройти курс лечения в сентябре, но потом отказался от своей поездки за границу, так как был утомлен волнениями, связанными с его триумфом и политической борьбой. Он думал, что сможет обойтись один год без Эмса. Ах, он не предполагал, насколько был уже подорван его бедный организм! Его железная воля, идеал, горевший в его сердце и наполнявший его воодушевлением, ввели его в заблуждение в отношении своих физических сил; на самом деле, физические силы его всегда были незначительными...»[2]

Но это не совсем точно. Достоевский не заблуждался «в отношении своих физических сил»: он знал, что эмфизема легких, полученная им еще на каторге, быстро прог-

---

[1] Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка.— С. 347.

[2] Dostojewskaja L. F. Dostojewski, geschildert von seiner Tochter.— S. 291.

рессирует. Знала и Анна Григорьевна (ей сказал об этом ее родственник, доктор М. Н. Сниткин, осмотревший по ее просьбе Ф. М. Достоевского в конце 1879 года), хотя и не предполагала столь быстрого конца... Быть может, если бы Достоевский не поехал на Пушкинский праздник, то он бы продлил себе жизнь еще на пару лет. И Анна Григорьевна предвидела заранее, что в Москве его ждут «тревожные дни». Но она не препятствовала поездке мужа на открытие памятника Пушкину в Москве. Переписывая в старорусской тиши речь Достоевского, она поняла, что эта речь действительно его духовное завещание, что ради нее он, может быть, и творил всю жизнь и всю жизнь ждал этой минуты. Предчувствия снова не обманули ее. «Искренняя радость при мысли, что наконец-то Россия поняла и оценила высокое значение гениального Пушкина, — вспоминала Анна Григорьевна, — и воздвигла ему в «сердце России», Москве, — памятник; радостное сознание, что он, с юных лет восторженный почитатель великого народного поэта, имел возможность своею речью воздать ему дань своего поклонения; наконец, упоение от восторженных, относившихся к его личному дарованию, оваций публики, — все соединилось для того, чтобы создать для Федора Михайловича, как он выразился, «минуты величайшего счастья». Рассказывая мне о своих тогдашних впечатлениях, Федор Михайлович имел вдохновенный вид, как бы вновь переживая эти незабвенные минуты»[1].

А Достоевский, произнеся свою знаменитую речь, сразу же рвется к Анне Григорьевне, чтобы поведать любимой женщине о своем торжестве.

О последних днях, часах и минутах жизни Достоевского свидетельствует Анна Григорьевна в своей записной книжке 1881 года (вот где пригодилось ее пристрастие к подробностям и мелочам): «...любил лес, пусть все продают, а я не продам, из принципа не продам, чтоб не безле-

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 366.

сить Россию. Пусть мне выделят лесом[1], и я его стану растить и к совершеннолетию детей он будет большим.

В пятницу 23 янв<аря> (1881 г.), когда он выражал свою заботу о моем здоровье, я сказала ему: отпусти ты меня с детьми в Ревель, а сам поезжай в Эмс. Когда вернешься, то вместе и поедем доживать лето в Старую Руссу, на три недели, так как придется из-за детей раньше вернуться. — А, так ты так хочешь, ну так и поезжай, а у меня на это лето были совсем другие мечты. — Какие же мечты, скажи мне. — А вот мои мечты: теперь у нас есть кой-какие деньги, да Дневник даст кое-что, наберется тысяч 12—15, мы и купим то подмосковное <имение>, о котором тебе писали прошлым летом. Чего не достанет, то я займу, право займу, этак тысяч пять, если не здесь, то в Москве, напр<имер>, у Лаврова[2]. Он даст мне наверно, и мы отлично их выплатим ему потом. Ну так поеду в Эмс, а ты поедешь в имение и будешь там хозяйничать, проживем до осени, а там сюда. Ты и дети отлично поправитесь.

Всегда мечтал об имении, но непременно спрашивал: есть ли лес? На пахоту и луга не обращал внимания, а лес, хотя бы небольшой, в его глазах составлял главное богатство имения...»[3]

В статье «На углу Кузнечного и Ямской. (Последняя квартира Достоевского и явка народовольцев)» В. А. Твардовская, рассказывая о том, что народоволец А. И. Баранников, живший в том же самом доме, где помещалась последняя петербургская квартира Достоевского, был

---

[1] По особому распоряжению о земельном имуществе тетки писателя А. Ф. Куманиной, скончавшейся в 1871 г., Достоевский в январе 1881 г. был введен во владение частью ее рязанского имения.

[2] Вукол Михайлович Лавров (1852—1912) — журналист и переводчик, издатель журнала «Русская мысль». Достоевский в письме к Анне Григорьевне от 27 мая 1880 г. называл его своим «страстным, исступленным почитателем».

[3] ИРЛИ, № 30773/CCXIXб3.

арестован в январе 1881 года, делает вывод: «Конечно, известие об аресте соседа Достоевский должен был воспринять особенно остро, если он приметил его, общался с ним. Но даже если писатель и вовсе не был знаком с жильцом из соседней квартиры, то и тогда арест и обыск в его доме не могли не потрясти Достоевского — человека с обостренной впечатлительностью и необычайным воображением...

Из записей А. Г. Достоевской в рабочей тетради виден распорядок воскресного дня 25 января 1881 года. До обеда Достоевский ездил в типографию. Вернулся в половине седьмого, обедал, пил кофе, писал письмо Каткову. «Вечером, — фиксирует Анна Григорьевна, — ходил гулять, а затем...» Здесь запись открытым текстом обрывается и следуют стенографические значки, пока не расшифрованные. Что было «затем» — после вечерней прогулки, накануне той ночи, когда у Достоевского пошла горлом кровь, — не известно и из воспоминаний Анны Григорьевны, хотя опиралась мемуаристка на свои дневниковые записи. Восстанавливая события 25 января, она не воспользовалась зашифрованными строчками.

Не исключено, что именно во время прогулки Достоевский мог узнать об аресте жильца из одиннадцатой квартиры...

26 января, в понедельник, в засаду, оставленную полицией в доме на углу Кузнечного и Ямской, попал пришедший к Баранникову член Исполнительного комитета «Народной воли» Николай Колодкевич.

Первую половину этого дня Достоевский чувствовал себя получше — кровотечение приостановилось. Но к вечеру (около 5 часов) возобновилось с новой силой. А. Г. Достоевская в письме к Н. Страхову 21 октября 1883 года объяснила это тяжелым разговором писателя с сестрой В. М. Ивановой о наследстве богатой родственницы. Все же, по-видимому, Достоевского угнетали не только семейные раздоры и заботы о будущем детей, но и то, что про-

исходило в доме. Возможно, слух о новом аресте проник в квартиру писателя и усугубил его нездоровье»[1].

Однако это ошибочный вывод. Прежде всего, это недостоверно психологически. Трудно представить, чтобы человек такой железной воли, каким называл, например, Достоевского в ссылке Александр Егорович Врангель или дочь Любовь Федоровна, человек, прошедший каторгу и ссылку, стоявший на эшафоте в ожидании смерти, когда жить ему оставалось, как он сам писал, «не более минуты», — вдруг так был «потрясен» арестом и обыском в его доме, что у него началось кровотечение, а еще один арест «усугубил его нездоровье» и фактически привел к смерти.

Еще более невозможно представить тот факт, что Достоевский, проживший с Анной Григорьевной душа в душу четырнадцать лет, никогда ничего не скрывавший от нее (письма его к жене достаточно убедительно об этом свидетельствуют), утаил от нее самое важное — причину ухудшения состояния, то есть что он узнал об аресте в его доме революционера и у него поэтому от волнения началось кровотечение.

Но, может быть, Достоевский все-таки сказал об этом своей жене, а она побоялась указать на эту причину смерти мужа в своих «Воспоминаниях»? Но «Воспоминания» Анна Григорьевна закончила в 1916 году — неужели через тридцать пять лет Анна Григорьевна «испугалась» написать о том, что причиной смерти Достоевского был арест народовольца в его доме? Конечно, нет. Ведь Анна Григорьевна не отступила перед более тяжелыми вещами: в «Воспоминаниях» она целую главу посвятила гнусной клевете Страхова, появившейся в печати, будто Достоевский, как и его герои Свидригайлов и Ставрогин, совершил тяжкое преступление — растлил малолетнюю девочку.

[1] Твардовская В. А. На углу Кузнечного и Ямской. Последняя квартира Достоевского и явка народовольцев//Лит. газ.— 1982.— 3 ноября.

Согласитесь, для женщины, боготворившей своего мужа, считавшей его идеалом нравственности, вдруг прочесть такое, да еще писать об этом в своих мемуарах, — страшно, гораздо страшнее ареста народовольца. Запись «Вечером ходил гулять, а затем...» уже давно расшифрована ленинградской стенографисткой Ц. М. Пошеманской. Достоевский страдал расстройством желудка и часто ходил в туалет (Анна Григорьевна обозначала это словом «дело») — в данном случае после прогулки он тоже пошел в туалет. Вполне естественно, что, когда Анна Григорьевна писала свои воспоминания, «она не воспользовалась зашифрованными строчками».

Вот подробная запись Анны Григорьевны в ее записной книжке 1881 года о воскресном дне 25 января 1881 года: «...Воскресенье только что встал как пришел Майков, говорили об окончании Дневн<ика>, о февральском Дневн<ике>, что хочет писать. О собрании, бывшем у Грота по поводу того, куда девать остаток от Пушк<инского> памятника[1]. Пришел Орест Миллер[2], пришла Катерина Ип<п>олитовна[3]. Затем разговор о перемене программы и о том, чтоб ему не читать Онегина[4], которого прочтет вместо него Герард[5] с <Лауниц>[6]. Фед<ор> Мих<айлович> был недоволен, почти обижен, но затем мы стали его уговаривать, чтоб он выбрал другое, и он мало-помалу согласился. Выбрал...[7]

---

[1] Академик-филолог Яков Карлович Грот (1812—1893) был членом комитета по устройству памятника Пушкину в Москве.

[2] Миллер Орест Федорович (1833—1889) — историк литературы.

[3] Жена двоюродного брата Анны Григорьевны врача М. Н. Сниткина.

[4] Достоевский должен был выступить на вечере памяти Пушкина 29 января 1881 г.

[5] Герард Владимир Николаевич (1839—1903) — известный адвокат.

[6] В объявлении о вечере в «Новом времени» сказано, что В. Н. Герард должен был читать вместе с любительницей А. Ф. Лауниц.

[7] Здесь пропуск. По свидетельству О. Ф. Миллера, Достоевский согласился прочесть «Пророка», «Странника», из «Подражания Корану», «Из Данта».

Ушел Майков, Фед<ора> Мих<айловича> вызвала я проститься с Катер<иной> Ип<п>ол<итовной>. Та ему сказала, что он будто сердитый. Он очень удивился, и сказал ей: вот лучше не жить с людьми, тут Бог знает, как занят человек, ему тяжело и грустно, и люди тотчас придумают, что он сердится. Да ведь я пошутила, ответила ему К<атерина> И<пполитовна>. Затем пошел гулять до обеда, именно поехал в типографию отдать последний листок Дневника, прося завтра же прислать корректуру. Воротился в 1/2 7-го, мы в это время сходили на полчаса к Кашпиревой[1] и воротясь сели обедать. За обедом все время говорили о Пиквикс<ком> клубе, вспоминали все подробности, рассказывали ему, а затем я спросила, кто же был этот актер. Мистер Джингль[2], сказал Фед<ор> Мих<айлович>. После обеда пошел пить свой кофей, а затем сел писать свое письмо к Каткову[3], а написав, позвал меня и прочел его мне. Между прочим, он упомянул, что, может быть, это его последняя просьба, я на это со смехом сказала, что вот будешь писать опять Карамаз<овых>, опять будем просить вперед. Вечером ходил гулять, а затем <было дело>»[4].

Анна Григорьевна не скрывала причину смерти Достоевского. Его сестра, Вера Михайловна Иванова, обратилась к нему с просьбой отказаться в пользу сестер от своей доли в доставшемся ему по наследству от умершей тетки Куманиной рязанском имении. По воспоминаниям дочери писателя, между братом и сестрой произошел бурный разговор о куманинском наследстве. Достоевский

[1] Софья Сергеевна Кашпирева (? — после 1917 г.) — редактор и издательница детского журнала «Семейные вечера».

[2] Герой романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба».

[3] Неточно. Это письмо от 26 января 1881 г. к редактору «Русского вестника» Н. А. Любимову, в котором Достоевский просит выслать ему остаток гонорара за напечатанный в журнале роман «Братья Карамазовы».

[4] ИРЛИ, № 30773/CCXIX63.

не хотел отказываться от рязанского имения, зная, что у него подрастают дети. Через тридцать пять лет Анна Григорьевна говорила писателю А. Измайлову, что, освободившись за год до смерти от долгов, Достоевский «мечтал о маленьком имении, которое и обеспечило бы детей, и сделало бы их, как он говорил, почти некоторыми участниками в политической жизни Родины»[1]. Но особенно потрясло Достоевского, что об этом с ним приехала говорить его любимая сестра.

Об этом же крупном разговоре писателя с В. М. Ивановой Анна Григорьевна рассказала в письме к Н. Н. Страхову от 21 октября 1883 года, а в своей записной книжке 1881 года указала, что В. М. Иванова действительно была у Достоевского, только в судороге предсмертных дней мужа спутала и указала не понедельник 26 января 1881 года, а вторник 27 января: «...Во вторник была Штакеншнейд<ер>[2], Орест Миллер, ходила за виноградом, ел икру с бел<ым> хлебом, пил молоко. Был Кошлаков[3], а после него Бретцель[4], разъехались... Вечером Верочка и Павел Александ<рович>...»[5]

Наконец, решающим доказательством, что главной причиной, ускорившей смерть Достоевского, был его разговор с В. М. Ивановой, является отзыв умирающего писателя о сестрах после его причащения — отзыв, который Анна Григорьевна, записав частично стенографически, не решилась даже весь расшифровать:

«...<Я причастился, исповедался, а все-таки не могу рав-

---

[1] Измайлов А. А. У А. Г. Достоевской.

[2] Штакеншнейдер Елена Андреевна (1836—1897) — хозяйка литературного салона.

[3] Кошлаков Дмитрий Иванович (1835—1891) — терапевт, профессор Медико-хирургической академии.

[4] Бретцель Яков Богданович (1842—1918) — врач, лечивший писателя.

[5] ИРЛИ, № 30773/CCXIXб3. И. Волгин в работе «Последний год Достоевского» (Дружба народов.— 1985.— № 6) ошибочно принял «Верочку» — Веру Михайловну Иванову — за жену П. А. Исаева, которую звали Надежда Михайловна.

нодушно подумать о сестрах.> Какие они несправедливы»[1]. Можно представить себе, как на Достоевского подействовал разговор с сестрой, если даже после причащения он не успокоился.

Однако в «Воспоминаниях», работу над которыми Анна Григорьевна завершила в 1916 году, она не стала называть фамилию В. М. Ивановой и рассказывать о ее неприятном разговоре с Достоевским, ускорившем его смерть. Сделала это Анна Григорьевна из чисто этических соображений: еще были живы трое детей В. М. Ивановой. В «Воспоминаниях» Анна Григорьевна сообщила лишь о первом кровотечении мужа в ночь с 25 на 26 января 1881 года, начавшемся после того, как он отодвинул тяжелую этажерку, чтобы найти вставку с пером.

Узнав из газет, что Достоевский «сильно занемог», его восторженная почитательница графиня Елизавета Николаевна Гейден написала утром 28 января 1881 года Анне Григорьевне письмо, прося сообщить о его здоровье. Вечером Достоевский стал диктовать (сам писать он уже не мог) Анне Григорьевне ответ Е. Н. Гейден — историю своей болезни. Это было его последнее письмо: «26-го числа в легких лопнула артерия и залила, наконец, легкие. После 1-го припадка последовал другой, уже вечером, с чрезвычайной потерей крови и с задушением. С 1/4 <часа> Фед<ор> Мих<айлович> был в полном убеждении, что умрет; его исповедали и причастили. Мало-помалу дыхание поправилось, кровь унялась. Но т<ак> к<ак> порванная жилка не зажила, то кровоистечение <может начаться опять. И тогда, конечно, вероятна смерть. Теперь же

---

[1] Там же. Расшифровка Ц. М. Пошеманской. И. Волгин в работе «Последний год Достоевского» (Дружба народов.— 1984.— № 1), учитывая ошибку, допущенную В. А. Твардовской с расшифровкой воскресной записи Анны Григорьевны от 25 января 1881 года, но не зная этой расшифровки Ц. М. Пошеманской, придерживается того же ошибочного вывода о якобы «сокрытии» Анной Григорьевной факта ареста народовольца в их доме как главной причины, ускорившей смерть писателя.

он в полной памяти и в силах, но боится, что опять лопнет артерия>»[1].

Через три часа Достоевского не стало. На часах было 8 часов 38 минут вечера. На календаре — 28 января 1881 года. В день смерти Достоевский разбудил жену рано утром: «Знаешь, Аня, — сказал Федор Михайлович полушепотом, — я уже часа три как не сплю и все думаю, и только теперь сознал ясно, что я сегодня умру»[2]. Анна Григорьевна уверяет мужа, что он будет жить, но он прерывает ее: «Нет, я знаю, я должен сегодня умереть. Зажги свечу, Аня, и дай мне Евангелие!»[3] Это было Евангелие, подаренное Достоевскому тридцать лет назад в Тобольске женами декабристов по дороге в омскую каторгу. В трудные минуты жизни Достоевский любил открывать это Евангелие наугад и прочитывал то, что открывалось на левой странице.

Он открыл Евангелие, но прочесть уже не было сил. И Анна Григорьевна прочла (открылась третья глава от Матфея): «Иоанн же удерживал его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду». «Ты слышишь — «не удерживай» — значит, я умру, — сказал муж» и прибавил: «Помни, Аня, я тебя всегда горячо любил и не изменял тебе никогда»[4].

Достоевский позвал детей и «говорил с ними о том, как они должны жить после него, как должны любить мать, любить честность и труд, любить бедных и помогать им»[5].

---

[1] ГБЛ, ф. 93/III, карт. 9, ед. хр. 103. Опубликовано с неточностями в «Лит. наследстве», т. 86. Начиная со слов «может начаться...» Анна Григорьевна записала стенографически — расшифровала Ц. М. Пошеманская.

[2] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 375.

[3] Там же.

[4] Там же.— С. 375—376.

[5] Суворин А. С. О покойном//Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников.— Т. 2.— С. 416.

Анна Григорьевна весь день ни на минуту не отходит от умирающего. Он держит ее руку в своей и шепчет: «Бедная... Дорогая... с чем я тебя оставляю... бедная, как тебе тяжело будет жить!..»[1]

Из записной книжки 1881 года Анны Григорьевны видно, что последние мысли Достоевского относятся к жене и к детям: «<Иногда мне вдруг кричал из своей комнаты>: Ты спишь, нет, до свидания, я тебя люблю. И я тебя также». «Все деньги твои, нотариус подписал повестки, подписал доверенность (как бы не обидеть детей)»[2].

Это были последние слова в записной книжке Анны Григорьевны 1881 года, относящиеся к еще живому Достоевскому.

Писатель Б. Маркевич, присутствовавший при кончине Достоевского, вспоминает: «Жена его билась в безумном отчаянии пред ним на коленях. Она припадала к его безжизненно спустившейся с дивана руке, со словами молитвы, с раздиравшим душу стоном, попеременно вырывавшимися у нее из груди... Двое детей их, сын и дочь, тут же на коленях торопливо, испуганно крестились. Девочка в отчаянном порыве кинулась ко мне, схватила меня за руку: «Молитесь, прошу вас, молитесь за папашу, чтоб, если у него были грехи, бог ему простил!» — проговорила она с каким-то поразительным, недетским выражением, и залилась истерическими слезами. Я ее, всю дрожавшую ознобом, увел из кабинета, но она вырвалась из моих рук и убежала опять к умирающему; между тем как А. Н. Майков усиленно уговаривал ее мать отойти от него, успокоиться хотя на миг... Она повиновалась, наконец, чтобы дать волю своим рыданиям, «чтоб *он* не слышал их»... «О, *кого* я теряю, *кого* я теряю!» могла она только выговорить, падая в кресло в другой комнате...

Мы дали ей напиться воды... «Ведь ему жить хотелось еще, жизнь только начинала улыбаться ему, — прорыва-

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 377.
[2] ИРЛИ, № 30773/CCXIXб3.

лись у нее слова, — он надеялся еще многое сказать... И дышать стали мы легче... И вот!.. Он мне сегодня сказал: «Весь век мой бился я и работал как вол из-за хлеба насущного; думал, наконец, будет чем детей на ноги поставить, и умираю, оставляя их нищими»[1].

(Из всех, кто приходил к Анне Григорьевне, чтобы ее утешить в эти тяжелые дни, лишь один Страхов «не сумел ей ничего сказать».)

Похороны великого писателя стали историческим событием: почти тридцать тысяч человек провожали его гроб в Александро-Невскую лавру. Смерть Достоевского каждый русский человек переживал как национальный траур и личное горе.

Но для Анны Григорьевны смерть мужа была настоящим потрясением: «...ясно я сознавала лишь одно, что с этой минуты окончилась моя личная, полная безграничного счастья жизнь и что я навеки осиротела душевно. Для меня, которая так горячо, так беззаветно любила своего мужа, так гордилась любовью, дружбою и уважением этого редкого по своим высоким нравственным качествам человека, утрата его была ничем не вознаградима. В те поистине страшные минуты расставания мне казалось, что я не переживу кончины мужа, что у меня вот-вот разорвется сердце (так оно усиленно билось в моей груди) или что я сойду теперь же с ума... Я лишилась лучшего в мире человека, составлявшего радость, гордость и счастье моей жизни, мое солнце, мое божество!»[2]

---

[1] Маркевич Б. Несколько слов о кончине Ф. М. Достоевского //Моск. ведомости.— 1881.— 1 февр.

[2] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 379, 385.

ДОЛГ И ОБЯЗАННОСТЬ

В год смерти Достоевского Анне Григорьевне исполнилось 35 лет, но она сочла свою женскую жизнь конченой. Когда ее спрашивали, почему она вторично не вышла замуж, она искренно возмущалась: «Мне это казалось бы кощунством», а затем шутила: «Да и за кого можно идти после Достоевского? — разве за Толстого!»[1]

Анна Григорьевна целиком посвящает себя служению великому имени Достоевского. И можно смело утверждать, что ни одна жена писателя не сделала столько для увековечения памяти своего мужа, для пропаганды его творчества, сколько Анна Григорьевна. Она считала, что это ее долг и обязанность.

Письма Анны Григорьевны, написанные ею после смерти Достоевского — поразительные документы ее беспредельной любви к нему. Через два с половиной месяца после смерти мужа она писала его младшему брату Андрею Михайловичу Достоевскому: «...не знаю, как благодарить Вас за Ваше теплое, сочувственное письмо, полученное мною после смерти Федора Михайловича. Большое Вам спасибо. Я знаю, что оно шло от искреннего сердца и что Вы сами горько жалеете бедного Федора Михайловича и нас, которые так много с ним потеряли. Простите меня, что я не тотчас ответила на Ваше письмо: но Вы не поверите, до чего я была потрясена и убита моим несчастьем, так неожиданно меня поразившим. Да и теперь я не могу опомниться и поверить, что его уже нет на свете и что прежнее никогда более не вернется. Вы сами знали, многоуважаемый Андрей Михайлович, какую пре-

[1] Измайлов А. А. У А. Г. Достоевской.

красную дружную семью мы с ним представляли и какой он был удивительный муж и отец. Для меня он всегда был богом, лучшим человеком и выше и дороже его для меня не было никого на свете. Теперь вспоминаешь всю прежнюю жизнь, и так горько и обидно, что уже прежнего ни за что не воротишь. Особенно в эти великие дни тяжело (пасха.— *С. Б.*): мы привыкли встречать этот праздник вместе с Федором Михайловичем, и так пусто и печально делается, когда припомнишь, что его уже нет с нами. И все делается тяжелее, чем дальше, тем больше. Я очень расстроила свое здоровье за эти три месяца: ночей не сплю, кошмары, мало ем, нервы расстроены до невозможности. А тут страшная работа по расплате с подписчиками («Дневника писателя».— *С. Б.*), по сведению всех счетов, а тут официальные визиты. Просто иной раз думаешь, что сходишь с ума. Разумеется, то сочувствие, которое мне выказывают со всех сторон, очень меня утешает...»[1]

Летом 1881 года Анна Григорьевна пытается уединиться в Крыму, но и это ее не спасает. «Я до того горюю, что иногда прихожу в отчаяние, — пишет она 22 июля 1881 года из Феодосии актрисе, жене драматурга Д. В. Аверкиева Ссфье Викторовне Аверкиевой.— Вспоминаю прежние счастливые годы и не могу поверить, что они более не вернутся. Я не могу примириться с мыслью, что никогда более не увижу, не услышу его. Я так надеялась на здешнее полнейшее уединение, я была уверена, что оно принесет мне пользу. И что же: уединение не только не помогло, но еще больше дало места воспоминаниям, тяжелым и грустным, сожалению и почти отчаянию. Не знаю, что с собой и делать!..»[2]

Анна Григорьевна отказалась принять финансовую помощь на похороны мужа от министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова, «считая своею нравственною

---

[1] Переписка А. Г. Достоевской с современниками/Публикация С. В. Белова//Байкал.— 1976.— № 5.— С. 137.

[2] Там же.

обязанностью похоронить мужа на заработанные им деньги», и отказалась от его предложения обучать своих детей на казенный счет, твердо решив, что ее дети «должны быть воспитаны не на счет государства, а на труды их отца, а затем — труды матери». «К моей большой радости, мне удалось выполнить взятую на себя обязанность, — пишет Анна Григорьевна, — и дети мои были воспитаны впоследствии на средства, получаемые от изданий полного собрания сочинений их отца. Я глубоко убеждена, что, отказавшись от помощи на погребение и от помощи на воспитание детей, я поступила так, как поступил бы мой незабвенный муж...»[1]

Когда министр финансов сообщил Анне Григорьевне, что Александр II назначил ей с детьми ежегодную пенсию в две тысячи рублей «в благодарность за услуги, оказанные ее покойным мужем русской литературе», то она, совсем забыв, что Достоевский уже умер, тотчас поспешила в его кабинет, чтобы сообщить ему радостную весть: теперь его дети и она обеспечены...

Мария Николаевна Стоюнина, рассказывая о событиях 1 марта 1881 года, когда Владимир Соловьев в своей речи 28 марта 1881 года протестовал против бесповоротного осуждения убийц Александра II и против смертного приговора над ними, свидетельствует, что Анна Григорьевна возмущалась выступлением Вл. Соловьева. Однако ее консерватизм, выразившийся в протесте против этой речи Вл. Соловьева, скандализовавшей правительство и самого обер-прокурора синода К. П. Победоносцева, причем Соловьева практически перестали допускать к публичным выступлениям, — не помешал вдове Достоевского неоднократно приглашать опального философа на организуемые ею вечера памяти писателя и сделать его их главной фигурой. Эти годовщины памяти писателя встречали резкое противодействие властей и самого Победоносцева. «Во вре-

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 382.

мя моего чтения пришло запрещение мне читать, — писал Вл. Соловьев И. С. Аксакову после одного из таких выступлений 19 февраля 1883 года, — так что это чтение принимается якобы не бывшее, и петербургские газеты должны умалчивать о вечере 19 февраля, хотя на нем было более тысячи человек... И все это наш друг К. П. Победоносцев...»[1]

Характерно, что Вл. Соловьев, несомненно знавший о реакции Анны Григорьевны на его выступление в защиту первомартовцев, продолжал испытывать к ней полное уважение и доверие не просто как к вдове своего любимого писателя, но и как к женщине, сделавшей для него необычайно много. А Анна Григорьевна после смерти Владимира Соловьева в 1900 году написала о покойном философе полные глубокой признательности слова: «Владимир Сергеевич Соловьев принадлежал к числу пламенных поклонников ума, сердца и таланта моего незабвенного мужа и искренно сожалел о его кончине. Узнав, что в память Федора Михайловича предполагается устройство народной школы, Владимир Сергеевич выразил желание содействовать успеху устраиваемых для этой цели литературных вечеров. Так он участвовал в литературном чтении 1 февраля 1882 года; затем в следующем году, 19-го февраля, произнес на нашем вечере в пользу школы (в зале Городского кредитного общества) речь, запрещенную министром и, несмотря на запрещение, им прочитанную, и имел у слушателей колоссальный успех. Предполагал Владимир Сергеевич участвовать в нашем чтении и в 1884 году, но семейные обстоятельства помешали ему исполнить свое намерение. По поводу устройства этих чтений мне пришлось много раз видаться и переписываться с Владимиром Сергеевичем, и я с глубокою благодарностью вспоминаю его постоянную готовность послужить памяти моего мужа, всегда так любившего Соловьева и столь много

---

[1] Соловьев Вл. Письма.— Т. 4.— Пг., 1923.— С. 19.

ожидавшего от его деятельности, в чем мой муж и не ошибся»[1].

В 1887 году Анна Григорьевна обратилась к Победоносцеву с просьбой помочь участнице Парижской коммуны Анне Васильевне Корвин-Круковской, которую так хорошо знал, ценил и любил Достоевский. В связи с покушением на Александра III (1 марта 1887 года) власти решили выслать из России мужа Анны Васильевны, французского революционера, видного деятеля Парижской коммуны, журналиста Шарля-Виктора Жаклара, имеющего связи с русскими подпольными организациями. Жаклар получил предписание министра внутренних дел в течение трех дней покинуть Россию, взяв с собой жену, которая была больна. Узнав об этом, Анна Григорьевна сразу же поехала к Победоносцеву с просьбой походатайствовать об отсрочке Жаклару. Но она понимала, что речь идет об известном революционере, и уверенности, что Победоносцев выполнит ее просьбу, не было. Поэтому 2 апреля 1887 года Анна Григорьевна на всякий случай решила написать еще жене Победоносцева:

«Глубокоуважаемая Екатерина Александровна!

Ради бога простите меня, что в эти великие дни (пасха. — *С. Б.*) я хочу беспокоить Вас моею просьбою. Я не решилась бы сделать это, если б дело не было для меня так важно. Вот в чем дело: в Петербурге живет одна моя старинная знакомая А. В. Жаклар-Корвин, урожденная Корвин-Круковская. Она замужем за французом и имеет сына. Муж ее жил большей частью в Париже, но месяца четыре тому назад приехал в Петербург к больной жене, с целью устроить дела, продать принадлежащий жене дом и увезти жену за границу.

На днях, именно 22 марта, он получил предписание выехать из России в течение трех дней. Не зная за собой вины, он бросился во французское посольство, которое

---

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 458—459.

и выхлопотало ему отсрочку на 12 дней, до понедельника, 6 апреля. Г-жа Жаклар уже давно и опасно больна брайтовой болезнью; известие о высылке мужа усилило болезнь, и она почти безнадежна. Положение ее поистине трагическое: за выездом мужа она останется одна, сильно больная, с маленьким сыном, не имея около себя родных, так как единственная ее сестра г-жа Ковалевская (проф. в Стокгольмском университете) не может к ней приехать. Г-ну Жаклару также страшно оставлять ребенка и больную жену в такое время, когда присутствие близкого человека особенно важно и дорого. Сегодня я застала больную в таком отчаянии, что решилась, как мне это ни тяжело, беспокоить Вас.

Моя чрезвычайная просьба к Вам следующая: попросите глубокоуважаемого Константина Петровича написать к графу Толстому[1] или г. Грессеру[2] о том, чтобы г-ну Жаклару дозволили прожить здесь еще недели 2—3. В это время французское посольство, как оно ему обещало, выхлопочет ему разрешение остаться здесь, так как он ни в чем не замешан и не подвергался обыску или аресту. Этим временем и жена его настолько оправится (может быть), что он увезет ее с собой.

Я знаю, что я много прошу, но знаю и то, что влияние глубокоуважаемого Константина Петровича так велико, что достаточно его нескольких слов, чтобы устроить это дело.

Я вполне понимаю, что поступаю неделикатно, беспокоя Вас, глубокоуважаемая Екатерина Александровна, и Константина Петровича в те немногие дни, когда он хотел быть вдали от дел и людей. Я долго колебалась, писать ли Вам, но решила, что грешно мне будет, если я в эти великие дни не сделаю попытки успокоить и утешить

---

[1] Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889) — министр внутренних дел и шеф жандармов.

[2] Грессер Петр Аполлонович (1833—1892) — петербургский градоначальник.

опасно больную, которую и Федор Михайлович, и я всегда искренно любили. Даже отложить письма я не имела возможности, так как в понедельник 6-го он должен уехать, если ему не будет дана отсрочка.

Простите же меня, Екатерина Александровна, и попросите глубокоуважаемого Константина Петровича на меня не сердиться за мою просьбу и исполнить ее, если это будет возможно...

В случае, если просьба моя будет неприятна и неудобна глубокоуважаемому Константину Петровичу, я усерднейше прошу мне отказать и на меня не сердиться»[1].

Энергичное вмешательство Анны Григорьевны возымело свое действие, и департамент полиции, по ходатайству Победоносцева, дал Жаклару отсрочку в 10 дней.

В день похорон Достоевского Анна Григорьевна дала обет посвятить «всю остальную» свою жизнь популяризации его творчества. «Судьба дала мне, обыкновенной женщине, — говорила она писателю А. Измайлову, — бесконечное счастье быть женою великого человека и, конечно, я чувствую и свои обязанности»[2].

Многообразен и велик труд жены писателя после смерти Достоевского. Прежде всего, Анна Григорьевна семь раз выпускает полные (по тем временам, конечно) собрания сочинений Достоевского (первое издание — 1883 г., последнее — 1906 г.). Их блестящий успех, явившийся для Анны Григорьевны совершенно неожиданным (хотя Достоевский ей неоднократно говорил, что его поймут и оценят только после его смерти), снова и снова возвращал ее память к прошлому: «Но при всем довольстве ус-

---

[1] К. П. Победоносцев и его корреспонденты.— Т. 1, полутом 2.— М.; Пг., 1923.— С. 681—682.

[2] Измайлов А. А. У А. Г. Достоевской.

пехом издательства меня часто раздражала и мучила мысль: зачем эти большие средства явились так поздно, когда уже нет на свете моего дорогого мужа? Как много радости доставили бы они ему одною утешительною мыслью, что дети его не останутся без образования, что семья, после его смерти, не впадет в нищету. Лишний десяток тысяч дал бы мужу возможность спокойно работать и, может быть, хоть раз в жизни написать художественное произведение не торопясь, не портя его, как приходилось портить многие из-за всегдашней нашей необеспеченности. В литературе и в обществе часто сравнивают произведения Достоевского с произведениями Тургенева и других писателей и восторгаются стройностью и ювелирной обточенностью их романов в сравнении с романами мужа. И редко кому приходит мысль взвесить те обстоятельства, при которых жил и работал тот и другой автор. В то время, когда другие писатели, пользовавшиеся хорошим здоровьем и обеспеченные состоянием или службою, могли отделывать, переписывать и исправлять по несколько раз свои произведения, мой муж, страдавший двумя тяжкими болезнями, обремененный семьей, кругом в долгах, был всегда озабочен думами о насущном хлебе, о средствах к существованию. Была ли какая возможность при таких обстоятельствах обдумывать и отделывать свои произведения? Сколько раз случалось, что первые три главы романа были уже напечатаны, четвертая набиралась в типографии, следующая шла по почте в редакцию, а остальные были еще не написаны, а только задуманы. И как часто Федор Михайлович, прочтя напечатанною главу своего романа, вдруг ясно видел свою ошибку и приходил в отчаяние, сознавая, что испортил задуманную вещь.

— Если б можно было вернуть, — говаривал он, — если бы глава не была еще напечатана и я мог бы ее исправить! Теперь я вижу, в чем затруднение, вижу, почему мне не удается роман. Я, может быть, этою ошибкой вконец убил мою «идею»!

И это была истинная скорбь художника, увидевшего, в чем он ошибался, и не имеющего возможности исправить ошибки! Да, к несчастью, никогда не представлялось ему такой возможности: нужны были деньги для жизни, для уплаты долгов, а потому приходилось, несмотря на болезнь, иногда на другой день после приступа эпилепсии, с отуманенной головой, садиться за работу, спешить, если просматривать рукопись, только бы она была послана к сроку и можно было бы получить за нее гонорар...»[1]

Первое полное собрание сочинений писателя Анна Григорьевна выпускает в 14 томах, причем в него были включены все художественные произведения, а также часть писем и отрывки из записной книжки Достоевского. Пожалуй, самым интересным в этом издании был 1-й том, куда вошли «Материалы для жизнеописания Достоевского» О. Миллера и «Воспоминания о Достоевском» Н. Страхова. В шестое издание, приуроченное к 25-й годовщине со дня смерти Достоевского, Анна Григорьевна впервые включила фрагменты «Исповеди Ставрогина» и отрывки из записной тетради к «Бесам».

Таким образом, инициативе Анны Григорьевны мы обязаны не только первым полным собранием сочинений Достоевского, но и его первой биографией,— как с полным правом можно назвать «Материалы для жизнеописания Достоевского», принадлежащие профессору Петербургского университета О. Ф. Миллеру. Проникшись сознанием, что эта биография Достоевского должна быть как можно более полной, Анна Григорьевна развивает кипучую деятельность и привлекает к участию в составлении биографии всех, кто знал писателя, и прежде всего родных и друзей ее мужа. «Недавно писал мне Орест Федорович Миллер, биограф Федора Михайловича, — сообщает Анна Гри-

---

[1] Достоевская А. Г. 1881 г. Первое полное собрание сочинений Ф М. Достоевского/Публикация С. В Белова//Книга Исслед. и материалы.— Сб. 23.— М., 1972.— С. 199—200.

горьевна младшему брату писателя А. М. Достоевскому, — и просил меня написать Вам и убедительнейше просить Вас сообщить ему, какие Вы знаете подробности о детстве Федора Михайловича. И я тоже обращаюсь к Вам с этою же просьбою: запишите, что Вы помните из детства Федора Михайловича, и пошлите Оресту Федоровичу...»[1] А через полгода Анна Григорьевна уже благодарит А. М. Достоевского за воспоминания, «послужившие памяти Федора Михайловича»: «С истинным удовольствием прочла я Вашу тетрадь, переданную мне Орестом Федоровичем. В этой тетради так живо отразилась вся Ваша семья, а вместе с тем и Федор Михайлович. Орест Федорович говорит, что он многое почерпнет из того, что Вы написали...»[2]

Врач Степан Дмитриевич Яновский, говоривший, что «Федор Михайлович 40 лет был для него тот человек, в котором он постоянно видел идеал правды, чести и любви к ближнему и которого он любил и уважал беспредельно»[3], по просьбе Анны Григорьевны сообщил ей целый ряд ценнейших фактов, касающихся молодости Достоевского.

Кроме полных собраний сочинений, с 1881 по 1908 год Анна Григорьевна выпускает целый ряд отдельных произведений писателя, причем устанавливает особый тип дешевых книг, предопределяя в какой-то мере появление аналогичных изданий русских классиков в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции.

Анна Григорьевна впервые составляет сборник произведений Достоевского или отрывков из них для детей и юношества («Русским детям», 1883; «Выбор для детей школьного возраста», 1887; «Достоевский для детей», 1897), преследуя важную цель — сделать книги писателя доступными именно этой категории читателей, о чем мечтал и

---

[1] ИРЛИ, $\frac{56}{56}$.

[2] Там же.

[3] Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы.— Сб. 2.— С. 379.

сам Достоевский. «Я хочу просить Вас отнестись благосклонно к изданным мною отрывкам, — обращается Анна Григорьевна к члену ученого комитета министерства народного просвещения драматургу Д. В. Аверкиеву, — и, если не рекомендовать и не одобрить, то хоть разрешить их к употреблению в ученических библиотеках. Прошу сделать это в память покойного Федора Михайловича. Его произведения почти совершенно неизвестны в школьных и народных библиотеках, и это, право, печально, так как многие отрывки из его произведений вполне понятны и детям, и народу...»[1]

Переписка Анны Григорьевны по поводу выпуска сочинений Достоевского показывает, что она совмещала в своем лице и корректора, и издательницу, и редактора; занималась поисками типографий; отвечала за книгопродажу; была бухгалтером, и переписчицей, и составительницей рекламных объявлений; вела всю переписку с подписчиками. Через шесть лет после выхода первого полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского Анна Григорьевна писала 5 января 1889 года его брату: «...как ни грустно сознаваться, а видишь, что силы с каждым годом убывают, а работы и забот прибавляется. Меня все обвиняют, будто я сама наваливаю на себя работу, а между тем это не так: сочинения покойного Федора Михайловича расходятся чрезвычайно быстро и приходится делать издание за изданием. Вот я издала дешевое издание в 12 тыс. и думала, что мне его хватит надолго; теперь уже у меня 6 тыс. подписчиков, а чрез полгода, пожалуй, и все 12 тыс. наберутся. Поневоле начнешь издавать новое. Не имею я права, ни нравственного, ни иного, останавливать распро-

---

[1] Государственная публичная библиотека им. М. Е Салтыкова-Щедрина (далее ГПБ), арх. Аверкиева, № 13.

странение сочинений, а следовательно, и идей покойного мужа...

Да это было бы ничего, если б была одна работа, а то сколько самых разнородных забот лежит на мне: воспитание детей, хозяйство, денежные дела, хлопоты по школе, внешние сношения с людьми и проч. и проч.... Не подумайте, глубокоуважаемый брат, что я жалуюсь на судьбу: моя доля одна из самых завидных, и была, и есть. Мне хотелось только поговорить с Вами по душе, как с человеком, который всегда относился ко мне братски и дружески...»[1]

Было бы ошибкой считать, что Анна Григорьевна не понимала значения вступительных статей к издаваемым ею полным собраниям сочинений Ф. М. Достоевского. Нет, она прекрасно разбиралась и в идеях мужа, и в тех критических работах, которые эти идеи пропагандируют. В 1906 году Анна Григорьевна обратилась к писательнице С. И. Смирновой: «...позвольте мне напомнить Вам наше знакомство, бывшее еще при жизни моего мужа, Федора Михайловича, и вместе с тем обратиться к Вам с чрезвычайно важною для меня просьбою. Дело вот в чем.

Два года тому назад я предприняла издание П. С. Сочинений покойного мужа (шестое, в 14 томах) и рассчитывала закончить его к 25-летию со дня его кончины. К сожалению... мне удалось выдать лишь 12 томов; остальные же два — предполагаю выпустить в свет осенью.

Ознакомившись по сочинению: «Л. Толстой и Достоевский» со взглядами Д. С. Мережковского на талант и деятельность моего покойного мужа, я обратилась к нему с просьбою написать биографический очерк для этого юбилейного издания. Дмитрий Сергеевич выразил согласие,

---

[1] ИРЛИ, $\frac{56}{56}$.

но, занятый другими своими работами, не мог доставить мне статьи ранее марта этого года. Когда я прочла принесенную рукопись,.. то поняла, что очерк невозможно поместить в Полном Собрании Сочинений, так как убеждения, приписанные Д. С. Мережковским моему мужу, совершенно не соответствовали истинным его убеждениям. Мое мнение было подкреплено тем тяжелым впечатлением, которое эта статья произвела на почитателей таланта Федора Михайловича, бывших на чтении Д. С. Мережковского в зале Тенишевского училища. После лекции ко мне приходили и писали знакомые и незнакомые и упрашивали не печатать этой статьи при П. С. Сочинений, как «противоположной всем тем идеям, которые высказывал покойный писатель». Я говорила по поводу этого с Д. С. Мережковским; он хотел смягчить статью, сделать некоторые поправки, но так как сущность оставалась та же, то мне пришлось отказаться от мысли поместить очерк в П. С. Сочинений...

Теперь я поставлена в очень затруднительное положение и хочу усерднейше просить Вас, глубокоуважаемая София Ивановна, мне помочь, именно: я хочу просить Вас написать биографический очерк о незабвенном Федоре Михайловиче,— очерк, который я могла бы поместить в первом томе П. С. Сочинений. Вы лично знавали моего мужа, читали его произведения, и я убеждена, что, при Вашем таланте, Вам не трудно будет написать о нем биографический очерк. Форма очерка зависит вполне от Вас...

Мне представляется, глубокоуважаемая София Ивановна, что Вам самой, может быть, было бы не совсем неприятно написать очерк о Федоре Михайловиче: ведь Вы знаете, как он Вас уважал и любил; знаете, как высоко ставил Вашу литературную деятельность и как много ожидал от Вашего прекрасного таланта. Читая Ваши статьи в «Новом времени», я часто думаю, как бы был доволен покойный мой муж, если б жил теперь, видя, какие умные и оригинальные мысли Вы высказываете. Сколько раз мне

приходило в голову, что в наше смутное время только Вы одн<а>, может быть, могли бы выяснить нашей читающей публике сущность и истинное значение произведений Федора Михайловича, так много предугадавшего в современной действительности...»[1]

Полные собрания сочинений Достоевского, изданные Анной Григорьевной, имели большой резонанс,— настолько большой, что в 1893 году знаменитый издатель самого популярного в России иллюстрированного журнала «Нива» Адольф Федорович Маркс предложил Анне Григорьевне выпустить полное собрание сочинений Достоевского в качестве литературного приложения к «Ниве». Она знала, что «Нива» со своими литературными приложениями проникла в самые отдаленные места России (тираж ее в 1893 году составил 120 тысяч экземпляров) и, конечно, могла только мечтать о таком массовом издании. (У нее был средний тираж 6000 экз.) «Меня прельстила мысль широкого распространения идей Федора Михайловича,— вспоминает Анна Григорьевна,— чего я не могла бы достигнуть даже самыми крупными объявлениями и рекламами. Люди с средним достатком, конечно, не могли стать подписчиками наших изданий, и мне было жаль не воспользоваться случаем — дать возможность произведениям Достоевского проникнуть в эти доселе малодоступные им слои общества»[2].

Конечно, Анна Григорьевна получала прибыль от своих изданий, да и А. Ф. Маркс уплатил ей довольно большую сумму за продажу ему прав на полное собрание со-

---

[1] ИРЛИ, ф. 285, № 126. Частично опубликовано Н. Н. Мостовской в сб.: Достоевский. Материалы и исследования.— Сб. 4.— Л., 1980.— С. 273.

[2] Достоевская А. Г. Продажа прав «Ниве»/Публикация С. В. Белова//Книга. Исслед. и материалы.— Сб. 32.— М., 1976.— С. 149.

чинений писателя. Но слухи о ее «богатстве» были явно преувеличены, а главное, те, кто их поддерживал, не подозревали, что прибыли идут на другие ее «достоевские» дела. «Меня всегда смешит, когда мне говорят о моем «богатстве», — писала Анна Григорьевна В. В. Розанову 27 октября 1907 года. — Да никакого богатства у меня нет. Все достатки мои я тратила и трачу на старорусскую школу, Музей и издания, а сама живу в высшей степени скромно. Но если я и сделала что-либо в память моего милого мужа, то делала из благодарности за счастливую проведенную с ним жизнь и за те часы высокохудожественного наслаждения, которое я всегда испытываю при чтении его произведений. Но даю Вам слово, что мне никогда в голову не приходило размышлять о том, как отнесутся к моим поступкам посторонние люди: для меня моя совесть была лучшим судьею, и, положа руку на сердце, я могу сказать, что я посвятила всю свою жизнь на служение Федору Михайловичу и его памяти...»[1]

Из «достоевских» мемориальных дел, осуществленных Анной Григорьевной, кроме выпуска его произведений, самым весомым является организация в Старой Руссе церковноприходской школы имени Ф. М. Достоевского для бедных крестьянских детей с общежитием для учащихся и учителей. По инициативе Анны Григорьевны в 1882 году начался сбор средств на нее.

Денег оказалось недостаточно, и Анна Григорьевна организует в Петербурге ряд литературных вечеров с участием Вл. Соловьева, А. Н. Плещеева, Д. В. Аверкиева, К. К. Случевского, О. Ф. Миллера, А. А. Потехина, актеров В. С. Андреева-Бурлака, В. И. Васильева 1-го, Д. М. Леоновой. Все сборы идут на старорусскую школу. Она до-

---

[1] Переписка А. Г. Достоевской с современниками//Байкал.— 1976.— № 5.— С. 141—142.

бивается передачи школе денег, оставшихся после сооружения, по ее инициативе, памятника-надгробия на могиле Достоевского в Александро-Невской лавре, пишет бесконечные письма в синод и лично К. П. Победоносцеву с просьбой помочь школе, наконец, сама вносит в ее фонд 3200 рублей.

Тридцатого октября 1883 года в Старой Руссе открылась школа имени Ф. М. Достоевского. Ее попечительницей стала Анна Григорьевна, а заведующим друг писателя И. И. Румянцев. Через месяц после этого события Анна Григорьевна писала К. П. Победоносцеву: «Желающих поступить в эту школу оказалось более восьмидесяти мальчиков, преимущественно крестьян окрестных деревень; из них, за недостатком помещения и средств, было принято лишь 45. В числе желающих учиться было много девочек, принять которых школа не нашла возможным. Ввиду необходимости прийти на помощь женскому образованию беднейшего населения г. Старой Руссы я, как попечительница вышеозначенной школы, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство назначить из сумм святейшего синода триста рублей на основание и поддержание женского отделения при церковноприходской школе имени Ф. М. Достоевского»[1].

Вдова Достоевского принимала самое деятельное участие в повседневной жизни учебного заведения, снабжала его всеми необходимыми учебниками и книгами; она добилась увеличения государственных субсидий школе, сама ежегодно делала в ее фонд значительные отчисления от издания произведений писателя. Внимательно следила за судьбой всех тех, кто так или иначе был связан со старорусской школой, и помогала им по мере возможности. Касалось это и преподавателей (так, после смерти И. И. Румянцева в 1904 году Анна Григорьевна хлопочет о единовременном пособии и пенсии его тяжело больной

[1] ИРЛИ, 30566.

дочери), и воспитанников, многие из которых приезжали к ней в Петербург, и она никогда не отказывала им в поддержке и совете.

Старорусская школа имени Ф. М. Достоевского стала любимым детищем Анны Григорьевны. В январе 1890 года здание сгорело. «Вы верно читали о несчастии, которое меня постигло, — писала она С. В. Аверкиевой, — сгорел (школьный) дом, который я выстроила для старорусской школы. Убытку более 5 тыс., но теперь мне придется много хлопотать, чтобы поднять школу, а для этого придется просить, просить и просить. Я в большом горе и унынии...»[1]

Анна Григорьевна начинает упорную борьбу за постройку нового здания. Обращаясь к министру государственных имуществ, она даже приводит свой подсчет, сколько и каких нужно всего бревен на строительство здания. В 1891 году предпринимает выпуск нового полного собрания сочинений Достоевского в 12 томах, чтобы перевести весь доход в фонд учебного заведения.

И школа имени Ф. М. Достоевского снова возродилась. А вскоре значительно расширилась и стала двухклассной женской с шестигодичным сроком обучения. Выпускницы старорусской школы имени Ф. М. Достоевского (до 1917 года из ее стен вышло более тысячи учениц) работали в деревнях учительницами. После Великого Октября школа имени Ф. М. Достоевского была преобразована в единую трудовую школу.

И еще два замечательных «культурных дела» осуществила в Старой Руссе Анна Григорьевна. По просьбе русских врачей и Д. И. Менделеева вдова писателя отводит половину помещения школы имени Ф. М. Достоевского для золотушных детей, которых лечили старорусскими мине-

---

[1] ГПБ, ф. 6, арх. Д. В. Аверкиева, ед. хр. 33.

ральными водами, а в доме, где они жили с мужем в 1870-е годы (Анна Григорьевна выкупила его у своего брата), в кабинете писателя она создала своеобразный музей. Большой почитатель Достоевского, детский писатель А. В. Круглов, посетивший дом Достоевского в Старой Руссе в 1895 году, отмечал: «В комнате почти все стены увешаны портретами Федора Михайловича. Перед вами Достоевский в разные периоды его жизни... Тут же стоит стол, за которым работал покойный писатель, и его кресло...»[1] Стремясь сохранить этот дом для потомков, Анна Григорьевна в конце XIX века, не трогая прежней планировки, укрепляет и обновляет его, как бы предвидя, что настанет время и этот дом станет настоящим музеем.

В своем «Духовном завещании», составленном в 1886 году, Анна Григорьевна специально оговаривает: «Принадлежащий мне дом в г. Старой Руссе Новгородской губернии по реке Перерытице завещаю сыну моему, Федору Достоевскому, но с тем, чтоб он никогда его не продавал, а в случае невозможности его поддерживать, пожертвовал его для устройства в нем приюта, богадельни или какого-либо благотворительного учреждения»[2].

Старорусской школе имени Ф. М. Достоевского Анна Григорьевна завещает 8000 рублей, а детям своим Любе и Феде — литературные права на сочинения их отца.

Незадолго до смерти она говорила врачу З. С. Ковригиной: «С чувством надо бережно обращаться, чтобы оно не разбилось. Нет в жизни ничего более ценного, как любовь. Больше прощать следует — вину в себе искать и шероховатости в другом сглаживать. Раз навсегда и бесповоротно выбрать себе бога и служить ему на протяжении всей жизни. Я отдала себя Федору Михайловичу, когда мне было

---

[1] Круглов А. В. Поездка в Старую Руссу//Исторический вестник.— 1895.— № 4.— С. 134.

[2] ИРЛИ, 30458.

18 лет (20. — *С. Б.*). Теперь мне за 70, а все еще только ему принадлежу каждой мыслью, каждым поступком. Памяти его принадлежу, его работе, его детям, его внукам. И все, что хоть отчасти его — мое целиком. И нет и не было для меня ничего — вне этого служения...»[1]

С той поры как 4 октября 1866 года Неточка Сниткина пришла в дом купца Алонкина, не было ни одного дня в ее жизни, чтобы она не служила во славу Достоевского.

Анна Григорьевна действительно «принадлежала» Достоевскому «каждой мыслью, каждым поступком». И «служение» ему имело самые разнообразные формы: и стремление дать детям бедных родителей образование, и посылка бесплатно произведений Достоевского в самые разные библиотеки России, и благотворительная помощь — пожертвования на открытие народных библиотек-читален. Одиннадцатого мая 1881 года она писала председателю Комитета Литературного фонда Виктору Павловичу Гаевскому: «...не знаю, как благодарить Вас за Ваше внимание. Я слишком понимаю, что успешным окончанием дела я всецело обязана Вам. Без Вас дело отложилось бы в долгий ящик, и девочка, по бедности своих родных, а пожалуй, и по их некоторой беспечности осталась бы без образования. Комитет сделал истинно доброе дело и достойно почтил память Федора Михайловича. Я донельзя довольна и рада...»[2]

Но главное, всегда и везде, в любое время, неуемный интерес ко всему, что имеет отношение к писателю. Своих родных, друзей и знакомых она просит присылать ей все попадающиеся им заметки и статьи о Достоевском на русском языке, а тех, кто едет за границу, — на иностранных языках. Уже в начале 1880-х годов Анна Григорьевна твердо решила открыть когда-нибудь в Петербурге и Москве музей Достоевского и составить указатель его сочинений

---

[1] Ковригина З. С. Последние месяцы жизни А. Г. Достоевской.— С. 585—586.

[2] ГПБ, арх. В. П. Гаевского, ед. хр. 108.

и литературы о нем, начиная с появления в 1846 году в печати самого первого произведения —«Бедные люди» (это казалось ей всегда знаменательным — ведь она сама родилась в 1846 году).

С неустанным рвением и с подлинной заботой как о величайшем культурном достоянии, следит Анна Григорьевна за сохранением всего, что связано с именем Достоевского. Поэтому, решив укрепить и обновить старорусский дом, она пишет в 1897 году дочери в Старую Руссу: «...обрати внимание на следующую мою просьбу. Внизу в первой комнате был старый чемодан и в нем хранились пачки с письмами мамы и Ивана Григорьевича (брата. — *С. Б.*). Ввиду разрушения следовало бы привезти их обратно. Кстати, как вы решили насчет портретов папиных? Если вещи будут перенесены в школу, то следовало бы купить сундук и уложить портреты и все мелкие вещи... Надо позаботиться и о книгах и разных бумагах, которые хранились в папином шкафу с зеленой занавеской. Неужели все эти вещи, письма и книги пропадут...»[1]

В конце XIX века Анна Григорьевна едет в Европу, чтобы побывать снова в тех местах, где были молодожены Достоевские в 1867—1871 годах. В Базеле она долго стоит перед картиной Ханса Хольбейна Младшего «Мертвый Христос», которая произвела такое «подавляющее впечатление» на писателя. В Дрездене пробыла несколько дней, «и если б ты знала, — сообщала она дочери, — как я была счастлива. Я обошла все улицы и переулки, все сады и галереи, где когда-нибудь была с Федором Михайловичем, обедала на Брюлевой террасе и над Эльбой... Воспоминания так на меня и нахлынули, и хоть мне и было грустно, но я была счастлива...»[2]

Но даже путешествуя по местам своей молодости, Анна Григорьевна никогда не сидит без «достоевского» дела:

---

[1] ИРЛИ, $\frac{30412}{\text{ССХ III б}}$.

[2] Там же.

она проверяет корректуру нового собрания сочинений. Не пропускает ни одного события, связанного с именем Достоевского. Ее глубоко взволновала вдохновенная игра великой Ермоловой в спектакле Малого театра «Идиот». Одного из авторов инсценировки, В. А. Крылова, она просила передать Марии Николаевне свое восхищение. В антракте Ермолова написала ей записку: «Многоуважаемая Анна Григорьевна! Мне сейчас передал В. А. Крылов ваш лестный отзыв за роль Настасьи Филипповны. Счастлива и горжусь, если хоть немного удалось приблизиться к духу великого художника. Большое Вам спасибо. М. Ермолова. 1899 г.»[1]

Как и Ф. М. Достоевский, она всегда ценила человека за его нравственные и душевные качества, а не за то место, которое он занимал в обществе. «...Как могли Вы подумать, что я обвиняю Вас в житейской пошлости, — возмущалась Анна Григорьевна в письме к одному своему высокопоставленному знакомому, — свойственной особам необразованным: сегодня знаем, а завтра отвернулись. Да стала ли бы я знаться с таким человеком. Неужели я простила бы Вам небрежность или неуважение, потому что Вы человек влиятельный? Я вполне независима, никого и ничего мне не надо, и я знаю человека за то, что он есть, — а не за те выгоды, которые я могу извлечь из него...»[2]

Характерно отношение Анны Григорьевны к Софье Андреевне Толстой. Узнав об успешном издании сочинений Ф. М. Достоевского, Софья Андреевна Толстая решила последовать этому примеру. В феврале 1885 года она приехала в Петербург к Анне Григорьевне, и с этого времени их переписка и дружеские встречи продолжались целых двадцать пять лет. В ноябре 1885 года Софья Анд-

[1] Коган Г. «Счастлива и горжусь»//Лит. Россия.— 1984.— 8 ноября.

[2] ИРЛИ, 30715/CCXV165.

реевна, выполняя просьбу Льва Николаевича спасти от тяжелой кары его последователя А. П. Залюбовского, арестованного за отказ от военной службы по религиозным мотивам, обратилась, находясь в Петербурге, за помощью к Анне Григорьевне. Та специально поехала к жене начальника главного штаба графине Е. Н. Гейден, — к той самой графине Гейден, к которой Достоевский диктовал свое предсмертное письмо 28 января 1881 года. Благодаря этому «толстовец» Залюбовский был направлен в дисциплинарный батальон, а затем, по болезни, и совсем освобожден от военной службы.

В 1886 году Анна Григорьевна разрешила Толстому выпустить в руководимом им издательстве «Посредник» главу о старце Зосиме из «Братьев Карамазовых», а в 1905 году — включить в свой знаменитый «Круг чтения» отрывки из «Записок из Мертвого дома». П. А. Сергеенко, который вел переговоры с Анной Григорьевной по поводу «Круга чтения», записал в своем дневнике: «Дородная седая старушка с крупными прямыми чертами. Приветлива, проста и обходительна. Очень обрадовалась, что могла быть полезной Льву Николаевичу. Начала рассказывать, как страстно хотел Достоевский познакомиться с Львом Николаевичем»[1].

Но и сама Анна Григорьевна в письмах к Софье Андреевне, передавая каждый раз сердечный привет Льву Николаевичу, писала: «Если бы Вы знали, как мне хотелось бы увидеть его! Он мне дорог как родной»[2]. Мечта Анны Григорьевны исполнилась. В феврале 1889 года она посетила Толстого в Москве. В письме к сыну указывала, что Лев Николаевич был к ней «донельзя добр и нежен и совсем <ее> обворожил»[3].

---

[1] Шифман А. Из переписки С. А. Толстой и А. Г. Достоевской //Нева.— 1983.— № 2.— С. 166.

[2] Там же.— С. 163.

[3] Ланский Л. Р. Коллекция автографов А. Г. Достоевской.— С. 58.

Л. Н. Толстой, увидев Анну Григорьевну впервые, нашел, что она удивительно похожа на мужа. А прощаясь, Лев Николаевич сказал: «Многие русские писатели чувствовали бы себя лучше, если бы у них были такие жены, как у Достоевского»[1]. Конечно, в этих словах Толстого звучал явный укор собственной жене. Заметим, что в мемуарной и биографической литературе о писателе много говорилось о «семейной драме» Толстых, и главной виновницей ухода Толстого из Ясной Поляны считали Софью Андреевну.

Анна Григорьевна, у которой никогда не возникало «идейного» раздора с Достоевским, но которая знала, что значит быть женой гения, почувствовала и «правду» Софьи Андреевны. Незадолго до смерти Анна Григорьевна говорила: «Что бы ни писали, ни говорили о Софье Андреевне эти «писаки» — не верьте им и помните, что Софья Андреевна была глубоко несчастным человеком»[2].

Узнав о кончине Толстого, Анна Григорьевна в тот же день направила письмо Софье Андреевне в Ясную Поляну: «Глубокочтимая, дорогая графиня Софья Андреевна! Не нахожу слов, чтобы выразить Вам ту глубокую скорбь, которую я испытала, узнав, что Вашего прекрасного мужа, гениального Толстого, нет более на свете.

Я имела невыразимое счастье один раз видеть гр. Льва Николаевича и до конца жизни не забуду добрых проникновенных слов, сказанных им о моем покойном муже, и тех строк, которые он написал Н. Н. Страхову по поводу его произведений. Да успокоит господь чистую душу Вашего доброго мужа!

Кончина Льва Николаевича — великая потеря для всей

---

[1] Ковригина З. С Последние месяцы жизни А. Г. Достоевской.— С. 587. З. С. Ковригина ошибочно относит эту встречу с Толстым к последним годам жизни Толстого и ошибочно называет местом встречи Ясную Поляну.

[2] Там же. — С. 587.

России, но как тяжела она для Вас, моя бедная, многолюбимая графиня Софья Андреевна! Как много горя и страданий душевных вынесли Вы в эти скорбные последние дни! Я без слез не могла читать описание того, как Вы мучаетесь и страдаете, не имея возможности быть у постели гр. Льва Николаевича, добрым гением которого Вы были всю его жизнь.

Ведь если Вашему почившему мужу довелось прожить до 83-х лет, то этим вся Россия обязана Вам, его ангелу-хранителю, Вашим неустанным заботам и Вашей горячей любви к нему. И вот Вас-то, всю жизнь любившую и нежно любимую жену посторонние отстранили в последние его дни, лишили его счастья Вас видеть, лишили и Вас печального утешения походить за больным и успокоить его. Мое сердце полно негодования и презрения к людям, которые это сделали. Разве правдоподобны их уверения, что Ваш приход мог взволновать гр. Льва Николаевича; радость увидать ту, с которою он прожил почти полвека, могла лишь благотворно повлиять на его выздоровление, а не нанести ему вред. Глубоко печально было такое безжалостное отношение к Вам, и я от всего сердца сочувствую Вашему горю. Молю господа, чтобы он дал Вам силы перенести это ниспосланное свыше испытание.

Мы с Вами много лет не видались, и возможно, что Вы забыли меня. Но Вы навсегда остались в воспоминаниях моих как одна из лучших женщин, когда-либо встреченных мною в жизни...»[1]

В конце XIX века Анна Григорьевна начинает работу по созданию собственных мемуаров, посвященных ее жизни с Достоевским. В 1894 году она приступает к расшифровке своего стенографического заграничного дневника

---

[1] Шифман А. Из переписки С. А. Толстой и А. Г. Достоевской.— С. 167.

1867 года[1]. Правда, она не довела ее до конца, и это, как мы уже знаем, сделала через шестьдесят лет Ц. М. Пошеманская[2]. При жизни она не напечатала этот дневник, как не опубликовала ни воспоминаний своих, ни свою переписку с мужем, считая это нескромным. Мало того, она вообще просила «в случае моей смерти или тяжелой болезни» «уничтожить все стенографические тетради», «вовсе не хотелось, чтоб чужие люди проникали в нашу с Ф. М. семейную интимную жизнь»[3].

Однако в интервью различным корреспондентам Анна Григорьевна не настаивает на уничтожении стенографических тетрадей 1867 года; да она и сама этого не сделала, зная, что ни у одного писателя мира нет такого соответствия между личной жизнью и произведениями. Всякие сведения из его биографии служат одновременно комментарием к его творчеству, и, наоборот, художественные произведения комментируют биографию. Особенно наглядно это видно на примере «Игрока», где реальная Аполлинария Суслова сливается с Полиной, а также на примере такого автобиографического произведения, как «Записки из Мертвого дома», и романа «Униженные и оскорбленные», в главном герое которого — рассказчике Иване Петровиче — нетрудно увидеть черты самого писателя.

Прекрасно это понимая, Анна Григорьевна сделала в 1906 году на полях одного из экземпляров своего издания полного собрания сочинений целый ряд ценнейших, очень важных для достоевсковедения примечаний, показывающих соответствие между его произведениями и биографией, и снабдила эти свои примечания следующим предисловием: «Перечитывая произведения моего незабвенного мужа, я часто встречала в них черты из личной его жизни, его привычки, приписанные героям романа, обстоятельст-

---

[1] См.: Достоевская А. Г. Дневник 1867 г.

[2] См.: Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской/Публикация С. В. Житомирской//Лит. наследство.— Т. 86.— С. 155—290.

[3] Письма Ф. М. Достоевского к жене.— М., 1926.— С. IV—V.

ва, случившиеся с ним или с его семьей, и, главным образом, его личные мнения о многом, выраженные почти в тех же самых выражениях, в которых мне приходилось от него слышать. Мне показалось интересным отметить те страницы, в которых отразился Федор Михайлович»[1]. Может быть, именно поэтому она и сохранила стенографические заграничные тетради 1867 года.

В адрес Анны Григорьевны высказывались обвинения, что со страниц ее дневника перед нами встает не великий писатель, а обыкновенный человек, что, расшифровывая эти тетради, она подвергала их собственной цензуре. Однако авторы подобных обвинений не понимали цели и задачи записей, ошибочно подходили к Анне Григорьевне как к автору этих тетрадей.

Анна Григорьевна сама неоднократно говорила о том, и даже перед смертью, что «не только богом был для меня Достоевский, он был и человеком, во многом с обычными человеческими чертами и недостатками. Не всегда же он бывал велик! Часто, очень часто это был ребенок, больной, требовательный, капризный, неприспособленный к жизни. В такие минуты я брала на себя всю тяжесть жизни, все заботы лежали на мне, от него скрывались все невзгоды, материальные недостатки. Я даже болеть себе тогда не позволяла»[2].

Но понимая, что Достоевский «не всегда бывал велик», Анна Григорьевна знала, что «орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда до облак не подняться!». И в этом смысле дневник двадцатилетней девушки — хаотичный, нередко детски непосредственный, куда заносилось в беспорядке буквально все, — живой документ живого человека (Анна Григорьевна и сама могла быть и са-

---

[1] Примечания А. Г. Достоевской к сочинениям Ф. М. Достоевского //Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому.— М.; Пг., 1922.— С. 54.

[2] Ковригина З. С. Последние месяцы жизни А. Г. Достоевской.— С. 586.

молюбива, и горда, и протестовать против рулетки) о живом человеке, а именно живую жизнь больше всего и превыше всего ценил в человеке сам Достоевский, — единственный в своем роде литературный памятник.

Если же говорить об авторе этого памятника, в котором Достоевский был «не только богом», но и «человеком во многом с обычными человеческими чертами и недостатками», то самое-то существенное заключается в том, что несмотря на это, а точнее, даже благодаря тому, что Достоевский был живой человек, Анна Григорьевна «часто повторяла, что она «счастливейшая из женщин», и тон, каким говорились эти слова, не допускал ни малейшего сомнения в том, что это глубокая истина»[1]. И такое восприятие Анной Григорьевной Достоевского именно как живого человека, одинаковое их отношение к «живой жизни», к живому человеку как главному критерию для определения ценности человека и способствовало лучше всего его писательскому дару.

Вполне объяснима и собственная цензура автора при расшифровке дневника 1867 года. Анна Григорьевна берет только такие давнишние впечатления, какие, по ее мнению, представляют наибольший интерес: она переосмысливает многое, сопоставляя впечатления и эмоции юности с поздним опытом и знаниями. Со временем горькое и тяжелое стушевалось в памяти, заслоняясь светлым и радостным, а некоторые собственные чувства, оценки, переживания и высказывания 1867 года казались в 1894 году наивными, иногда слишком резкими и не всегда достойными упоминания.

Так, например, в нерасшифрованных записях был довольно резкий отзыв о пасынке Исаеве (и вполне заслуженный — сколько крови он попортил Анне Григорьевне, препятствуя ее попыткам создать свою семью, сохранив

---

[1] Ковригина З. С. Последние месяцы жизни А. Г. Достоевской. — С. 586.

Достоевского для творчества), а в расшифрованном тексте нет таких резких отзывов. Но ведь Анна Григорьевна не стала расшифровывать этот резкий отзыв в 1894 году прежде всего из этических соображений: был еще жив пасынок и двое его детей.

Примерно в то же время, когда Анна Григорьевна записала этот отзыв, она неоднократно пишет А. Н. Майкову, прося помочь Исаеву с работой, и в конце концов Майков устраивает его, а в 1886 году в «Духовном завещании» она выделяет большую сумму детям пасынка.

Но важно даже не это. Самое главное заключалось в том, что когда Анна Григорьевна говорила Л. Н. Толстому в феврале 1889 года: «Мой дорогой муж представлял собою идеал человека! Все высшие нравственные и духовные качества, которые украшают человека, проявлялись в нем в самой высокой степени. Он был добр, великодушен, милосерд, справедлив, бескорыстен, деликатен, сострадателен — как никто!»[1] — она была абсолютно искренна. Чем дальше уходило время, тем больше оставался Достоевский именно таким в ее памяти: и когда она в 1894 году приступила к расшифровке своих стенографических дневников, и когда стала готовить к печати свою переписку с мужем, и когда начала в 1911 году писать свои «Воспоминания». В начале XX века к этому добавилась и слава Достоевского.

В последний период своей жизни, в XX век, когда русские символисты и Московский Художественный театр заново «открыли» для России Достоевского, когда началось его триумфальное шествие по миру, Анна Григорьевна вступила с полным сознанием того непреложного факта, что писатель дал «незабываемые портреты и потрясающие факты, проникнутые жгучим социальным протестом и по праву вошедшие в мировую литературу в качестве ее классических образцов», что творчество Достоевского принадлежит всему человечеству.

[1] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 393.

«СОЛНЦЕ МОЕЙ ЖИЗНИ»

В 1900 году Анне Григорьевне исполнилось 54 года. Все двадцать лет после смерти Достоевского она неустанно трудилась во славу великого писателя. «Я живу не в двадцатом веке, я осталась в 70-х годах девятнадцатого,— говорила Анна Григорьевна своему первому биографу Л. П. Гроссману.— Мои люди — это друзья Федора Михайловича, мое общество — это круг ушедших людей, близких Достоевскому. С ними я живу. Каждый, кто работает над изучением жизни или произведений Достоевского, кажется мне родным человеком»[1]. По словам критика Н. Слонимского, хорошо знавшего Анну Григорьевну, «свою личность она ценила, поскольку она отражает личность мужа, поскольку она была женой Достоевского»[2].

Даже друзья и близкие воспринимали Анну Григорьевну только как жену Достоевского, а если и пытались отделить ее от имени писателя, то в конечном счете все непременно кончалось Достоевским. Давняя подруга Анны Григорьевны М. М. Бобрищева-Пушкина неоднократно говорила о ее «золотом сердце», называла Анну Григорьевну «из ряда выходящим человеком по голове и сердцу», а после лекций в Петербурге знаменитого священника и публициста Григория Петрова, где он часто вел речь о высоких нравственных идеалах Достоевского, М. М. Бобрищева-Пушкина признается Анне Григорьевне: «Я всегда радуюсь за тебя, когда слышу такое правильное толкование высокой души твоего покойного мужа,— жи-

---

[1] Гроссман Л. П. А. Г. Достоевская и ее «Воспоминания».— С. 14.

[2] Слонимский Н. Жена Достоевского//Новые ведомости.— Пг., 1918.— 3 авг.— № 127 (веч. вып.).

вой культ которого ты всегда носишь в своей душе»[1].

Этот же культ Достоевского она пыталась передать и своим детям. Четвертого февраля 1898 года Анна Григорьевна писала В. В. Розанову: «...Вы знаете, у меня было много тяжелого в жизни. Я сама прожила 14 лет с покойным мужем, не имея никакого обеспечения, обремененная чужими долгами, рассчитывая лишь на труд мужа и собственный, что всегда было так шатко. Я жила изо дня в день, закладывая вещи, работая не покладая рук, с ужасающею мыслью — чем все это кончится и что я буду делать с тремя детьми (осталось двое.— *С. Б.*), если умрет муж или не будет в состоянии работать. Бедный Федор Михайлович в день своей смерти говорил: «Тяжело умирать, оставляя детей нищими и без образования». И вот с божиею помощью все это устроилось, и хотя и с большими трудами, но я добилась для детей независимости в материальном отношении»[2].

Однако дети огорчали ее — тревожила их личная неустроенность. Сын Федя женился дважды, но оба раза неудачно. Правда, вторая жена принесла Анне Григорьевне двух внуков, и она была так же бесконечно счастлива, как полвека назад был счастлив Достоевский, когда стал отцом. И опять, как всегда и во всем: она думала прежде всего о том, что род Достоевского продолжается.

Федор Федорович, несомненно, обладал литературным талантом, но одна лишь мысль о том, что придется подписываться фамилией «Достоевский», приводила его в ужас (после такого отца быть писателем!), и он так и не решился что-нибудь напечатать, хотя сочинял и стихи, и рассказы. Но не проявлял интереса к тому, что делала Анна Григорьевна во славу Достоевского, и это ее ранило. Федор Федорович окончил гимназию в Петербурге, а затем два факультета Дерптского университета: юридический и

---

[1] ИРЛИ, $\frac{30003}{\text{ССХ!617}}$.

[2] ГБЛ, ф. 93, карт. 3, ед. хр. 4201.

естественный. Он всю жизнь служил по коннозаводству и считался одним из крупнейших в России специалистов в этой области.

Однако еще больше огорчала Анну Григорьевну дочь. Любовь Федоровна росла нездоровым ребенком, и значительная часть ее жизни прошла в различных, в основном заграничных, курортах и санаториях, где она лечилась от своих многочисленных недугов. Постоянная болезненность, неудачи в личной жизни сделали Любовь Федоровну неуживчивой, раздражительной и недоброжелательной. Как дочь Достоевского она не выдержала бремени славы. В то время как ее мать продолжала скромно и незаметно трудиться на благо великого имени — выпускала собрания сочинений писателя, организовывала музейные выставки, составляла библиографический указатель, бережно сохраняла его литературное наследие (именно Анне Григорьевне мы обязаны тем, что остались письма, рукописи и записные книжки Достоевского), — ее дочь все больше тянулась к великосветским салонам и совсем не интересовалась тем, что делает мать.

В отличие от своего брата, Любовь Федоровна решила все-таки печататься под фамилией «Достоевская». В начале века она выпускает романы «Адвокатка», «Эмигрантка» и сборник рассказов «Больные девушки». Однако литературное достоинство этих произведений было очень невысоким, и они могут представить интерес лишь потому, что принадлежат дочери великого русского писателя.

Анна Григорьевна переживала, конечно, что дочь ее так и не вышла замуж, не имела детей. Однако разлад их начался раньше и как раз по тем вопросам, которые для Анны Григорьевны являлись самыми принципиальными. В январе 1889 года на анкету «Мое признание» — «К какому народу желали бы вы принадлежать?» — Анна Григорьевна ответила «Несомненно, к русскому». Девятнадцатилетняя Любовь Федоровна написала: «К англичанам». Анна Григорьевна была потрясена. И так считала дочь Достоевского, который боготворил русский народ!

Поэтому Анна Григорьевна не очень удивилась, когда узнала, что, выехав в 1913 году, как обычно, за границу для лечения, дочь решила больше в Россию не возвращаться. (Мать только плакала, следя за судьбой дочери, и всех, кто приезжал из-за границы, расспрашивала: «Любу видели, как там Люба?») А Любовь Федоровна писала за границей на французском (!) языке книгу об отце. Но издавать ее не решалась. Она была уверена, что мать выступит с протестом, и издала ее только после смерти Анны Григорьевны. В этой книге «Достоевский в изображении его дочери» Любовь Федоровна, вопреки всем фактам и документам, вопреки просто логике и здравому смыслу, буквально в каждой главе, по любому поводу и без всякого повода, пишет, что ее отец не был русским, а был нормано-литовского происхождения.

Счастье, что Анна Григорьевна не дожила до этого позора.

В начале XX века значительно расширяется география «достоевских» дел Анны Григорьевны. Двадцать седьмого февраля 1902 года она обратилась к чиновнику особых поручений при обер-прокуроре синода В. И. Шемякину с просьбой оказать содействие в ремонте церкви и школы в селе Достоево Пинского уезда Минской губернии: «...примите эту бедную достоевскую школу под свое покровительство. Сделайте это в память Достоевского. Очень прошу Вас...»[1]

Анна Григорьевна составляет списки книг, входивших в состав библиотеки Достоевского в последний период его жизни, давая тем самым будущим исследователям неоценимый источник для изучения книжной культуры писателя.

В завещании в 1907 году она указывает на «дублеты», которые могут быть переданы в Академию наук, когда будет выстроен дом Пушкина, а в нем будет находиться

[1] Центральный государственный исторический архив СССР, фонд Училищного совета при синоде.

«Отдел Достоевского», и просит своих «наследников передать эти дублеты в Канцелярию Конференции Академии Наук, как <ее> дар в будущее собрание»[1].

Мечта создать Музей Достоевского отчасти сбылась в 1901 году, когда при Московском Историческом музее Анна Григорьевна создает специальный отдел — «Музей памяти Ф. М. Достоевского», как она его называла. Анна Григорьевна рассказывала критику К. Я. Эттингеру: «Еще при жизни покойного мужа я начала собирать все его рукописи, все газеты, где помещались его статьи или статья о нем. Вначале я собирала это исключительно для моих детей; мне хотелось, чтобы они имели все то, что связано с памятью об их отце. Затем, когда мое собрание разрослось и содержало уже свыше 1000 различных предметов, мне пришлось встретиться однажды с секретарем Московского Исторического музея Сизовым: он просил меня дать портрет Федора Михайловича для галереи Исторического музея. Тогда мне пришла мысль передать свои коллекции музею с тем, чтобы он предоставил для них отдельное помещение. Дирекция музея отвела мне одну из башен здания, где я и поместила свои собрания. Таким образом было положено основание «Музею памяти Федора Михайловича Достоевского» при Историческом музее в Москве.

С тех пор я начала относиться к своей задаче более серьезно. Мне хотелось, чтобы этот музей являлся не только собранием реликвий, но и пособием для всех, кто желал получить то или иное сведение о Достоевском. Для этого нужно было составить каталог. Это явилось для меня весьма трудной задачей, т. к. мой каталог должен был быть не простым перечнем предметов, а вообще справочной книгой о Ф. М. Достоевском»[2].

Анна Григорьевна блестяще справилась с этой «трудной задачей», выпустив в 1906 году «Библиографический

---

[1] ИРЛИ, р. 1, оп. 6, ед. хр. 74.

[2] К. Э. [Эттингер, К. Я.] У вдовы Достоевского//Биржевые ведомости.— 1906.— 30 янв.— № 9178 (веч. вып.).

указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском Историческом музее имени Александра III. 1846—1903»,— пожалуй, самое выдающееся из всего, что она сделала по отношению к памяти мужа.

«Библиографический указатель...», который Л. П. Гроссман назвал «уникумом русской литературной библиографии»[1], состоял из 395 страниц большого формата и включал около 5000 записей. О грандиозности замысла Анны Григорьевны можно судить по отделам указателя: I. а) Подлинные рукописи Ф. М. Достоевского. — в) Письма Ф. М. Достоевского к разным лицам. — с) Автографы Ф. М. Достоевского (печатные).— d) Книги с собственноручными заметками Ф. М. Достоевского; II Официальные документы, приказы, дипломы и печатные произведения, относящиеся к различным обстоятельствам жизни Ф. М. Достоевского; III. Полные собрания сочинений и отдельные издания сочинений Ф. М. Достоевского; IV. Журналы и сборники, в которых помещены произведения Ф. М. Достоевского. — Журналы и газеты, издававшиеся под его редакцией; V. Сочинения, журналы, сборники и газеты, в которых помещены статьи и заметки о Ф. М. Достоевском, его произведениях, портретах, бюстах и пр.; VI. Переводы сочинений Ф. М. Достоевского. — Статьи о его произведениях в иностранной литературе; VII. Портреты Ф. М. Достоевского; VIII. Портреты родственников Ф. М. Достоевского; IX. Портреты современников Ф. М. Достоевского, его друзей, имеющих отношение к его служебной и литературной деятельности; X. Бюсты Ф. М. Достоевского; XI. Виды местностей, зданий и пр., с которыми соединены воспоминания о Ф. М. Достоевском. — Снимки с любимых им произведений искусств и ноты нравившихся ему музыкальных произведений. — Книги, читанные им в детстве и в

[1] Гроссман Л. П. А. Г. Достоевская и ее «Воспоминания».— С. 12.

юности; XII. Иллюстрации к сочинениям Достоевского; XIII. Проекты памятника над могилою Ф. М. Достоевского. — Виды его могилы до и после постановки памятника; XIV. Венки и ленты от венков, возложенных на гроб Ф. М. Достоевского; XV. Вещи, принадлежавшие Ф. М. Достоевскому и его матери; XVI. Музыкальные произведения, стихотворения и сочинения, посвященные Ф. М. Достоевскому и его памяти; XVII. Издания для детского чтения, выбранные из сочинений Ф. М. Достоевского. — Издания «по Достоевскому». — Издания для народа, выбранные из сочинений Ф. М. Достоевского; XVIII. Драматические произведения, сюжеты которых заимствованы из романов Ф. М. Достоевского. — Отчеты о представлении этих произведений на сцене; XIX. Смесь; XX. Музей памяти Ф. М. Достоевского в имп. Российском Историческом музее имени Александра III в Москве.

Русская периодическая печать тепло встретила появление этой настоящей «достоевской» энциклопедии. «В собирании материалов, в приведении их в систематический порядок, в составлении указателя выдающаяся заслуга г-жи Достоевской пред русским обществом, — отмечал известный литературовед и библиограф А. Г. Фомин. — Позаботившись собрать и привести в систематический порядок все, относящееся к деятельности мужа, она выполнила свой долг пред обществом, ...воздвигла ему прекрасный, прочный памятник, подобно которому пока еще не воздвигла своему мужу ни одна из жен русских писателей»[1].

А Е. В. Тарле, получив от Анны Григорьевны «Библиографический указатель...», писал ей: «Это памятник не только великому человеку, но и любви, которой он был всегда окружен с Вашей стороны. За этот указатель Вам литература навсегда будет благодарна»[2].

---

[1] Исторический вестник.— 1907.— № 3.— С. 1054.

[2] Белов С. В. Неопубликованные письма академика Е. В. Тарле к А. Г. Достоевской//Пути в незнаемое.— Сб. 12.— М., 1976.— С. 406.

Над продолжением этого указателя и над пополнением «Музея памяти Ф. М. Достоевского» Анна Григорьевна работала до конца своей жизни. Журналист И. Забрежнев пишет о посещении этого «Музея»: «Я уходил, благоговея перед энергией этой уже почтенной женщины (А. Г. Достоевской.— *С. Б.*), единичными силами которой создано такое большое дело. В будущем русское общество оценит по достоинству великую заслугу перед ним Анны Григорьевны»[1]. Сам же «Музей памяти Ф. М. Достоевского» при Московском Историческом музее, созданный Анной Григорьевной, послужил основой для организации в 1928 году в Москве первого Музея-квартиры Достоевского в Советском Союзе.

Двенадцатого октября 1910 года Московский Художественный театр получил письмо от вдовы Достоевского: «Моей всегдашней мечтой было увидеть на сцене полное драматизма произведение моего дорогого мужа. К сожалению, до сих пор переделки его романов доставляли мне больше горя, чем радостей. Они не столько определяли достоинства произведений Достоевского, не столько выясняли созданные им типы, сколько искажали их. Даже исполнение переделок было, за немногим исключением, вполне заурядное. Мне всегда думалось, что задача объяснить публике Достоевского могла быть по плечу лишь Московскому Художественному театру, так много сделавшему для славы русского искусства. И вот, к моему большому счастью, Московский Художественный театр ставит «Братьев Карамазовых» и не в переделке (что бывает редко удачно), но почти целиком. Я особенно рада, что инсценируете его вы, неоднократно доказавшие, как много нового, талантливого и возвышенного можно было внести в это искусство. Ваша блестящая постановка позволяет мне еще раз благодарить вас за эту вашу прекрасную мысль. Я не сомневаюсь в громком успехе постановки «Карамазовых»

[1] Забрежнев И. Реликвии Достоевского//Новое время.— 1901.— 4 янв.

и могу лишь искренно пожалеть, что старость и неразлучные с ней немощи не дают мне возможности приехать в Москву. Утешаю себя надеждой, что будущей весной, когда Художественный театр перенесет свою деятельность в Петербург, я буду иметь случай насладиться игрой вашей замечательной труппы, горячей поклонницей которой я состою с давних пор. А. Достоевская»[1].

В апреле 1912 года, когда Московский Художественный театр гастролировал в Петербурге, Вл. И. Немирович-Данченко пригласил Анну Григорьевну посмотреть «Братьев Карамазовых». В антракте все участники спектакля захотели познакомиться с вдовой Достоевского. Вот как известный русский актер Л. М. Леонидов, исполнявший роль Дмитрия Карамазова, передает в своих воспоминаниях «неизгладимое впечатление» от встречи с Анной Григорьевной: «Вдруг подбегает ко мне пожилая женщина со следами былой красоты. Начинает меня гладить и говорит на очень истеричной, высокой ноте: «Вот, вот замечательно, это именно то, что думал Федор Михайлович. Ах, если бы он был жив, если бы он был жив!» И все это очень быстро, очень болезненно, очень, я бы сказал, однотонно, вроде как в бреду. Это продолжалось минут десять. Звонок, надо идти на сцену, а я-то растерялся, я не знал, что мне делать. Я увидел и услышал «что-то», ни на что не похожее, но через это «что-то», через эту десятиминутную встречу, через его вдову я ощутил Достоевского: сто книг о Достоевском не дали бы мне столько, сколько эта встреча. Я ощутил около себя дыхание его, Достоевского. Я убежден, что у него с женой всегда была такая атмосфера...»[2]

Анна Григорьевна была в таком восторге от спектакля, что после знакомства в антракте с В. И. Качаловым, иг-

[1] Письмо вдовы Ф. М. Достоевского — А. Г. Достоевской//Речь.— 1910.— 12 окт.

[2] Леонидов Л. М. Воспоминания, статьи, беседы, переписка, записные книжки...— М., 1960.— С. 126—127.

равшим Ивана Карамазова, пишет ему на следующий день благодарственное письмо, причем обращается к нему по имени персонажа, которого он исполнял: «Дорогой «Иван Федорович»!» Незадолго перед кончиной Анна Григорьевна вспоминала об этом спектакле: «Сидела в ложе и бога молила, чтобы он высшее счастье мне дал: здесь же, сейчас же, смерть послал. Исполнилось мое заветное желание — увидела живых моих «Братьев Карамазовых». Умереть с биноклем в руках, который подарил мне Федор Михайлович, — какая бы это была хорошая смерть!»[1]

С 1911 по 1916 год Анна Григорьевна писала свои «Воспоминания», которые изданы были уже после ее смерти, в советское время. Это наиболее достоверный, основанный на тщательно отобранных и проверенных фактах живой рассказ о Достоевском в самый плодотворный период его творчества, с 1866 по 1881 год, когда были созданы пять великих романов: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы». Еще в 1867 году, в трудную пору их первых семейных лет, Достоевский признавался жене: «Ты меня видишь обыкновенно, Аня, угрюмым, пасмурным и капризным; это только снаружи; таков я всегда был, надломленный и испорченный судьбой; внутри же другое, поверь, поверь!»[2]

Именно это «другое», «внутреннее», «истинное» и стремилась Анна Григорьевна передать в своих воспоминаниях. Этим и объясняется известная полемичность мемуаров жены Достоевского, да и она специально это подчеркивала: «Я часто недоумевала, как могла создаться легенда об его будто бы угрюмом, мрачном характере, легенда, которую мне приходилось читать и слышать от знакомых»[3]. А. А. Измайлов, встретившийся с вдовой Достоевского в 1916 го-

[1] Ковригина З. С. Последние месяцы жизни А. Г. Достоевской.— С. 583.

[2] Достоевский Ф. М. Письма.— Т. 2.— С. 7.

[3] Достоевская А. Г. Воспоминания.— С. 99.

ду, ко времени окончания ее работы над воспоминаниями, приводит ее слова: «...мои воспоминания — все это нужно для того, чтобы этого человека, наконец, увидели в настоящем свете. Воспоминания о нем нередко совершенно извращают его образ»[1].

Но эти последние слова и полемичность воспоминаний Анны Григорьевны направлены прежде всего и главным образом против гнусной клеветы философа и критика, «друга» Достоевского Н. Н. Страхова. В 1913 году, в самый разгар работы над своими воспоминаниями, Анна Григорьевна увидела вдруг в октябрьском номере журнала «Современный мир» впервые напечатанное письмо Страхова к Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 года, в котором страшное преступление Свидригайлова и Ставрогина Страхов приписал самому Достоевскому.

Анна Григорьевна была потрясена. «Какая неслыханная клевета! И от кого же она исходит? От нашего лучшего друга, от постоянного нашего посетителя, свидетеля на нашей свадьбе — от Николая Николаевича Страхова, который просил меня после смерти Федора Михайловича поручить ему написать биографию Достоевского в посмертном издании его сочинений. Если бы Николай Николаевич был жив, я, несмотря на мои преклонные годы, ударила бы его по лицу за эту низость!»[2]

Анна Григорьевна была так потрясена, что забыла самое главное: «Гений и злодейство две вещи несовместные». Но инсинуация Страхова омрачает ее последние годы. «...Я никак не могу избавиться от того гнетущего состояния, в которое меня повергла клевета Страхова, — сообщает Анна Григорьевна 2 марта 1915 года племяннику писателя А. А. Достоевскому. — Это сделалось каким-то для меня кошмаром, и я только тогда от него избавлюсь, когда, наконец, устрою протест, на котором подпишутся

---

[1] Измайлов А. А. У А. Г. Достоевской.

[2] Гроссман Л. П. Спутница Достоевского//Театральное обозрение.— 1921.— № 6.— С. 9.

человек 25, которые лично знавали Федора Михайловича и, конечно, возмущены клеветою...»[1]

Анна Григорьевна обратилась к целому ряду лиц, хорошо знавших Достоевского, с просьбой подписать протест и «тем помочь ей снять пятно с памяти ее дорогого мужа».

Протест подписали А. В. Круглов, С. В. Аверкиева, Ж. А. Полонская, Х. Д. Алчевская, А. А. Штакеншнейдер, С. С. Кашпирева, академик М. А. Рыкачев и др.[2].

Этот протест не был напечатан отдельно, а был положен Анной Григорьевной в основу специальной главы ее «Воспоминаний» «Ответ Страхову». Но и сами «Воспоминания» она в какой-то мере поворачивает против Страхова.

Полемикой со Страховым объясняется и тот факт, что Анна Григорьевна зачеркивала наиболее интимные места в письмах к ней Достоевского. Но порицать ее за это нельзя. Это предназначалось только ей, остальное — потомкам. И она оставила потомкам эти изумительные письма — свидетельство страстной любви и бесконечной преданности писателя. В письмах к жене Достоевский был открове-

---

[1] ГБЛ, ф. 93/II, карт. 3, ед. хр. 56.

Через много лет А. А. Ахматова в статье «Александрина» опровергает ходячую версию о взаимоотношениях А. С. Пушкина и его свояченицы, вскрывая самый механизм рождения клеветы и лжи. Их живучесть она объясняет законами обывательской психологии. В черновых рукописях Ахматовой есть набросок для «Александрины»: *«Из подслушанных разговоров. Первый.* — Как клевета похожа на правду. *Второй.* — Да, на правду не похожа только сама правда. — Подслушала Ахматова». Сюда же примыкает заметка: *«Нет дыма без огня* — я не знаю лучшей формулировки человеческой подлости и низости. Этой фразой можно покрыть какое угодно вранье, какую угодно клевету, и все сразу становится на свое место» (Звезда.— 1973.— № 2.— С. 207 /Публикация Э. Г. Герштейн)...

Историю этой клеветы Страхова подробно исследовал и убедительно опроверг В. Н. Захаров в своей книге «Проблемы изучения Достоевского». Петрозаводск, 1978.

[2] См.: Переписка А. Г. Достоевской с современниками/Публикация С. В. Белова//Байкал.— 1976.— № 5.— С. 144.

нен и чистосердечен, безгранично доверяя ее доброте и чуткости.

Анна Григорьевна просила опубликовать эти письма только после ее смерти. В 1916 году она говорила А. Измайлову: «Может быть, самое интересное в наследстве Федора Михайловича — его письма ко мне. Их 162. Почему я никогда не издавала их? Потому что в них сказано слишком много лестного обо мне, чего я, конечно, не стою ни в какой степени. Все 14 лет, не говоря уже о поре влюбленности, Федор Михайлович относился ко мне с чувством нежнейшей любви и дружбы. В письмах, в частности он так преувеличивал мои достоинства и не замечал недостатков, как это часто бывает с любящими, что мне казалось, это должно было остаться между нами, чтобы меня не обвинили в безмерном честолюбии, в любви к рекламе и т. д.

Никогда не находивший в жизни человека, на которого он мог бы излить все богатства своего чувства, он нашел его, когда я подошла к нему с своей любовью. Он видел во мне то, чего, разумеется, никто не видел, и это преувеличение любви поначалу мне было так странно, ну, как было бы странно, если бы кто-нибудь стал называть вас «вашим сиятельством». Нужно ли говорить, что эти письма были и есть моя величайшая радость и гордость, что я читала и перечитывала их сотни раз. И вот мне казалось, сделавшись достоянием света, они потеряют для меня некоторую долю своего аромата...

Когда же письма будут изданы, из них увидят, что я не преувеличивала, а преуменьшала чувство, какое ко мне питал муж, как он влекся к дому и детям, разлучившись с нами хотя бы на неделю, как не только во всех важных шагах, но во всяком пустяке он искал моего совета и без него терялся, какой, вообще, это был удивительный семьянин, отец, муж и человек...»[1]

Для Анны Григорьевны Достоевский до самых послед-

[1] Измайлов А. А. У А. Г. Достоевской.

них ее дней, до последнего дыхания всегда оставался замечательным человеком, прекрасным мужем — нежным, заботливым, простым, милым, каким бывал с ней. Он всегда жил в ее памяти беззаветно ей преданным и страстно в нее влюбленным. И именно эта ее всепрощающая и ничем не замутненная любовь помогала ей переносить и клевету Страхова, и разрыв-разлуку с дочерью, и тяжелый последний год ее жизни.

По совету врачей Анна Григорьевна с 1915 года часто живет в курортном местечке Сестрорецк под Петроградом. Она приводит в порядок архив Достоевского и ведет деятельную переписку со всеми, кто интересуется жизнью и творчеством писателя.

«Мне 72 года, но не хочу еще умирать, — говорила Анна Григорьевна Л. П. Гроссману в марте 1917 г. — И иногда надеюсь, что проживу, как моя покойница мать, до конца девятого десятка. Много еще работы впереди, далеко еще не завершены задача и труд моей жизни...»[1]

Жизнь в Сестрорецке текла спокойно, если не считать случая, о котором Анна Григорьевна охотно любила рассказывать. В марте 1917 года рабочие Сестрорецкого оружейного завода, в поисках скрывавшихся царских министров и сановников, постучались в комнату Анны Григорьевны. Когда перепуганная женщина открыла дверь, рабочие успокоили ее: «Мы знаем, кто вы, и ничего дурного не причиним вам. Нам необходимо только взглянуть в вашу комнату»[2].

Раза два в месяц Анна Григорьевна приезжала по «достоевским» делам в Петроград. В один из таких наездов в столицу ей сообщили, что ее очень хочет видеть молодой композитор, написавший оперу по роману «Игрок». Сергей Сергеевич Прокофьев заметно волновался, когда направ-

---

[1] Гроссман Л. П. Спутница Достоевского. — С. 10.

[2] Гроссман Л. П. А. Г. Достоевская и ее «Воспоминания». — С. 16.

лялся к Анне Григорьевне 6 января 1917 года. Он шел не просто к вдове Достоевского: он шел к той женщине, которая полвека назад стенографировала роман «Игрок».

Когда они прощались, С. С. Прокофьев попросил Анну Григорьевну написать что-нибудь в его памятный альбом, но предупредил ее, что альбом на тему о солнце и писать в нем можно только о солнце.

Л. П. Гроссман, которому Анна Григорьевна об этом рассказывала, сразу же подумал о косых лучах заходящего солнца — любимом пейзаже Достоевского. А Анна Григорьевна написала: «Солнце моей жизни — Федор Достоевский. А. Достоевская»[1].

Летом 1917 года Анна Григорьевна выехала на юг, взяв с собой для работы, как обычно, рукописи писателя[2]. Она исполнила свою мечту и свезла двух своих любимых внуков на Кавказ, где в 14 верстах от Адлера, в горах, над морем, у нее был маленький земельный участок с небольшим трехкомнатным домиком и яблоневым садом — предметом особой гордости Анны Григорьевны: все посадки в нем сделаны ее руками. Она хотела завещать этот участок своим внукам и назвала его «Отрада». Анна Григорьевна безумно любит своих внуков (это же его внуки) и поэтому часто гостит у своей невестки, которая вспоминает: «*Каждый вечер неизменно* я сквозь запертые двери слышала ее полусдержанный голос, повторявший молитвы, — голос горячей мольбы, убеждения, надежды, порою слезы; так молиться может человек, у которого никогда и тени сомнения не зарождалось, который опять-таки верил слепо, без рассуждений. Анна Григорьевна осуждала и возмущалась мистикой или спиритическими воззрениями — она находила, что можно верить или так, как повествует Евангелие, или не верить вовсе»[3].

---

[1] Лит. наследство.— Т. 86.— С. 269.

[2] О судьбе этих рукописей см.: Белов С. В. Вокруг Достоевского /Предисл. акад. Д. С. Лихачева//Новый мир.— 1985.— № 1.

[3] Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. 1506—1933.— С. 154.

Уже давно Анна Григорьевна просила родных и близких (и даже написала об этом в «Завещательной тетради») только об одном — чтобы ее захоронили в Александро-Невской лавре, рядом с мужем, и при этом не ставили отдельного памятника, а вырезали бы просто несколько строк. Но судьбе было угодно распорядиться иначе.

Анна Григорьевна надеялась, прожив несколько месяцев в своем домике под Адлером, вернуться в Петроград. Однако жестокая малярия, охватившая окрестности Адлера, и угрозы вернувшегося из армии местного дворника «ликвидировать» хозяйку «Отрады», заставили ее спешно покинуть свой домик.

22 августа 1917 года вместе со своей невесткой Екатериной Петровной (жена Федора Федоровича) и внуками она выехала на станцию Хоста, а затем в Туапсе. Но здесь вдова писателя чувствовала себя неуютно и вскоре решила переехать в знакомую ей Ялту. Екатерина Петровна вместе с сыновьями отправляется в Пятигорск, где в это время находился с Московским конным заводом Федор Федорович Достоевский.

Анна Григорьевна оказалась в городе совсем одна. Она поселяется в гостинице «Франция», в маленьком номере. Врач З. С. Ковригина, которая жила в Ялте вместе с Анной Григорьевной с сентября 1917 по июнь 1918 года, пишет, что «культ мужа был содержанием, смыслом, целью ее существования, воздухом, которым она дышала до последних дней своей жизни»[1].

У вдовы писателя огромные планы. Она мечтает открыть, наконец, Музей Достоевского в Москве или Петрограде, повесить мемориальную доску на доме, где была их последняя квартира, поставить памятник Достоевскому, открыть библиотеку его имени. Но для этого надо вернуться в столицу, однако ее не оставляет малярия. Она почти

---

[1] Ковригина З. С. Последние месяцы жизни А. Г. Достоевской.— С. 583.

не встает с постели и не выходит из гостиницы. Потом узнает, что Крым оккупировали немцы, и, кажется, уже окончательно понимает, что ей суждено умереть в Ялте. И в полном одиночестве. Сын — в Пятигорске и, видно, из-за немецкой оккупации не может приехать, а дочь уже пять лет за границей и только шлет слезные письма с просьбой прислать ей деньги («больному человеку нельзя жить без денег на чужбине»), не понимая, что мать сама очень нуждается.

Но болезнь не может сломить ее неукротимый дух. Она продолжает составлять «Библиографический указатель сочинений Ф. М. Достоевского и литературы о нем», посылает новые материалы в Отдел Достоевского при Московском Историческом музее, ведет переписку с исследователями жизни и творчества писателя, продолжает работу над воспоминаниями, разбирает его рукописи.

В 1938 году поэтесса Нина Берберова опубликовала в зарубежной прессе рассказ под названием «Смерть Анны Григорьевны». Сама Берберова не была свидетельницей последних дней вдовы и записала этот расказ, очевидно, со слов упоминаемого в нем некоего Михаила Ивановича, который вместе с З. С. Ковригиной навещал Анну Григорьевну в Ялте, или получила доступ к его тетради, где были описаны ялтинские встречи с Анной Григорьевной:

«...Обычно она лежала в постели и, так как ей всегда было холодно, накрывалась всем, что только было теплого, что сохранилось в корзинах, во что при переезде она запрятала самое ценное из манускриптов... Все отчетливее и милее, и юнее, и сладостнее возвращалось то, что было пятьдесят, сорок лет тому назад, что никогда не забывалось, но что тускнело от времени все эти годы, словно она сама дышала на свою молодость, и легким паром ее слабого дыхания покрывалась т а ее жизнь.

— Мы много вдвоем рыдали, — сказала она однажды человеку, которого она впускала к себе. — Но я была самая счастливая из жен.

А человек этот — смирный господин лет сорока, повадкой и разговором напоминавший провинциального учителя словесности, задумчиво протирал очки белыми руками, стараясь запомнить ее слова, чтобы дома записать их в тетрадку.

— У вас о нем много чего есть, верно, неопубликованного,— кивал он, улыбаясь, на корзины.

Но она вдруг садилась на кровати, выпрастывала худые, старые руки с кольцами из-под одеял и шуб и, словно стараясь дотянуться до этих корзин, вытягивала пальцы.

— Никому! Никому! Только после моей смерти.

После этого она затихла, может быть, думала об этой своей смерти. Когда? Где? Неужели здесь? В этом номере? Одна. Забытая дочерью и потерянная сыном.

Но бывали дни, когда Михаил Иванович, этот знакомый ее знакомых, близорукий и не болтливый человек, приводил ей по ее просьбе соседских детей, и она, свесив с кровати тонкие в меховых сапожках ноги, повязав волосы белым шелковым платочком, рассказывала им какие-то сказки или про заморские земли, или так — что помнила...

Малярия изнуряла ее. Припадки бывали почти ежедневно. Но в гостинице теперь уже знали, кто она, знали, что у нее колит, и к обеду девочка-татарка приносила ей всегда только то, что хозяйка «Франции» считала «легким». Но она ела так мало, что ей и не нужно было обеда...

Михаил Иванович носил ей книги из библиотеки, и она читала по утрам, просыпаясь рано. Она выбирала какие-то особенно скучные и сухие труды по религиозным и философским вопросам. От чтения глаза ее уставали и еще сильнее принимались блестеть.

— Вы не утомляйте себя, Анна Григорьевна, — говорил Михаил Иванович, — у вас сегодня как будто цвет лица хуже...

Ее крошечное теперь лицо и напряженный взгляд, длинные старческие уши, источенные ревматизмом пальцы ничего не могли сказать о том, какой была она в молодости.

К вечеру ее переставало лихорадить. В доме стихала суета. Шум моря, которого она не видела со дня приезда, был в ее маленьком номере; во дворе брякала цепью собака. Анна Григорьевна вставала, в шерстяных чулках и заграничных сапожках, в исподней юбке и заячьей кофточке садилась к крошечному письменному столу, отпирала ящик. Перо она макала в пузырек синих, водянистых чернил и почти неизменившимся своим почерком писала. Это была большая работа: «Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского». Она довела ее до 1912 года. Работала она, как опытный мастер, с картотекой...

Бывали дни, когда она решила отпереть скрипучие крышки своих корзин, закрытые пропущенным в петли железным прутом. Там лежал пакет с распоряжениями: «En cas de ma mort ou d'une maladie grave»[1]. Там лежали одиннадцать пакетов его писем к ней, и многое, что узнавалось ею сразу по ленте, обвязывавшей пачку бумаг, по краям листов, по конвертам...

И было в этом рассказе и о первом представлении Карамазовых в Москве, — много лет тому назад, и о разрыве с дочерью Любовью Федоровной, и о внуках, и о Пушкинской речи, и о пасынке — Паше Исаеве, — незажившая до этих последних месяцев рана, на всю жизнь легшая обида. Словно собрав все свои силы, напрягся глуховатый голос, утирая слезы, кутаясь, она говорила о... встрече... с Софьей Андреевной (Толстой. — *С. Б.*). И как они остались с ней вдвоем: «...она такая несчастная, такая ужасно несчастная, и я,— такая счастливая, самая счастливая, какая только была!» И как долго говорили. О чем? О многом, ох, о многом! А что, жива она еще, или умерла, бедная?..

Она умирала медленно — именно здесь, в этом номере, и совершенно одна, если не считать дежурившей по ночам женщины в белом фартуке (З. С. Ковригина.— *С. Б.*). Она

[1] «В случае моей смерти или тяжелой болезни» *(фр.)*.

ничего не ела, не принимала лекарств (которых не было), почти не спала, но находилась постоянно в полудремоте.

Бред ее был едва внятен... От любившей, ревновавшей, жертвовавшей всем, рожавшей и поклонявшейся Достоевскому женщины остались теперь хрупкие старые кости, обтянутые темной кожей, запавшие глаза, уже не принимающий пищу рот. Ушло сознание, потухли последние тревоги, забылись имена, и только шуршание газетного листа в руках сиделки смутно пробуждало мертвое лицо: что шуршит? не бумага ли? не дневник ли? не письма ли его к ней? «Идол мой»... «молюсь на тебя»...

Она замерла так тихо, словно сосна в снегу. В какие-то далекие дали полетели телеграммы Михаила Ивановича. Федор Федорович Достоевский ответил, что приехать не может, что из их мест не ходят в Крым поезда.

...А она-то мечтала лежать в Александро-Невской лавре! Ах, как она вообще часто мечтала,— весело и кротко,— о том и о сем, о семейном счастье сына, о любви дочери, о внуках, гуляющих взрослыми молодцами по яблоневому саду...

И мечтами этими, как и всею жизнью, она не мешала никому»[1].

Анна Григорьевна умерла 9 июня 1918 года. Сошла в могилу последняя из женщин, которых любил Достоевский, «единственная из женщин, которая поняла его», как он сам говорил, жена великого русского писателя, самая преданная его подруга, так много потрудившаяся для устройства счастливой жизни Достоевского и его посмертной славы.

Всего лишь четыре месяца не дожила она до открытия памятника Достоевскому в Москве...

В связи с оккупацией Крыма и гражданской войной

---

[1] Берберова Н. Смерть Анны Григорьевны — цит. по газ. вырезкам, хранящимся в Центральном государственном архиве литературы и искусства, ф. 2538, оп. 1, ед. хр. 5.

смерть Анны Григорьевны прошла незаметно. Появилось лишь три некролога, но они принадлежали перу известных критиков Д. Философова, Н. Слонимского и Л. Гроссмана. «...Мне хотелось только напомнить, что скончалась не просто «жена» Достоевского, а «жена писателя»,— отмечал Д. Философов.— Женщина, оказавшая неоценимые услуги незабвенному Федору Михайловичу. Она ясно сознавала свои обязанности перед русской литературой, перед памятью мужа, и свято выполнила все, что было в ее силах...»[1]

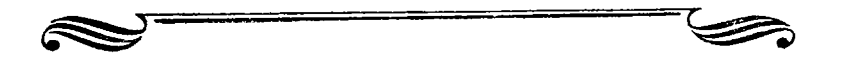
«...Анна Григорьевна не роптала и не могла роптать,— писал Н. Слонимский,— ибо с того момента, как она явилась осенью 1866 г. к Достоевскому в качестве стенографистки-переписчицы, Достоевский стал ее богом, ее единственным смыслом существования. Всю себя она отдавала на служение великому таланту ее мужа, и это обоготворение Достоевского осталось у нее до конца дней... Чистый тип русской женщины...»[2]

Через три года после смерти Анны Григорьевны Л. П. Гроссман напечатал статью «Спутница Достоевского»: «...но главное — она сумела переплавить трагическую личную жизнь Достоевского в спокойное и полное счастье его последней поры. Она несомненно продлила жизнь Достоевскому. С глубокой мудростью любящего сердца Анне Григорьевне удалось разрешить труднейшую задачу — быть жизненной спутницей нервно-больного человека, бывшего каторжника, эпилептика и величайшего творческого гения»[3].

Пушкинскую речь Достоевский закончил словами: «Пушкин... бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну». Бесспорно и Анна Григорьевна унесла с собою в гроб великую тайну своей полувековой любви и преданности Достоевскому.

---

[1] Наш век.— Пг., 1918.— 24 июля.— № 125.
[2] Новые ведомости.— Пг., 1918.— 3 авг.— № 127 (вечерний вып.).
[3] Театральное обозрение.— 1921.— № 6.— С. 11.

ПОСЛЕДНИЙ АККОРД

Анну Григорьевну похоронили в Ялте на Аутском кладбище, в склепе под Аутской церковью. В 1920-е годы ее внук Андрей Федорович Достоевский вместе со своей матерью Екатериной Петровной Достоевской регулярно навещали этот склеп (сын писателя, Федор Федорович Достоевский, и второй внук Анны Григорьевны, Федя, скончались в 1921 году в Москве от тифа, а дочь писателя Любовь Федоровна умерла за границей в 1926 году). В 1932 году Аутская церковь была разрушена, и когда Екатерина Петровна и Андрей Федорович в очередной раз приехали в Ялту, то они наняли рабочих и занялись раскопками. Склеп перестроили в могилу, забетонировали и поставили опознавательный знак.

В июле 1934 года грабители вскрыли могилу Анны Григорьевны. Когда Андрей Федорович снова появился в Ялте, курортный коммунхоз выделил рабочих, которые вновь забетонировали могилу.

До Великой Отечественной войны наблюдать за могилой Анны Григорьевны помогала сестра А. П. Чехова Мария Павловна Чехова. В 1930-е годы Екатерина Петровна и Андрей Федорович дважды, но безуспешно, пытались выполнить последнюю волю Анны Григорьевны — перевезти ее прах из Ялты в Александро-Невскую лавру. Сразу же после Великой Отечественной войны Музей-квартира Достоевского в Москве и Андрей Федорович запрашивали Ялтинский горисполком и Музей-квартиру Чехова в Ялте о сохранности могилы Анны Григорьевны. Но ответ пришел неутешительный: могила утрачена, так как во время бомбежки Ялты на кладбище стояла зенитная батарея.

Из-за болезни Андрей Федорович не смог выбраться в

Ялту (сказались фронтовые раны — он прошел всю войну, от начала до конца), к тому же до него дошли устные сведения, что кладбище ликвидировано и на его месте построено здание. Лишь в 1960 году научному сотруднику Московского Литературного музея О. А. Кудрявцевой случайно удалось наткнуться на могилу Анны Григорьевны, на которой за год до этого Ялтинский горисполком установил по собственной инициативе мраморное надгробие, причем местоположение могилы указала хранительница кладбища У. Г. Иванникова.

Когда я в 1965 году вместе с женой поехал в Ялту, то Андрей Федорович буквально завалил нас телеграммами с просьбой узнать, в каком состоянии находится могила Анны Григорьевны, кто заботится о ней, нельзя ли сделать подобающую надпись на памятнике и т. п. Местные краеведы, инженер Г. Сошин и книговед и журналист А. Анушкин показали мне на Аутском кладбище могилу Анны Григорьевны. Благодаря стараниям краеведов, особенно Г. Сошина, она была в хорошем состоянии. Я немедленно известил об этом Андрея Федоровича.

Но все эти годы Андрея Федоровича не оставляла мысль выполнить последнюю волю Анны Григорьевны — похоронить ее рядом с Достоевским. Он спешит это сделать, как будто чувствует, что ему самому осталось жить совсем немного. 9 июня 1968 года, в день пятидесятилетия со дня смерти Анны Григорьевны, Андрей Федорович, при содействии Союза писателей и особенно Л. М. Леонова и В. Г. Лидина, выполнил ее последнее желание: перенес ее прах из Ялты в Александро-Невскую лавру, где погребен Достоевский. На могиле Достоевского, с правой стороны надгробия, можно увидеть теперь скромную надпись: «Анна Григорьевна Достоевская. 1846—1918».

А через три месяца не стало и самого Андрея Федоровича. Последний раз я видел его за три недели до смерти. Он знал, что обречен, и сказал мне, что сам не успел написать книгу об Анне Григорьевне, но просит меня непременно это сделать. Я дал ему слово.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сергей Владимирович Белов

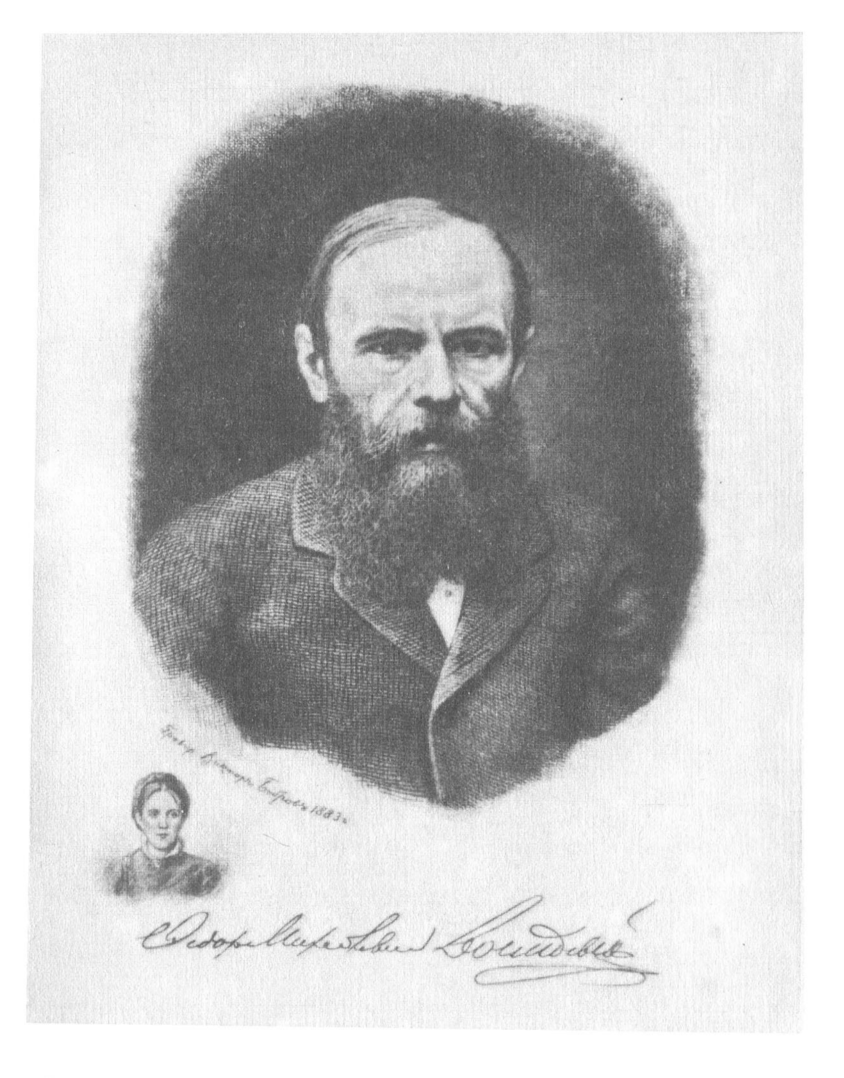
ЖЕНА ПИСАТЕЛЯ

Редактор М. Г. Пожидаева
Художественный редактор И. И. Рыбченко
Технический редактор И. И. Павлова
Корректор М. Е. Козлова

ИБ № 4838
Сдано в набор 01.04.86. Подп. в печать 24.10.86. А02460 Формат 70×108 1/32. Бумага № 1. На вкл.— офсетная. Печать текста высокая, вкл.— офсетная. Гарнитура литературная. Усл. п. л. 9,8 (в т. ч. вкл.— 0,70). Усл. кр.-отт. 10,15. Уч.-изд. л. 10,37 (в т. ч. вкл.— 0,61). Тираж 100.000 экз. Заказ № 1124. Цена 85 к. Изд. инд. НА-61.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

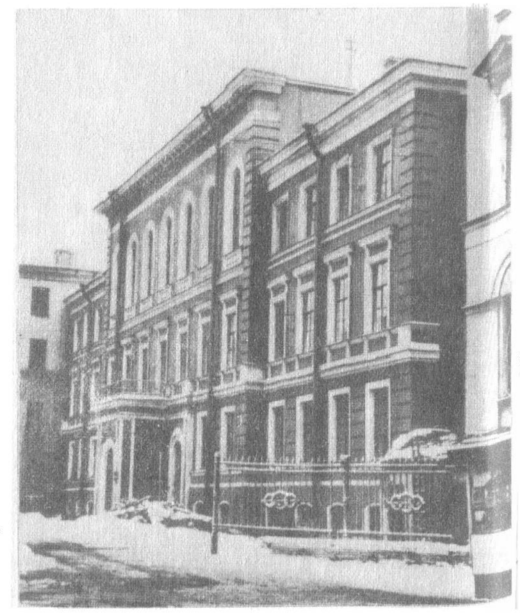

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ (С ПОРТРЕТОМ А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ).
Гравюра В. А. Боброва. 1883 г.

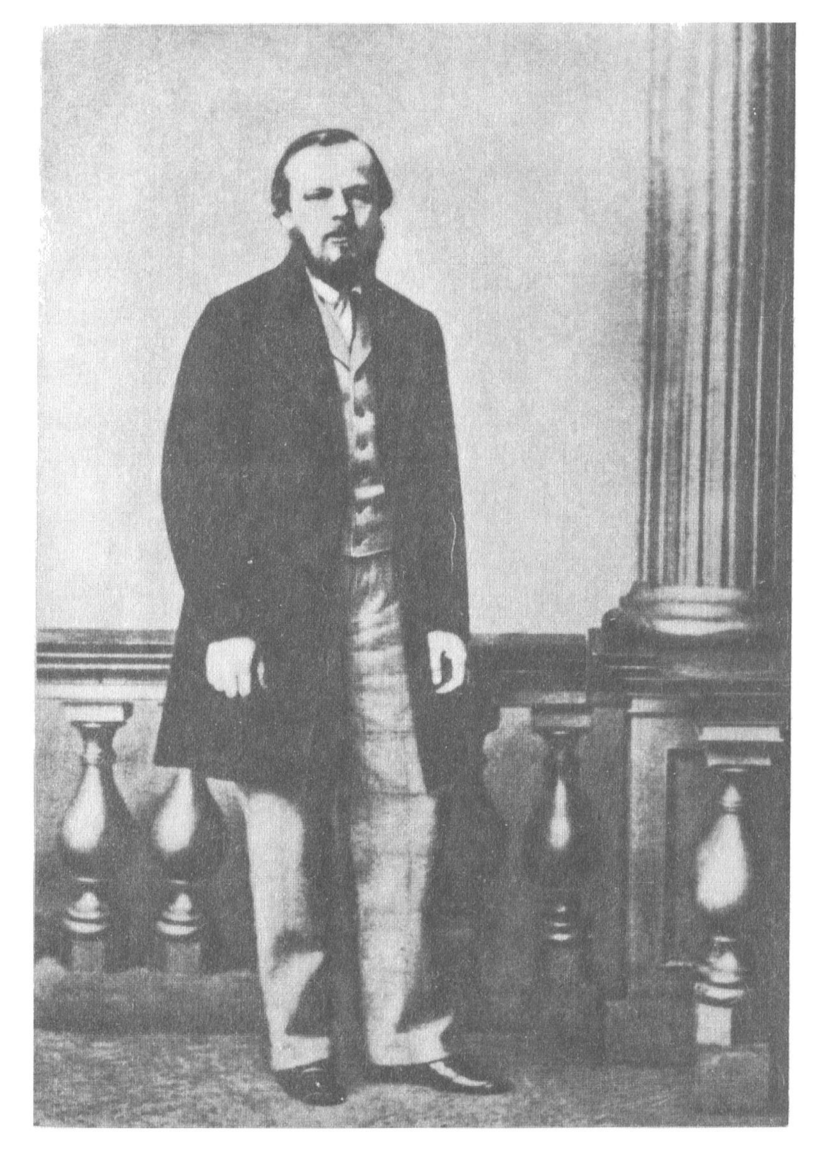
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.
Фотография М. Б. Тулинова. 1861 г.

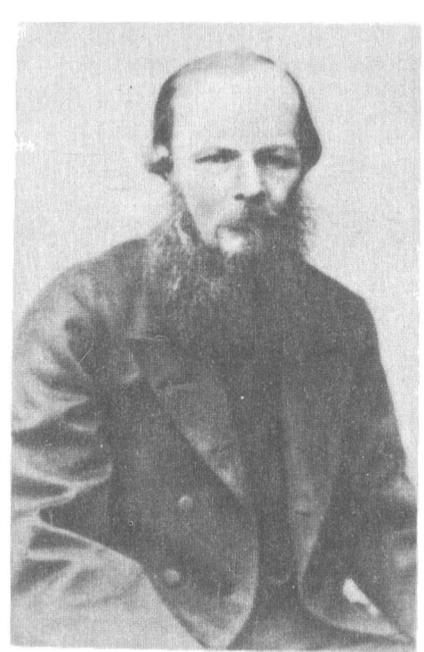

А. Н. СНИТКИНА
(1880-е гг.)

ЗДАНИЕ, ГДЕ ПОМЕЩАЛОСЬ УЧИЛИЩЕ СВЯТОЙ АННЫ.
Фотография 1985 г.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.
Фотография 1872 г.

ДОМ АЛОНКИНА.
Фотография 1985 г.

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ.
Фотография К. Аразима (1867—1871)

ДОМ В ЖЕНЕВЕ, ГДЕ ЖИЛИ ДОСТОЕВСКИЕ С ДЕКАБРЯ 1867 г. ПО МАЙ 1868 г.
Фотография Э. Гофмана (1868 г.)

ДОМ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СТАРОЙ РУССЕ.
Фотография (1920-е гг.)

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ
и И. Г. СНИТКИН.
Фотография К. Андерсона
(1876—1877)

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ.
Фотография Н. Лоренковича. 1878 г.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.
Фотография Н. Лоренковича. 1878 г.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.
Фотография К. А. Шапиро. 1879 г.

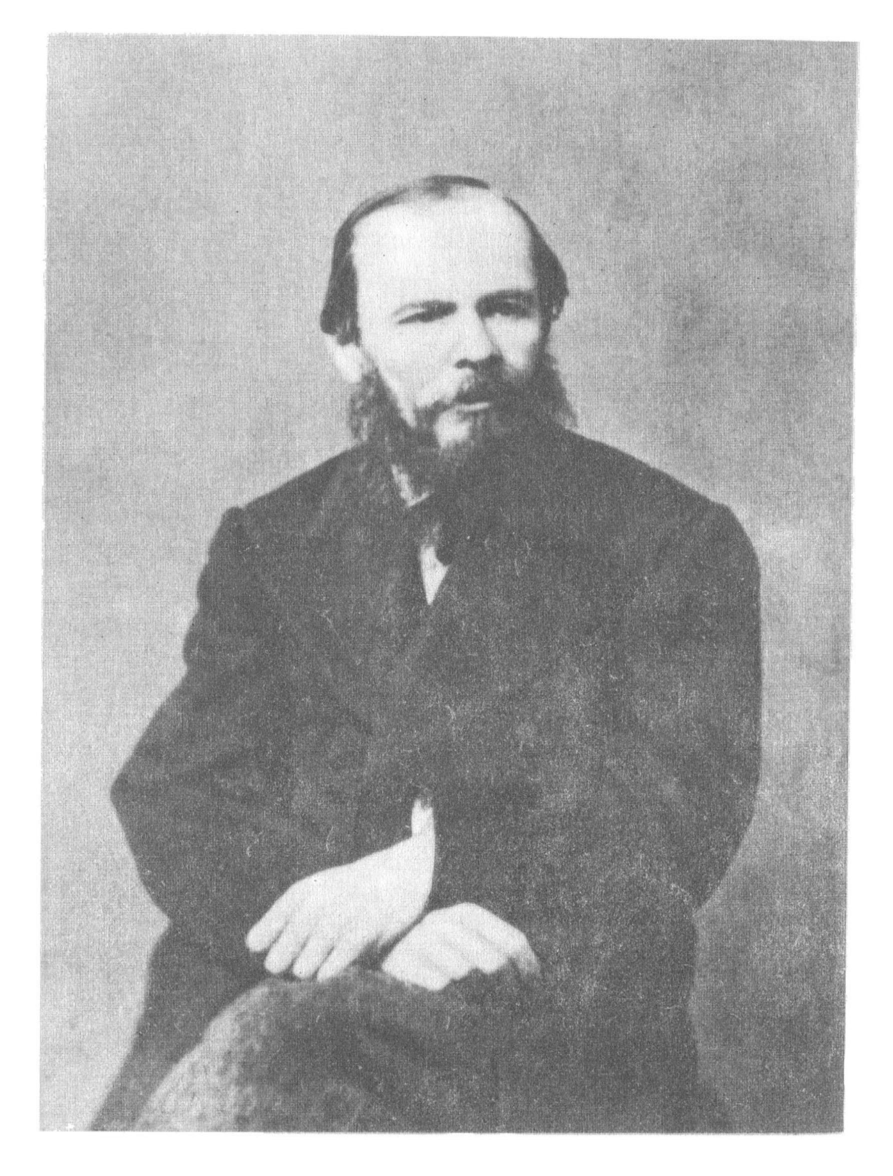
Петербург Понедѣльник 20 Августа /73

Милая Анечка, [illegible] что ты [illegible] на меня за квартиру; между тѣм кто [illegible] злодѣй и почему не искать лучше, если можно. Сегодня Анна Николаевна сообщила мнѣ адресъ квартиры ею для нас отысканной, на углу Николаевской и Разъѣзжей, близ конторы, 4 комнаты, кухня (2 [illegible]) 700 руб. — Но я еще вчера отыскал квартиру почти подлѣ нас, на Лиговкѣ же, но [illegible]

8/ Четверг 13 февраля 1875 г.

Милый мой золотой Федичька! Мнѣ ужасно досадно, что ты не получаешь моих писем, тогда как я пишу каждый день. На почтѣ увѣряют меня, что письма отправляются непремѣнно в тот же день, что с ними дѣлать, буду отправлять с вечера. Вчера вечером я получила за раз твои два письма от Понед. и от вторника и как как дѣти бросились ко мнѣ с вопросами о тебѣ, то я мигом и подарила по

ПИСЬМО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО К А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ
от 20 августа 1873 г.
ПИСЬМО А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ К Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ
от 13 февраля 1875 г.

МОГИЛА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.
Фотография 5 февраля 1881 г. Слева — Л. Ф. ДОСТОЕВСКАЯ, Ф. Ф. ДОСТОЕВСКИЙ и А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ, С. С. КАШПИРЕВА, Е. А. РЫКАЧЕВА; Справа — П. А. ИСАЕВ С ЖЕНОЙ Н. М. ИСАЕВОЙ, И. Г. СНИТКИН, Н. Н. СТРАХОВ.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.
Фотография М. М. Панова.
9 июня 1880 г.

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ.
Неизвестный художник
(1890-е гг.)

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ
(справа)
Фотография (1912—1913)

ШКОЛА ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СТАРОЙ РУССЕ.
Фотография (1883—1885)

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ С ВНУКАМИ.
Фотография М. Березовского. 1912 г.

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ В КОМНАТЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО ПРИ МОСКОВСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ.
Фотография 1916 г.